

А. М. Петров

**СИНТАКСИС РУССКИХ
ДУХОВНЫХ СТИХОВ**

Карельский научный центр
Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории

А. М. Петров

**Синтаксис русских
духовных стихов**

Петрозаводск
2012

УДК 811.161.1:81'367:82-141

ББК 83.3(2Рос=Рус)-2*81.2

ПЗ0

Р е ц е н з е н т ы :

д. ф. н. Л. В. Савельева

д. ф. н. Н. А. Криничная

ПЗ0 Петров А. М.

Синтаксис русских духовных стихов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. 164 с.

ISBN 978-5-9274-0553-4

Монография посвящена описанию синтаксического строя русских духовных стихов (эпических, лиро-эпических и лирических). Синтаксис жанра исследуется с учетом родовой специфики текстов и в связи с поэтическими и стилистическими функциями языковых структур. Выявляются наиболее значимые для каждой группы духовных стихов грамматические категории и модели, сходства и различия между стихами всех трех типов. Существенное внимание уделено анализу инициальных и финальных формул. Установлены основные тенденции в историческом развитии жанра. Работа адресуется специалистам по лингвофольклористике, фольклористике, поэтике, лингвистике текста, религиоведению, духовным стихам и народному православию.

УДК 811.161.1:81'367:82-141

ББК 83.3(2Рос=Рус)-2*81.2

*Введение и 1-я глава выполнены при поддержке
Совета по грантам при Президенте РФ (проект № МК-1845.2007.6)*

ISBN 978-5-9274-0553-4

© Петров А. М., 2012

© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Синтаксис эпических духовных стихов	18
1. Сюжетно-тематические группы эпических духовных стихов. Структурная организация синтаксического единства (основные виды текстообразующих моделей)	18
2. Структура предикативной единицы	21
2.1. Двусоставные модели	21
2.2. Неполные структурные модели	33
2.3. Односоставные модели	34
2.4. Осложнители предикативной модели	35
3. Типология межпредикативных связей (полипредикативные синтаксические единства)	44
3.1. Бессоюзная связь. Конструкции с прямой речью	44
3.2. Сочинительная связь	53
3.3. Недифференцированная сочинительная связь. Частицы-делimitаторы	58
3.4. Подчинительная связь	64
4. Инициальные формулы	66
5. Финальные формулы	69
6. О некоторых динамических тенденциях в синтаксисе жанра	72
Глава 2. Синтаксис лиро-эпических духовных стихов	78
1. О некоторых жанрообразующих признаках лиро-эпических духовных стихов. Основные сюжетно-тематические группы	78
2. Рефлексивность, оценочность и глубинная диалогичность как важнейшие категории поэтической структуры лиро-эпических духовных стихов. Способы их синтаксической экспликации	80
2.1. Первый тип диалогизации	85

2.2. Второй тип диалогизации. Инициальные и финальные формулы	93
2.3. Третий тип диалогизации	101
3. Монологические нарративные компоненты (медиальные и инициальные сегменты)	102
4. О некоторых динамических тенденциях в синтаксисе жанра	104
Глава 3. Синтаксис лирических духовных стихов	107
1. Лирические духовные стихи: специфика жанровой разновидности и основные тематические группы	107
2. Семантика и прагматика синтаксических структур. Жанрово обусловленные особенности поэтического синтаксиса	111
2.1. Покаянные духовные стихи. Инициальные и финальные формулы	111
2.2. Стихи с мажорной интонацией	122
3. О некоторых динамических тенденциях в синтаксисе жанра	126
Заключение	128
Литература	137
Тексты-источники	145
Архивные материалы с паспортизацией	146

ВВЕДЕНИЕ

В изучении языка, стиля и поэтики русских духовных стихов отечественная лингвофольклористика делает пока лишь только первые шаги¹. Многочисленные трудности, встающие на пути исследователей, обусловлены разными факторами, среди которых назовем важнейшие: во-первых, крупных собственно фольклористических работ по духовным стихам пока что явно недостаточно; во-вторых, сам язык фольклорных жанров (как стихотворных, так и прозаических) до сих пор представляет собой явление во многом загадочное и непознанное.

Исследователи духовных стихов – фольклористы, музыковеды, историки, лингвисты – констатируют, что произведения этого жанра поражают стилистической и языковой пестротой: здесь можно найти тексты на любой вкус: от классических «старин» былинного типа до позднейших силлабо-тонических ямбов и хореев с отчетливо выраженной литературной основой. В свое время эта особенность дала основание исследователям отказать духовным стихам в праве называться отдельным, самостоятельным жанром со своими специфическими жанровыми признаками. Показательно, например, мнение И.А. Оссовецкого, писавшего, что по форме духовные стихи «не образуют самостоятельной художественной категории, некоторые из духовных стихов приближаются к былинам, некоторые – к лиро-эпическим и лирическим песням» [Оссовецкий 1979: 211].

Первые попытки общей систематизации материала были предприняты в то время, когда научное изучение духовных стихов только началось (вторая половина XIX – начало XX в.). В основу самой первой классификации (отчасти она не потеряла своего значения и поныне) был положен *хронологический* критерий: в соот-

¹ Мы не делаем специальный обзор лингвистических работ по духовным стихам, освещающий так называемую «историю вопроса», поскольку эти работы единичны. Приведем только ссылку на них: [Никитина 1993 (а), 2009; Мухина 2006]. Также существуют небольшие публикации по отдельным аспектам синтаксиса / морфологии / лексики духовных стихов: [Язык русского фольклора 1977 и др.].

ветствии с предполагаемым временем возникновения, духовные стихи подразделялись на «старшие» («былевые») и «младшие» (классификация П.А. Бессонова). К стихам первой группы были отнесены чисто народные, сложенные в духе метрики былинного эпоса; к стихам второй группы – тексты литературные по происхождению, но фольклорные по бытованию, со своей формально-стилистической организацией и тематикой (по большей части лирического склада). Вторая классификация опиралась на *родовые различия* духовных стихов: в соответствии с характером воссоздания художественной действительности, последние разделялись на эпические, лиро-эпические и лирические [Соколов 2007: 325–333].

Обрыв традиции изучения духовных стихов в отечественной фольклористике не позволил исследователям разработать более подробные и детализированные классификации. В известной работе Г.П. Федотова «Стихи духовные: русская народная вера по духовным стихам» (она вышла из печати в Париже в 1935 г.) духовные стихи используются как материал для изучения русского народного православия, поэтому проблема их классификации остается в стороне [Федотов 1991: 14]. В то же время и здесь автору пришлось задаться вопросом о принципах отбора материала для исследования, что потребовало определенной систематизации текстов и сюжетов, т. е. своего рода их классификации. В качестве объекта изучения Г.П. Федотов выбрал «старшие» эпические стихи, поскольку именно они полнее всего отражают народное религиозное мировоззрение. Стихи же рифмованно-силлабические, пишет Г.П. Федотов, обличают сами по себе книжную культуру. Они всегда несут с собой «книжный, славяно-русский словарь и такую богословскую грамотность, которая намного превышает уровень чисто народных песен» [Федотов 1991: 14].

В конце XX в. снятие идеологических ограничений позволило переиздать ранее труднодоступные тексты [Селиванов 1991; Солощенко, Прокошин 1991 и др.]. Естественно, что составители новых сборников столкнулись с проблемой логичного расположения материала, т. е. фактически с проблемой классификации. Предварительным и наиболее оправданным в этих условиях решением данной проблемы стало распределение текстов по достаточно удобному и гибкому *тематическому* принципу (стих о... или стих

про...). Обратной стороной этого принципа является возможность субъективного толкования сюжетов; в затруднительное положение попадает исследователь и в случае их контаминации. В целом же, общая логика систематизации выглядит здесь примерно так: стихи группируются *по событию* (например, стихи о Страшном суде), *по персонажу* (например, стихи об Иосифе Прекрасном), *по сакральному топосу* (стихи о пустыне), *по сакральному объекту* (стихи о Голубиной книге или о Свитке Иерусалимском), то есть как минимум по четырем основаниям, и при атрибуции конкретного текста трудно выбрать единственно верное².

В настоящее время полноценное изучение духовных стихов возродилось: насколько можно судить по библиографическим указателям, каталогам и периодическим изданиям, работы по духовным стихам выходят из печати достаточно регулярно, причем изучение жанра носит многоаспектный характер: анализируются музыкальная сторона, состав сюжетов, локальные традиции исполнения и бытования, семантика образов, поэтика, стилистика, соотношение с книжными источниками, проблема адаптации литературного текста к условиям фольклорной среды, художественные функции духовных стихов в современной литературе и т. д. Однако и в этих работах проблема классификации духовных стихов, как правило, не ставится и не решается.

Таким образом, детальной и непротиворечивой классификации, которая основывалась бы на едином принципе, пока не существует. В предлагаемой работе, посвященной синтаксической проблематике, мы посчитали целесообразным использовать классификацию Ю.М. Соколова (стихи эпические, лиро-эпические и лирические), понимая некоторую условность такого деления и внося свои поправки и уточнения, если этого требует рассматриваемый материал.

Однако помимо проблемы классификации существует еще целый комплекс теоретических и практических проблем, которые постоянно необходимо иметь в виду любому фольклористу и лингвофольклористу [Петров 2011]. Среди них важнейшей является проблема *специ-*

² В этом отношении довольно симптоматично, например, что в новом сборнике эпических песен, подготовленном к изданию в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН, некоторым текстам дано двойное название: «Страшный суд» («Михайла Архангел») или «Трудник» («пустынник», «пятница»): [Соколовы 2007: 462, 465].

фики фольклорного текста и, следовательно, выбора адекватной методики его изучения. Обзор литературы, существующей по этому вопросу, дает основания заключить, что, с одной стороны, на современном уровне развития фольклористики необходимость строгого ограничения текста фольклорного от текста литературного, равно как и необходимость изучения фольклорного текста с опорой на его этнографический (или прагматический) контекст и в неразрывной связи с последним, стала аксиоматичной [Пропп 1976: 16–33]; с другой стороны, как справедливо пишет И.Ф. Амроян, «нельзя адекватно записать произведение фольклора (если иметь в виду полноту коммуникативных, экстралингвистических составляющих акта его произнесения). Записать можно лишь текст, поскольку именно он является носителем информации, средством ее накопления» [Амроян 2005: 31]. В свою очередь «запись “чистого” текста приводит к тому, что и здесь, как в литературных текстах, осуществляется установка на отсечение всех внетекстовых связей, которые, по мнению собирателей (или издателей), не являются критически необходимыми для понимания» [Амроян 2005: 31]. В настоящее время, утверждая, что «живая жизнь фольклорного текста образует иную реальность со своей расстановкой смысловых и ценностных акцентов» [Никитина 2006: 68], исследователи, тем не менее, оговаривают, что здесь важен учет *жанрового* фактора: «не все жанры, виды, тексты фольклора в одинаковой степени связаны с этнографическим контекстом» [Толстая 2005: 120]: например, «теснее всего связаны друг с другом так называемый обрядовый фольклор и обряд» [Толстая 2005: 119], и «гораздо меньшую связь с обрядовым (этнографическим) контекстом обнаруживают необрядовые жанры повествовательного фольклора» [Толстая 2005: 120]. В целом, выделяется два аспекта в трактовке фольклорного текста: текст в его *статике* (текст как таковой) и текст в его *динамике* (как акт исполнения, включенный в прагматический, или этнографический, контекст) [Толстая 2005: 120]. Учет этнографического контекста особенно важен «при изучении генезиса фольклорных явлений» [Пропп 1976: 28]. Что же касается лингвофольклористики, то привлечение контекста (в том числе мимики, жеста и т. п.) при осуществлении исследовательских процедур обычно не практикуется. Это связано с тем, что лингвофольклористика, хотя и призвана содействовать раскрытию важных проблем фольклористики (языко-

вая экспликация того или иного мотива, особенности фольклорного текстообразования, выражение разнообразных жанровых признаков и категорий теми или иными языковыми средствами, специфика структуры и семантики фольклорного слова в целом и пожанрово и т. д.), имеет все же свой, специальный, объект исследований. В структуре термина «лингвофольклористика» на этот объект указывает элемент *лингво-*. Для лингвофольклориста основным объектом внимания является *язык, слово*. Именно в слове, как известно, аккумулируется духовный опыт человечества; слово является основным носителем смысла, центральным звеном любой полноценной человеческой коммуникации, в том числе фольклорной. Изучение паралингвистических средств бытования фольклорного текста правомерно и целесообразно, но не они являются объектом лингвофольклористики, по крайней мере на данном этапе ее развития. В ведении лингвофольклористики находится «статический» аспект фольклорного текста, текст изучается, если воспользоваться определением С.М. Толстой, «в статике».

При изучении синтаксиса фольклорных жанров лингвофольклористам приходится решать и теоретическую проблему *выделения основной синтаксической единицы фольклорного текста*. Некоторые исследователи таковой единицей традиционно считают *предложение*. Однако, как известно, определение предложения в русской грамматической традиции пусть и варьировалось, но всегда основывалось на текстах письменных. Но в устных текстах (особенно в песенных жанрах фольклора) строгой границы между предложениями, отмечаемой в книжной речи точкой, нет и быть, разумеется, не может, хотя музыкально-интонационные свойства этих текстов и могут служить опорой для выявления коммуникативно завершенных, относительно целостных единиц речи (предложений). Проблема заключается в том, что фонозаписи фольклорных произведений в большинстве случаев для исследователей недоступны. Судить же о реальной интонационно-музыкальной (и, следовательно, синтаксической) организации текста лишь по «текстовому аналогу» (т. е. по рукописному тексту) практически невозможно. Поэтому при выделении синтаксических единиц в опубликованных текстах мы опираемся на знаки, расставленные издателями, внося, по мере необходимости, свои поправки. При анализе же архивных материалов мы расставляем знаки препинания (важнейший знак – точка), руково-

дствуясь известными принципами русской пунктуации [Шапиро 1955]. В то же время мы отдаем себе отчет в том, насколько зыбким является такое членение устного текста. Возможно, специальные исследования в этой области помогут выработать относительно точные критерии синтаксической сегментации фольклорных записей (в особенности произведений песенных жанров).

В настоящее время большинство ученых, изучающих фольклорный текст, принимают за основные, помимо предложения, такие синтаксические единицы, как *сложное синтаксическое целое* и *синтаксическое единство*. В предлагаемой вниманию читателей работе мы не используем термин «предложение», хотя и не считаем его использование при анализе фольклорного текста невозможным или неприемлемым. Однако термины «единицы моно- и полипредикативного уровня» представляются нам более корректными и точными.

Своеобразие фольклорного синтаксиса констатируется и на уровне словосочетания: так, например, Л.В. Савельева, изучившая на материале некоторых жанров субстантивные соединения типа *Ивашка белая рубашка*, отмечает «специфический характер этих конструкций, которые не являются словосочетаниями в том смысле, в котором употребляется этот термин в современных академических грамматиках русского языка и теоретических трудах по синтаксису» [Савельева 1988: 42]. Подобные паратактические структуры интерпретируются Л.В. Савельевой не как словосочетания, а как аналоги словосочетаний.

В связи со сказанным может быть попутно поставлена и проблема *разработки единых принципов пунктуации для издания фольклорных текстов*. Существующие в настоящее время пунктуационные знаки, принципы и правила, как известно, были разработаны для обслуживания письменной формы речи, вторичной по отношению к устной, в которой функцию знаков препинания всегда выполняла интонация. Между тем, в опубликованных сборниках фольклорных текстов эти знаки выступают в несвойственной им роли: они используются для пунктуационного оформления былин, сказок, духовных стихов и т. д., хотя, как справедливо писал исследователь Д.Н. Медриш, «книжные знаки не всегда приспособлены к передаче тонкостей устной речи, тем более – поэтической» [Медриш 1980: 192]. Как правило, расста-

новка знаков препинания осуществляется по современным для издателя нормам. Поэтому один и тот же текст, опубликованный в разное время, будет тождественен себе во всем, кроме одного: количества «предложений» и типологии синтаксических связей между предикативными единицами. Фактически это будет уже другой вариант, и процедура его исследования едва ли не обесмысливается. С подобной проблемой сталкиваются и исследователи литературных текстов: так, при определении границ предложения «не учитывается возможная субъективность автора при расстановке знаков препинания, расхождение пунктуации и интонации и разобщаются структурно близкие явления. Например, несмотря на структурную близость отрезков речи: 1) «It kills whales, not men» ... и 2) «I thought I married Doctor Manson... Not Doctor Bernardo», ... 1) – одно предложение, а 2) – два только потому, что отрезок 1) разделен запятой, а отрезок 2) – точкой» [Вейхман 1961: 97; Валимова 1973: 92 – 93]. Именно поэтому для полноценной эдиционной и научной работы фольклористов и лингвофольклористов так важны разработка специальных, предназначенных для издания именно фольклорных текстов, принципов пунктуации и, возможно, внедрение в практику *иных или дополнительных* пунктуационных знаков, которые могли бы более точно передать богатство оттенков, нюансов звучащей речи исполнителя. Данная проблема еще ждет своих исследователей.

Отдельная проблема – это *критика опубликованного фольклорного текста*. Какие тексты заслуживают доверия современного фольклориста и лингвофольклориста, а какие из корпуса материалов, подлежащих изучению, предпочтительнее исключить? В крупнейшем издании духовных стихов П.А. Бессонова некоторые варианты, с точки зрения современной эдиционной практики, вызывают вопросы. В XIX в. очевидная сейчас паспортизация любого записанного текста принята не была. Следовательно, сведения о большинстве текстов весьма скудны: не всегда указаны исполнитель, место и время записи и т. д. Не всегда ясно, опубликован текст хотя бы в приближенном к живому бытованию виде или же он подвергся значительной редакторской правке. Что же касается архивных записей, имеющих в нашем распоряжении и выполненных «по всем правилам», то здесь мы сталкиваемся с другой проблемой: текст исчерпывающе паспортизирован, однако представляет собой

обрывки полуразрушенного сюжета на позднем этапе бытования традиции духовных стихов. Удачные случаи «совмещения» хорошей паспортизации и хорошей сохранности сюжета крайне редки. Естественно, что критика текста – это отдельная проблема. Каждый вариант должен изучаться специально. В нашем распоряжении не имеется возможности предварять синтаксический анализ многолетней подготовкой текстов к исследованию. Однако некоторые моменты перед началом работы учесть необходимо. Во-первых, из базы данных по духовным стихам автоматически исключаются все так называемые «сводные» варианты, которыми снабжено издание П.А. Бессонова. Во-вторых, многие опубликованные в XIX в. материалы могут быть сопоставлены с более поздними и более точными, корректными в научном отношении изданиями (например, с результатами экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых, опубликованными в 2007 г. [Соколовы 2007]). В этом случае более «надежные» тексты выступают в качестве контрольного, проверочного материала. В-третьих, из корпуса изучаемых текстов исключаются варианты, полученные из не вызывающих доверия источников (например, тексты с пометами «образец переделки», «получено от Сахарова», тексты с нулевой паспортизацией и т. п.). Думается, что соблюдение этих несложных правил позволяет в большинстве случаев оперировать вполне адекватным (не «сфальсифицированным») материалом.

Теперь, после необходимых предварительных замечаний, обратимся непосредственно к проблематике, заявленной в названии работы.

Вопрос о синтаксической организации духовных стихов отечественными учеными специально пока не ставился³. Между тем исследование жанрового синтаксиса имеет принципиальное значение, поскольку во многом именно на синтаксическом уровне формируется жанровая специфика и коммуникативная прагматика. Однако, в свою очередь, изучение синтаксического строя фольклорных текстов разной жанровой природы в каждом конкретном

³ История этого вопроса невелика: есть лишь отдельные статьи, посвященные частным проблемам и выполненные на несколько ином материале (например, [Тарланов 1992: 81 – 95]). Синтаксису эпического стиха о Голубиной книге посвящена кандидатская диссертация автора: [Петров 2005].

случае сопряжено с поиском адекватной методики анализа: то, что перспективно для исследования былины или исторической песни, для изучения загадки или пословицы окажется малопригодным. В то же время в основе бытия любого фольклорного текста лежат общие, универсальные принципы, обусловленные пульсацией в фольклорном сознании традиционного устно-поэтического канона [Путилов 1976: 183; Мальцев 1989: 26]. Важнейшим из этих принципов признается фольклорная формульность. Она составляет фундамент фольклорного текстообразования. Нервными узлами, «прикосновение к которым будит в нас ряды определенных образов», афористично назвал фольклорные формулы А.Н. Веселовский [Веселовский 1940: 376]. При исследовании эпических стихотворных жанров необходимость выявления и систематизации формул (клише, речевых стереотипов, констант, устойчивых словесных комплексов – по разной терминологии, принятой в обширнейшей литературе по фольклорной формульности) возрастает многократно. Поэтому центральным, ключевым звеном эпического фольклорного текста, подлежащим лингвистическому анализу, должна стать именно формула, а в русле интересующей нас проблематики – *формула синтаксическая*.

Проблема синтаксической формульности уже неоднократно ставилась фольклористами и лингвофольклористами. Так, С.Ю. Неклюдов важнейшим признаком «стилистического трафарета» считает именно «единообразие синтаксического построения» [Неклюдов 1978: 53]. Такая формульность определена С.Ю. Неклюдовым как «грамматическая», в отличие от формульности «лексической». О том, что формулы «строятся по определенным образцам – моделям», причем не только тематическим, лексическим или метрическим, но и синтаксическим, писал Е.М. Мелетинский [Мелетинский 1968: 110]. На необходимость расширения понятия фольклорной формульности и введения синтаксического (помимо лексического) критерия выявления и классификации формул указывает Е.Б. Артеменко [Артеменко 1988: 77]. К синтаксическим формулам исследовательница относит текстообразующие блоки – композиционные фрагменты и их полипредикативные компоненты. Вопрос о синтаксической формульности стал центральным в работах

Е.А. Калашниковой, посвященных синтаксису былины. Синтаксическую формулу исследовательница определяет как «одинаково метрически и синтаксически организованное словесное выражение, которое выступает в роли модели, наполняемой разным словесным материалом» [Калашникова 1997: 230; 1998].

В настоящей работе мы руководствуемся довольно широким пониманием сущности синтаксической формулы: вслед за А. Лордом, мы считаем, что «формулы в устно-повествовательном стиле не сводятся к сравнительно немногочисленным эпическим “ярлычкам” – на самом деле ими насыщен весь эпос. В песне нет ничего, что не было бы формульным» [Лорд 1994: 61]. Аналогичную мысль высказывал Б.Н. Путилов: по его мнению, и в местах типических, и в местах переходных «певец пользуется готовым запасом формул, которые он должен искусно соединить в стих и выстроить в систему стихов» [Путилов 1966: 256].

Поэтому мы относим к синтаксическим формулам как типовые «фольклорные» модели, из которых конструируется устный эпический текст (например, разные виды повторов, межстиховая атрибуция, синтаксический параллелизм), так и типовые, доминантные синтаксические схемы, являющиеся приметой музыкально-стихотворного жанра и стиля (например, полная двусоставная предикативная единица с подлежащим – именной частью речи и сказуемым – личной формой глагола *NI – Vf* или бессоюзная паратактическая связь со значением перечисления). В нашем понимании синтаксическая формула – *это устойчивая, поддерживаемая традицией синтаксическая модель (клише)*, на которой основывается фольклорное текстообразование. Далеко не всякая синтаксическая схема может стать синтаксической формулой: например, некоторые виды односоставных моделей или гипотактических (подчинительных) структур формулами в контексте эпического жанра не являются.

При анализе духовных стихов понятие фольклорной формулы не всегда может найти опору в зафиксированных собирателями текстах. Так, известно, что «младшие» духовные стихи стоят ближе к околофольклорной форме художественного творчества. Заметим, что они, вопреки распространенному мнению, могут быть не только лирическими, но и эпическими (таков, например, стих «Жил юный отшельник»), а кроме того, не только покаянными: среди них довольно мно-

гочисленны торжественные псалмы, характеризующиеся общей жизне-
нерадостной тональностью лирического чувства. Однако, каковы бы
они ни были по форме и по содержанию, многие из них представляют
собой плод индивидуального авторского творчества. Это значит, что
методика анализа фольклорного текста по отношению к «младшим»
стихам оказывается, на первый взгляд, неприменимой. Однако при-
надлежность большинства «младших» стихов к лирическому роду
литературы все же дает основания полагать, что на уровне синтакси-
ческой формы они будут составлять известное типологическое един-
ство, обусловленное общими свойствами лирики – оценочностью,
субъективностью и изображением «душевной жизни как всеобщей»
[Гинзбург 1974: 8]. Л.Я. Гинзбург писала: «Веками существовал спе-
циально поэтический язык; язык, для которого решающее значение
имели отстоявшиеся формулы, корнями уходящие в культовое мыш-
ление, в народное творчество, исторически развивающиеся и пере-
дающиеся от поэтической системы к поэтической системе. Иные из
этих формул с древнейших времен и до наших дней не покидают
в лирике свое место носителей испытанных эмоций. К опорным тра-
диционно поэтическим словам прибегали все системы, все школы,
даже самые “антипоэтические” и разрушительные. Они расставляли
их как вехи, чтобы напомнить о своей лирической природе и насы-
тить лиризмом свой дисгармонический стих» [Гинзбург 1974: 13].
Опыт исследования синтаксиса поэтических текстов доказывает, что
также могут быть выявлены, помимо лексических, и определенные
грамматические константы лирической традиции. Автор специальной
монографии И.И. Ковтунова назвала их «универсалиями поэтической
речи» [Ковтунова 1986: 199]. На наш взгляд, представление о струк-
турном изоморфизме лирических стихов может быть в чем-то соотне-
сено с понятием фольклорной формульности. Кроме того, многолет-
нее бытование в устной традиции приводит к известной фольклориза-
ции и лирических духовных стихов. Они могут приобретать синтак-
сические черты классических фольклорных текстов.

Таким образом, одной из центральных в предлагаемой работе
должна стать проблема изоморфности синтаксических клише в ду-
ховных стихах эпических, лиро-эпических и лирических. Наша за-
дача заключается не только и не столько в каталогизации синтак-
сических формул, сколько в поиске регулярных, инвариантных за-

кономерностей поэтической структуры духовных стихов как целостного жанра устной поэзии. Это важно потому, что стилистическая разнородность духовных стихов дает основания современным исследователям интерпретировать духовный стих не как жанр, а как область устного народного творчества, представленную совокупностью разных жанров.

Представляется, что решение поставленных задач позволит, во-первых, выявить и описать некоторые наиболее значимые особенности жанрового текстообразования и, во-вторых, более обоснованно судить о структурном и жанровом единстве эпических, лиро-эпических и лирических духовных стихов или, напротив, об их принципиальном, качественном отличии друг от друга.

Помимо опоры на понятие фольклорной формульности мы учитываем также и двойственную (музыкально-стихотворную) природу изучаемого жанра. В отечественной лингвофольклористике наиболее полно и последовательно методика анализа подобных текстов обоснована и апробирована Е.Б. Артеменко [Артеменко 1977]. Исследовательницей выявлены специфические синтаксические модели, образующие фундамент музыкально-стихотворного фольклора (повторы разных видов, параллелизм, межстиховая атрибуция и т. д.). В настоящей работе использование методики Е.Б. Артеменко позволяет рассмотреть синтаксические черты духовных стихов во всей полноте и своеобразии, с учетом специфики текста, во-первых, фольклорного, а во-вторых, музыкально-стихотворного.

Подчеркнем, что одним из определяющих и важнейших аспектов анализа духовных стихов является установление особенностей взаимодействия в них категорий грамматики и поэтики, то есть поэтических функций языковых структур в тексте, что согласуется с традициями *петрозаводской школы лингвофольклористики* [Тарланов 2008: 102–115; Тарланов 1999]. Благодаря анализу языковых категорий удастся выявить многие специфические черты народно-православной культуры, т. е. культуры христианской, но преломленной в народной среде через призму дохристианских представлений.

Работа не носит чисто грамматического и чисто лингвистического характера и не преследует цели составить конечный словарь

ный инвентарь синтаксических единиц в рассматриваемом жанре. Теоретические проблемы синтаксиса поднимаются лишь попутно и только в тех случаях, когда разрешение грамматического вопроса имеет значение для теоретической фольклористики. Подчеркнем, что составление грамматики фольклорного языка является перспективной задачей для будущего, однако в нашей работе эта задача не ставится и не решается.

Приоритет функционального анализа над структурно-описательным дает возможность достаточно гибко подходить к тексту, изучая его как от формы к содержанию (преимущественно такой способ описания выбран в первой главе), так и от содержания к форме (главы вторая и третья).

Объектом анализа являются преимущественно *единицы коммуникативного плана (моно- и полипредикативные синтаксические единства)*; словосочетания и их аналоги не рассматриваются. При квалификации синтаксических единиц мы следуем образцам нормативной академической грамматики русского языка [Грамматика 1980] в качестве теоретической основы, однако специфика фольклорного синтаксиса нами, безусловно, учитывается в каждом конкретном случае. Отступления от принятой в Грамматике-80 терминологии и типологии не столь часты, но возможны (например, в вопросе о выделении двусоставных и односоставных предложений).

Материалом для исследования послужили эпические, лиро-эпические и лирические духовные стихи из классических и современных сборников, а также из архива Карельского научного центра РАН. Список опубликованных и архивных источников приведен в конце работы. Основные сюжеты перечисляются в начале каждой главы. В целом, исследовано более 1000 вариантов текстов, среди которых основной массив – тексты стихотворные, но имеется и большая подборка прозаических пересказов, также заслуживающих внимания исследователей. В хронологическом отношении материал привлечен весьма разнообразный: от записей из сборника Кириши Данилова (XVIII в.) до записей конца XX в. Соответственно, значительное внимание уделяется проблеме исторической динамики жанра и обусловленным этой динамикой конструктивным (синтаксическим) трансформациям в диахронии.

ГЛАВА 1

СИНТАКСИС ЭПИЧЕСКИХ ДУХОВНЫХ СТИХОВ

1. Сюжетно-тематические группы эпических духовных стихов. Структурная организация синтаксического единства (основные виды текстообразующих моделей)

Группа эпических духовных стихов представлена большим разнообразием сюжетов и вариантов. Эпические стихи – это стихи фольклорные. Язык и стиль, образная система, поэтический строй – все составляющие этой жанровой разновидности традиционны. Книжно-христианские образы, пришедшие на Русь с переводной литературой, воссоздавались в народной среде при помощи поэтических и стилистических средств, выработанных еще дохристианской фольклорной традицией. На пересечении двух культур и родился духовный стих, относимый исследователями к сфере «народной герменевтики» [Никитина 1993 (а)]. Его функция – перевод книжно-богословских понятий и доктрин на язык традиционной культуры, адаптация иноземных образов к реалиям и условиям русской культурной среды.

Укажем основные сюжетно-тематические группы эпических стихов, послуживших материалом для настоящего исследования¹. К духовным стихам, повествующим *о началах и судьбах мироздания*, относится в первую очередь сюжет «Голубиная книга». Отдельную группу составляют стихи, повествующие *о персонажах Ветхого завета*, например об Иосифе Прекрасном. К стихам, содержащим отсылки к персонажам и героям *Нового завета* (хотя бы и к апокрифам на новозаветную тематику), можно отнести стихи «Сон Богородицы», «Милостивая жена милосердная» и др. Стихи *о змеборцах* – «Фёдор Тирон» и «Егорий Храбрый», *о мучениках* – «Егорий и царице Демьянице», «Галактион и Епистимия», «Кирик и Улита» и др., *о подвижниках* – «Алексей, человек Божий» и др., *о чудотворцах* – «Агрик

¹ При выделении таких групп мы следуем за издателями сборника [Селиванов 1991].

и его сын Василий», «Димитрий Солунский» и др., *о праведниках и грешниках* – «Два Лазаря», «Аника-воин», *о событиях и героях древнерусской истории* – «Александр Невский», «Борис и Глеб» и др.

Таковы основные группы эпических духовных стихов, рассматриваемые в настоящей работе.

Как отмечают современные исследователи, структурные особенности синтаксиса стихотворных жанров фольклора обусловлены не только их устной природой, но и единством их стихотворной и музыкальной сторон. Синтаксическая организация эпических духовных стихов, как жанра именно музыкально-стихотворного, в целом базируется на синтаксических формулах, выработанных эпической традицией. К таким формулам относятся: синтаксический параллелизм, разные виды эпических повторов (позиционный, концентрирующий и цепной), межстиховая атрибуция [Артеменко 1977].

Доминантой текстовой структуры эпического духовного стиха, безусловно, является *синтаксический параллелизм*. Параллелизм – это и каркас, и ткань фольклорного текста, без которых невозможна сама жизнь эпоса в устной традиции: «Возговорит малый юник, / Малый юник, сын возлюблен: / “Я, матушка, твой сон спорассужу, / Я, матушка, твой сон, спорасскажу”» [АКНЦ². Кол. 56. № 96]; «И проснулась она ранёшенько, / Умывалася она белёшенько, / Утиралася она скорешенько, / Собирала она свои платьица: / Первы платьица взяла венчальные, / Вторы платьица взяла печальные, / Третьи платьица взяла дорожные» [Селиванов 1991: 96].

Во втором примере можно обнаружить и свойственный исключительно языку фольклора, с его традиционными устроениями, троичный параллелизм (*первый – второй – третий*) [Артеменко 1977: 64]. Исследователь лексики и фразеологии русской народной лирической песни А.Т. Хроленко называет такие конструкции счетным рядом [Хроленко 1981: 149].

В редких случаях в эпических духовных стихах (как правило, в тех, которые наиболее созвучны былинному канону) обнаруживаем *отрицательный параллелизм*: «Из далеча из чиста поля / Не люта змея вывивалася – / Вывивалася, выстилалася / Ровна стрелочка калёная» [Селиванов 1991: 86].

² Здесь и далее АКНЦ – Научный архив Карельского научного центра РАН.

Параллельное строение могут иметь не только монопредикативные структуры, но и их структурные компоненты (главные и второстепенные члены): «Близко городу Ерусалимова / Собиралися, соезжалися / *И сорок царей со царевичем, / И сорок князей со князевичем / Ко тому царю Выду Евсеичу*» [Бессонов. № 77. С. 274]; «Злая жена вельможина / Дороги одежды скидала, / Золоты монисты сорывала, / По теплыя спальны раскидала, / Белое лицо свое растерзала, / Женски свои власы *растрепала, / Сама женским голосом кричала*» [Селиванов 1991: 50]; «Напустил Господь да змею лютую, / Змею *лютую, девятиглавую*» [Селиванов 1991: 94]; «Завсегда он в своём доме пребывает, / Отца своего Якова спотешает / *Своей великой красотою, / Своей отличной лепотою*» [Селиванов 1991: 44]; «Молился царь Константин Сауыллович / *У честных у затурней, / У святых у молебенов*» [Селиванов 1991: 86].

Истоки параллелизма как формульного способа синтаксической организации эпического текста лежат в особенностях фольклорной эстетики, базирующейся на принципе симметрии [Оссовецкий 1979: 220; Доброва 2004]. В этом плане фольклорный текст представляет собой не автономный продукт духовной культуры, а, образно говоря, органичную часть одной мозаики, охватывающей все многообразие проявлений духовной деятельности человека (народная архитектура, вышивка, живопись, игрушка). Последняя же вдохновляется разнообразием природных форм, многие из которых также стремятся к симметрии – снежинка, лист, цветок, жук, бабочка, рыбы, птицы, пчелиные соты, человеческое тело [Вейль 2007; Шубников, Копчик 1972; Узоры 1980].

В некоторых случаях стихи, образующие синтаксическое единство, сходны друг с другом лишь внешне при их коренном конструктивном различии: таковы структуры с чередованием в смежных строках подлежащего и дополнения (или определения к объекту) при совпадении форм именительного и винительного падежей (синтаксическая омонимия): «Богатая египетская купчина / *Все* оны торги постановили, / *Все* купли-продажи прикрыли, / *Все* оны на Осипа взирали, / Не могли цену ему оценить» [Селиванов 1991: 49].

Помимо параллелизма, устной традицией выработаны и другие синтаксические формулы, на основе которых строится стихотворный текст. Прежде всего это, конечно, разнообразные повто-

ры: *позиционный, концентрирующий, цепной*: «*А и стала змея да поналётывать, / А и стала змея да понасхватывать / По головошке да по скотинной, – / Стало мало скота в граде ставиться*» [Селиванов 1991: 94] (*позиционный повтор*); «*Я надеюсь, сударь батюшко, / Я на Спаса на пречистого, / Я на матушку Пресвятую Богородицу, / Я на Троицу нераздельную*» [Селиванов 1991: 87–88] (*концентрирующий повтор*); «*Будто я сына спородила, / Во свято крещеньице крестила, / Во пелены пеленала, / Во пелены камчатые, / Во пояса шелковые*» [АКНЦ. Кол. 56. № 75] (*концентрирующий повтор*); «*Повела поить на синё море, / На ту воду на студеную, / Обмывати крови жидовския, / Жидовския, бусурманския*» [Селиванов 1991: 90] (*цепной повтор*).

В очень редких случаях используется синтаксическая модель *межстиховой атрибуции*: «*Это не два зверя собиралися, / Не два лютые собегалися: / Соходилась это Правда со Кривдою*» [Бессонов. № 87. С. 328].

Таковы в целом принципы строения синтаксического единства в эпических духовных стихах.

2. Структура предикативной единицы

2.1. Двусоставные модели

Предикативные единицы в эпических духовных стихах имеют характерное для стихового фольклора строение. Подавляющее их большинство – это двусоставные единицы, выраженные синтаксической формулой $NI - Vf$, которая репрезентирует событийную, фактуальную сторону традиционного нарратива: «*Меня Господь возлюбил / И по земле попустил: / Я всякого раба вознимаю, / Я всякого раба воскушаю, / Я где раба застигаю, / Я тут раба воскушаю*» [Селиванов 1991: 201].

Для эпоса, повествующего о событиях прошлого, обычны формы глаголов прошедшего времени, однако во многих случаях в одном контексте возможно и совместное функционирование форм прошедшего и настоящего: «*Приходил ко книге премудрый царь, / Премудрый царь Давыд Евсеевич. / До Божьей до книги он доступнается, / Перед ним книга разгибается, / Всё божественное писание ему объявляется. / Ещё приходил ко книге Володимир-князь*» [Бессонов. № 82. С. 300].

В лингвистической литературе случаи подобного употребления временных форм получили название *настоящего исторического времени* (или *praesens historicum*), или *настоящего повествовательного* [Прокопович 1982: 261]. Считается, что генетической основой такой нехарактерной «специализации» форм настоящего времени является народная речь. О «конкуренции» настоящего и прошедшего времен глаголов в одном контексте, их постоянном пересечении и об эстетической функции такого «свободного обращения с временами» писал В.Я. Пропп: «Певец, конечно, понимает, что события песни относятся к прошлому... Тем не менее вопрос этот не так прост, как это может казаться на первый взгляд. Искусство эпоса до некоторой степени родственно искусству драматическому. Когда зритель смотрит на сцену, он, конечно, знает, что изображаемые на сцене события в преобладающем большинстве случаев относятся к прошлому, воспринимаются же они как события, происходящие перед нашими глазами в настоящем. Нечто сходное имеется и в эпической поэзии <...> певец не делает принципиальной разницы между повествованием и описанием. Повествование трактуется как описание... Слушатель *видит* происходящие события» [Пропп 1958: 540–541]. На стремление сказителя отождествить время рассказа со временем рассказываемого обращал внимание Д.С. Лихачев [Лихачев 1979: 237]. Наблюдение исследователей верно и для жанра эпических духовных стихов. Именно по этой причине мы не можем присоединиться к мнению М.А. Венгранович, утверждающей, что подобное «смешение» видо-временных форм глагола «можно считать специфической чертой языка исторической песни» [Венгранович 1996: 7]. Очевидно, что указанное явление не может считаться специфическим ни для одного из жанров: это инвариантная черта эстетики эпоса.

Весьма своеобразны архаические формы глагола, близкие к древнерусскому аористу (типа *несоша*), проникшие в фольклорные тексты из книжных источников: «Будут меня убивать жиды прокляты: / Руки гвоздями они *колотяша*, / Жезлом бока мои *прободаша*, / Ноги гвоздми *колотяша*, / Тростью голову мою *убиваша*» [АКНЦ. Кол. 56. № 96].

Глагольные формы – это грамматические репрезентанты такой сюжетной единицы текста, как мотив, ядром которого, как известно, является именно действие-предикат [Мелетинский 1979: 146; Криничная 1987: 19].

Схема *NI – Vf* благодаря количественному расширению глагольного компонента в параллельных синтаксических структурах с однородными предикатами последовательно варьируется. Клише *NI – Vf1, Vf2...* приобретает характер формулы-инварианта, организуя повествовательную динамику эпических текстов. Конструкции с однородными предикатами считаются одними из основополагающих при создании любого художественного текста, обладающего видо-временной структурой [Бабаева 2001: 4]. В эпических духовных стихах они, будучи употреблены в прошедшем времени, передают событийную динамику; будучи употреблены в настоящем времени, описывают, характеризуют, *рисуют* фольклорный образ, то есть передают образно-картинную статику, хотя хорошо известно и то, что в русской эпической традиции даже глаголы в форме прошедшего времени, благодаря существованию развитой в русском языке грамматической категории вида с ее специфическими стилистическими потенциями, способны, при условии их употребления в несовершенном виде, «рисовать» факты, а не просто констатировать их [Пропп 1958].

Стиль эпических духовных стихов – это стиль глагольный. Насколько можно судить по научной литературе, посвященной эпосам разных народов мира, роль глаголов одинаково велика в каждой эпической традиции [Мелетинский 1968: 111]. Исследователи языка жанров русского фольклора констатируют, что глагол как средство морфологического выражения сказуемого доминирует и в былине, и в исторической песне, и даже в лирической песне [Тарланов 1981; Венгранович 1996; Артеменко 1977; Мальцев 1989], что связано с самой спецификой эпоса как рода, воссоздающего действительность через события и факты. Однако помимо влияния чисто художественных, эстетических факторов, преобладание в эпосе структур *NI – Vf* связано с тем, что эта синтаксическая формула существует, на основе психологической коммуникации, в индоевропейских языках с доисторических времен [Тарланов 2008: 18].

В единичных случаях предикат, обозначающий действие, может выражаться причастными формами диалектного происхождения на *-учи* (пример из варианта, записанного в середине XIX в. в Псковской губернии): «Во степях-то он *пребываючи*, / Никто его в глаза не *видаючи*, / Никой у мир шкоды не делает: / Потому же ён всем зверям отец» [Бессонов. № 84. С. 313].

Причастие может иметь и форму прошедшего времени: «Много Аника церквей *растворивши*, / И много Аника лик Божиих *поругавши*, / И много Аника святых иконы *переколовши*, / Много Аника христианския веры облатынил» [Селиванов 1991: 197–198].

Для характеристики статичного признака используются предикативные модели *NI – Adj1* и *NI – Adj1 (кратк.)*: «Живот твой не правой, / Живот твой кровавой, / Польза души твоёй не будё» [Соколовы 2007: 134]; «От моего бела лица лучи стоят, / Как от солнца от праведного: / Велика наша вера крещеная, / Велик наш христианский Бог!» [Селиванов 1991: 122].

Аналогичную функцию выполняют структурные модели *NI – NI*: «Есь я не царь, не царевись, / Есь я не король, не королевись, / Есь я не вельможа, поляница удалая, / Есь я от Господа Бога горькая смерть прекрасна / Про тебя, Аника-воин» [Соколовы 2007: 134]; «А ведь учителем был ведь Иисус Христос» [Соколовы 2007: 47].

В позиции сказуемого может находиться также количественно-именное сочетание: «Эта книга да есть не малая, / В долину книга да сорок локот, / В ширину-то книга да двадцать локот, / В толщину-то книга десять локот» [Соколовы 2007: 44].

В синтаксисе духовных стихов отмечены также структуры типа *NI – Part1 (кратк.)*: «На трех китах земля основана» [Соколовы 2007: 46]; «Это все ли Господом создано, / А им же все обзаконено» [Соколовы 2007: 48]; «Потому она всем горам мати, / Што на ней роспят сам Господь Христос» [Соколовы 2007: 50].

Еще одним исключением из эпического инварианта *NI – Vf* является текст стиха о Голубиной книге, насыщенный в композиционном блоке, раскрывающем вопросы аксиологии, предикативными структурами тождества с инверсией субъекта и предиката, эксплицирующими представление о статике сакрального мироустройства; ср. в следующем примере ответ на вопрос «Которая у нас рыба над рыбами мать?»: «Им ответ держал на то премудрый царь,

/ Наш премудрый царь Давид Евсеевич: / “У нас *кит-рыба* над рыбами *мать*”» [Ляцкий 1912: 12].

Здесь в функции сказуемого в препозиции выступают конкретные нарицательные и собственные имена существительные (*кит-рыба*, *Фавор-гора*, *Иерусалим-город* и т. д.). Указанные структуры совершенно нехарактерны для других сюжетов и, в целом, могут служить примером теснейшего взаимодействия грамматических и поэтических категорий в художественном тексте. Структуры тождества оптимальны для предикативного сопряжения (*X есть Y*) в едином художественно-эстетическом пространстве важнейших фрагментов сакрального миропорядка (с одной стороны, мифологический образ, или мифологема, с другой – ее народнопоэтический аксиологизатор). Естественно, что натурфакты или артефакты, определяемые как *мать* или *отец* всем остальным во Вселенной, получают высшую этическую и эстетическую оценку.

Что касается способов выражения *подлежащего* (как в структурах тождества, так и в структурах с финитным глаголом), то они достаточно традиционны и обусловлены как поэтикой рассматриваемого жанра, так и общими принципами эстетики фольклора. В этом смысле одним из наиболее востребованных (хотя далеко не единственным) является *нарицательное конкретное существительное*. Например: «Во святом во граде в Ерусалиме / Стоит *церковь* сааборная» [Бессонов. № 76. С. 271].

Думается, что использование конкретных существительных в двусоставных предикативных центрах связано с естественным способом осмысления и репрезентации окружающего мира: он предстает в осязаемых, наглядных формах, в непосредственно наблюдаемых, конкретных образах. В.Я. Пропп писал, что одним из основных требований народной эстетики является такой выбор слова, «который давал бы максимально ясный и четкий зрительный образ» [Пропп 1958: 539]. В духовных стихах этому требованию отвечает использование сказителями именно конкретных имен существительных (*церковь*, *город*, *гора*, *книга*, *рыба*). Они являются средством «живописания», создания статичной художественной картины мира. По признанию исследователей, «основную часть нашего мироздания (мира сущего) образуют представления об единичных предметах, которые в языке обозначаются конкретными именами существительными; эти

предметы мыслятся всегда как носители качеств и как производящие из себя, благодаря движениям и изменениям, такие действия, которые находят себе выражение в прилагательных и глаголах» [Шахматов 2001: 22–23]. Между прочим, этим объясняется и преобладание схемы *NI – Vf* в структуре поэтических текстов.

Широко употребительны в функции подлежащего также и *нарицательные существительные с абстрактной семантикой*. Они, как правило, входят в лексико-семантическую группу слов, которые обозначают отвлеченные нравственные или религиозные понятия и непосредственно используются для выражения духовного начала человеческой жизни (*Кривда, Правда, ум, душа*). Однако на особенности употребления и этих существительных в жанре очень сильно влияет эстетика фольклора: во многих случаях отвлеченные понятия обнаруживают явную тенденцию к приобретению «реальных очертаний», «индивидуализируясь или конкретизируясь» [Шахматов 2001: 444]. Например, можно отметить зооморфные образы *белого и серого зайцев* в стихе о Голубиной книге (сон о Правде и Кривде): «*Это белый заец, – то-то Правда есть, / А серая заец, – то-то Кривда есть*» [Бессонов. № 76. С. 273]. В некоторых случаях Правда и Кривда предстают в *антропоморфных* образах: «*Мне в ночи мало спалось, / Во сне много сну видалось: / Будто юноши сохотились, / Два младые подирались*» [Бессонов. № 83. С. 309]. Часто для обозначения той или иной абстрактной нравственной или иной категории используются символы – конкретные имена существительные (*черный ворон* – смерть, *красный цветок* – жизнь, *рай* – добро, *ад* – зло и т. п.). Как известно, символическое представление абстрактных идей свойственно средневековому поэтическому мышлению, усматривавшему «в конкретных явлениях подобия трансцендентным понятиям» [Белова 2001: 41]. В русских эпических духовных стихах изображение отвлеченных категорий опирается прежде всего на фольклорную традицию [Петров 2008], что позволяет осуществить относительно точный перевод идей и системы христианских ценностей с языка богословской книжности на свойственные фольклорному сознанию символы, знаки и языковые модели.

Концептуально значимы также *собственные имена* с ослабленной дейктической функцией, которые играют принципиальную в аспекте жанровой прагматики роль: они очерчивают эпическое

пространство с позиции этической оценки, то есть формируют шкалу этических ценностей. Приведем некоторые примеры: «Жил-был на свете убогий *Лазырь*» [АКНЦ. Кол. 36 / 1. № 47]; «Много *Аника* по земле походил, / И много *Аника* войны повоевал, / И много *Аника* городов разорял» [Селиванов 1991: 197]; «А *Иордань-река* над реками мать, – / Во славной матушки во *Иордань-реки* / Окрестился в ней сам *Иисус Христос*: / Потому *Иордань-река* над реками мать» [Ляцкий 1912: 12]; «Во святом граде *Константинове* / Было богомолье великое» [Селиванов 1991: 86]; «На три города *Господь* прогневался, / На три города да на три неверных: / А и на первый город – *Арахлин-город*, / На другой город – на *Солом-город*, / А на третье царство *Сарофимское*» [Селиванов 1991: 94].

В обширной литературе, посвященной роли собственного имени в художественном тексте (как фольклорном, так и литературном), подчеркивается особая полновесность ономастического пространства в структуре произведения [Буштян 1989: 135–139; Михайлов 1987: 78–82 и др.]. Известно, что собственное имя в языке и в тексте занимает не тождественные семантико-стилистические и функциональные позиции: в обычной речевой коммуникации оно называет, чтобы различать объекты, а в художественной речи дифференцирующая функция совмещается с эстетической, изобразительной [Карпенко 1986: 34–40]. Собственное имя в тексте может существовать не только в замкнутых рамках определенной художественной системы, но и раскрываться для взаимодействия со всей совокупностью достижений мировой духовной культуры, обнаруживая богатство ассоциативных, интертекстуальных связей. Кроме того, оно может приобретать устойчивые коннотации, придающие художественному образу дополнительные семантические оттенки и даже становящиеся смысловым ядром текста [Буштян 1982: 95–100].

Собственное имя в фольклорном тексте имеет свои принципиальные особенности. По замечанию А.Т. Хроленко, специфика собственного имени в фольклоре обусловлена спецификой фольклорного слова, которое характеризуется оценочностью, иерархичностью, устойчивой коннотацией, смысловым парадигматизмом, блоковостью и ассоциативностью. «Все это, – пишет А.Т. Хроленко, – в сумме дает предельную обобщенность, экспрессивность, семантическую неопределенность» [Хроленко 1988: 53]. Следова-

тельно, «собственное имя в фольклорном тексте трансформируется в сторону обобщения, неопределенного расширения смысла и превращения в имя нарицательное» [Хроленко 1988: 53].

Указанная тенденция последовательно реализуется и в эпических духовных стихах, в которых имя собственное не столько номинирует героя или географический объект, сколько эксплицирует аксиологическую составляющую жанра.

Так, например, в сюжетах «Вознесение Христа» и «Сон Богородицы» смешиваются персонажи Иоанн Богослов, Иоанн Предтеча и Иоанн Златоуст. Это значит, что для сказителя и слушателя важно не имя, а образ-концепт, который ассоциируется с именем, и семантический фон имени, его традиционный культурный шлейф, концентрирующий в себе сущность выражаемой идеи. Для фольклорного сознания первостепенное значение имеет *роль-функция* персонажа, а не эксплицирующий ее языковой ярлык: варьируются, видоизменяются и чередуются также многие другие имена, однако неизменной остается типовая, инвариантная функция стоящих за ними героев в инварианте того или иного сюжета (*Демьянище – Кудрянище – бусурманище – царь, мучающий святого Егория; Волотман – Волотоман – Владимир – Давыд Евсеевич – Соломон Давыдович – задающий вопросы мудрец в стихе о Голубиной книге; Елисафья – Агафья Агапеевна – приносимая в жертву змею девушка; Анна – Катерина – бездетная супруга князя Ефимьяна; Богородица – заступница, страдающая мать; Христос – небесный царь, Бог, распятый на кресте и принявший страдания за грехи человечества*).

Точно так же условны *топонимические* именованья, поскольку они, несмотря на возможное формальное совпадение с названиями реальных городов, рек, озер или гор, выражают обобщенную идею *греха – святости* (ср. оппозицию *Содом – Иерусалим*), или, по терминологии И.А. Оссовецкого, соответствующую гиперсему – семантический инвариант [Оссовецкий 1979: 232]. «Задача реализации гиперсемы, – пишет И.А. Оссовецкий, – порождает отрыв от конкретных реалий и формализованное перечисление частых географических названий, лишенных конкретной локализации <...> имена собственные, манифестирующие гиперсему, утрачивают свое прямое значение и начинают восприниматься как нарицательные» [Оссовецкий 1979: 232].

Функция собственных имен – топонимов – в эпических духовных стихах заключается в маркировании *святого* или *грешного* локуса, который и размечается на условной географической карте жанра соответствующими вербальными ярлыками. В рассмотренных сюжетах география «выступает как разновидность этического знания» [Лотман 1992: 408]. По наблюдению Ю.М. Лотмана, средневековый человек рассматривал «географическое путешествие как перемещение по “карте” религиозно-моральных систем: те или иные страны мыслились как еретические, поганые или святые» [Лотман 1992: 408].

В изученном материале можно выявить и тенденцию переноса центра мироздания из далеких стран в родную для сказителей Русскую землю. Так, интерес вызывает вариативность употребления топонима Иерусалим (Русалим), который, вероятно, связывается с названием Русской земли (*Русалим-город городам мать*). Как можно увидеть из этого примера, образ родины выносится сказителем в центр сакрального миропорядка. Совершенно прав был Ф.М. Селиванов, который отметил «некоторый сдвиг художественного мира духовных стихов на свою землю» [Селиванов 1991: 15]. Вообще, для традиционной культуры как таковой характерна *этноцентричность*, т. е. проецирование сакрального центра на пространство «своей» земли [Левкиевская 2009: 305].

Итак, собственные имена в эпических духовных стихах теряют свое прямое значение, аксиологизируются и функционируют как нарицательные, выражая идею *святого* / *грешного* человека или места. С их помощью эксплицируются полярные элементы жанровой семантической оппозиции *добро* / *зло*, которые получают соответствующую этическую оценку [Никитина 2005: 280].

В количественном плане очень весомы в функции подлежащего *личные местоимения*. Местоимения *он, она, они* обычно используются как средства обеспечения смысловой связности текста без неоправданных лексических повторов: «Да што святой-то Егорий тогда поехавши, / Дак *он* по той-то земли проезжаючи, / Дак *он* святую веру утверждаючи, / Дак видь святой-то Егорий тогда наехавши / На самого-то царя-царища Демьянища» [Селиванов 1991: 115]; «Во славном во городе Рыме, / При царе было при Онорие, / Жил человек благочестивый, / Великий Ефимьян-князь, / Супруга его Аглайда. / Жили *они* многие лета, / У них не было детища ни единого» [Селиванов 1991: 130].

Как пишет З.К. Тарланов, исследовавший структуру и функции единиц монопредикативного уровня в былинном эпосе, «субъектная форма в принципе может повторяться столько раз, сколько отдельных действий, совершаемых эпическим героем. Это – закон жанра. Но регулярно повторять имя богатыря невозможно по многим причинам (это громоздко, нарушает музыку стиха, неудобно и т. д.), поэтому в былине появляется анафорическое, отсылочно-указательное местоимение *он*, выполняющее роль подлежащего-плеоназма, роль сугубо технического былинного подлежащего» [Тарланов 1981: 47]. В эпических духовных стихах, во многом типологически близких былинному эпосу, личные местоимения в целом выполняют аналогичную функцию.

В некоторых случаях местоимение может сочетаться с существительным: «*Кривда с Правдою они спорили*» [Бессонов. № 88. С. 335]. Подобные синтаксические построения получили название конструкций с плеонастическим местоимением и считаются чертой разговорного стиля [Сиротинина 1974: 204–219].

Другое местоимение – *ты* – характеризует исконную разговорно-народную форму обращения к собеседнику в диалогах: «*Ты скажи нам, проповедывай; Ты ещё скажи, поведай нам*».

Местоимение *Вы (Вас)*, употребляемое при обращении к одному лицу (в современном русском литературном языке это общепринятая форма официального вежливого обращения), невозможно в фольклоре. По данным Ф.И. Буслаева, народный язык вообще не знал «вежливых местоимений 2-го лица мн. числа» [Буслаев 1959: 390]. Следовательно, наличие в эпических духовных стихах такой формы может либо свидетельствовать о позднем литературно-книжном влиянии, либо сигнализировать о том, что мы имеем дело с фальсифицированным текстом. Так, довольно своеобразен вариант из сборника П.А. Бессонова на сюжет «Сон Богородицы» [Бессонов. № 617], который по ряду признаков (чуждые инварианту мотивы, некоторые лексические, морфологические и синтаксические особенности) выбивается из традиции (возможно, это контаминированный текст): «*Расплачется наша Матушка, / Святая Богородица Марея: / “Сыне моя возлюбленная! / Не могу против Вас стояти, / На Ваши страсти зрети”*» [Бессонов. № 617. С. 201].

В некоторых случаях подлежащее может выражаться количественно-именным сочетанием с числительным *сорок*: как известно, этот фольклорный нумератив сигнализирует о полноте качества или количества во многих жанрах устной поэзии [Хроленко 1975: 38–42]. Числительное *сорок* «выполняет не только и не столько информативную, сколько эстетическую, художественную функцию» [Хроленко 1975: 42]. Условность значения этого числительного обусловлена таким универсальным свойством фольклорного слова, как обобщенность его семантики. Приведем примеры: «Ко той Книге Голубиной / Соходилися и соезжалися / *Сорок* царей и со царевичем, / А *сорок* князей со князевичем, / Ко тому царю перемудрому / Ко Давиду Евсеевичу» [Бессонов. № 86. С. 317]; «А из пустыни было Ефимьевы, / Из монастыря из Боголюбова, / Начинали калики наряжати / Ко святому граду Иерусалиму, / *Сорок* калик их со каликою» [Бессонов. № 4. С. 7–8].

Безусловно, в изученных тестах отмечена фольклорная *троичность*: «У нас *три* царя да было большиих: / Костянтин был царь, да Волотоман царь, / Был премудрый царь Давыд Осиевич» [Бессонов. № 80. С. 286]; «”Ой же ты, удалой доброй молодец! / Есть ещё у Кудреяна Кудреяныча, / Есть *три* заставы, *три* великия”» [Селиванов 1991: 119].

Важную роль играет и числительное *два*. С его помощью эксплицируются бинарные оппозиции. Как отмечает В.В. Иванов, в первобытном искусстве все символы «группируются вокруг нескольких парных (двоичных) противоположностей» [Иванов 1978: 85] (мужское – женское, левое – правое, красное (белое) – черное, чет – нечет, а также близнечный культ). Исследователи Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик, Д.М. Сегал пишут, что «генетически подобный набор восходит к глобальной классификационной системе, основывающейся на дуальном принципе и характеризовавшей способ описания мира у первобытных народов» [Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал 1969: 101].

В стихе о Голубиной книге борются *два* зверя (два зайчика, два юноши) – Правда и Кривда: «Кабы *два* зверья соходилися, / Промежду собой подиралися» [Бессонов. № 76. С. 273]. В стихе «О двух Лазарях» стержневая оппозиция «грех – праведность» выражена числом «два» уже в самом названии сюжета. В основе

композиции этого духовного стиха – нанизывание контрастов и антитез (*нищета – богатство, добро – зло* и т. д.), и нумератив «два» здесь – средство изобразить эти контрасты и антитезы: «Жило да было *два* брата, *два* Лазаря: / Один был бедный Лазарь, другой был богатый Лазарь» [АКНЦ. Кол. 79. № 643].

Из традиционных для фольклора числительных выделим также числительное «семь», не слишком популярное в духовных стихах, но все же иногда встречающееся. Например, оно употребляется в заимствованном из Библии эпизоде предсказания Иосифом Прекрасным семи урожайных и семи голодных лет: «Первое *семь* волов проходило, – / То наступит *семь* годов к ряду здоровых <...> Тое *семь* волов на проходе, / Второ *семь* годов наступит: / Нигде не будет хлеб, сударь, родиться, / Везде будет хлеб вызябати» [Селиванов 1991: 53–54].

В этом же сюжете у отца Якова (Иакова) может быть семь сыновей: «Жил был старей отца Якова, / Было у него да *семь* сыновей» [Соколовы 2007: 200].

Некоторые числительные единичны (они тесно связаны с книжной, апокрифической традицией): таково, например, составное числительное 3660, которое встречается в одном-двух вариантах. Даже без контекста очевидно, что его основная функция – гиперболизация эпических реалий. Оно отмечено в нескольких вариантах стиха «Сон Богородицы», записанных от одной исполнительницы одним и тем же собирателем (от Т.А. Лазаревой в 1978 г. в г. Пудоже В.П. Кузнецовой): «Дано мне *три тысячи шестьсот шестьдесят* кровавых ран» [АКНЦ. Кол. 140. № 143]. Для сравнения приведем пример из стиха, записанного в 1926 г. в д. Сенная Губа (Киж): «Дано тебе, сыну Божьему, / *Шестьсот шестьдесят* кровавых ран выпить» [Соколовы 2007: 237]. Вероятно, числительное 3660 (660) символизирует исключительность страданий Христа (огромное множество ран).

Крайне редко встречается в духовных стихах числительное *пять*. Например, в стихе о Голубиной книге из множества лиц высшей сословной иерархии «набольшими» (т. е. главными) объявляются именно пять царей: «Из их было *пять* царей набольших: / Был Исай царь, Василей царь, / Волонтоман царь Волонтоманыч, / Был премудрый царь Давыд Евсиевич» [Бессонов. № 81. С. 293]. Как мы видим, певца не смущает, что перечисляются *четыре* царя: такова сила традиции.

2.2. Неполные структурные модели

Важное свойство предикативных центров в фольклорных стихах – их конструктивная полнота, обусловленная, во-первых, тем, что создание произведения в момент исполнения (по А. Лорду) опирается на уже выработанные традицией, а потому полносоставные синтаксические схемы и клише, хранящиеся в памяти исполнителей (по этой причине фольклор как устное творчество, живущее в традиции, нельзя отождествлять с любыми другими, не имеющими выраженного эстетического значения формами спонтанной устной речи); а во-вторых, своеобразием самого феномена синкретичного стихового фольклора, существующего не просто в стихотворном, но в стихотворно-музыкальном воплощении: совпадение границ стихов с границами музыкальных фраз, воспринимаемых в качестве «эквивалентов законченных интонационных движений» [Артеменко 1977: 36], а также смысловая теснота и интонационное единство стихового ряда (по Ю. Тынянову) с конденсацией синтаксических связей в строке [Поспелов 1960: 9] обуславливают восприятие стихов как «семантико-синтаксически целостных построений», а поскольку «смысловая и конструктивно-грамматическая целостность синтаксической единицы создается прежде всего наличием в ней категории предикативности», то, следовательно, фольклорные стихи приобретают свойства предикативной единицы [Артеменко 1977: 36].

Случаи структурной неполноты в эпических стихотворных текстах всегда строго системны, закономерны и могут быть классифицированы как компоненты грамматики фольклорного языка. Случаи же словообрывов, структурных контаминаций, оговорок, самоперебивов, обусловленные устной природой фольклора, всегда случайны, вызваны экстралингвистическими факторами и, вероятно, не могут быть четко систематизированы, так как в их функционировании не существует видимых закономерностей. В настоящей работе эти явления не рассматриваются, хотя возможно, что и они, как неотъемлемые составляющие «устной жизни» фольклорных текстов, должны учитываться лингвофольклористами.

Закономерная конструктивная неполнота предикативных единиц в эпических духовных стихах выявляется в следующих случаях:

а) в условиях контекста (контекстуально-неполные предикативные единицы с пропуском сказуемого или подлежащего): «У нас

белый свет от Свята Духа, / Солнце красное от лица Божьяго,
/ Млад-светел месяц от грудей Божьих» [Бессонов. № 78. С. 279];
«Хорошо *сказал*, сударь, нам по памяти / Про этую Книгу Голуби-
ную» [Ляцкий 1912: 9].

б) в придаточных частях полипредикативных образований с подчинительными (гипотактическими) отношениями между предикативными центрами: «И он ходит зверь по подземелью,
/ Яко солнышко по поднебесью» [Бессонов. № 77. С. 277].

в) в предикативных единицах особой, недифференцированной структуры, выработанных исключительно языком фольклора в условиях музыкально-стихотворной организации текста: «Не могу-
ту я держать всё много грешников, / Ишше больше я того всё без-
законников» [Марков 1901: 276]; «Преобразился там сам Исус
Христос, / Дванадесят он апостолам, / Дванадесят он учителям»
[Бессонов. № 80. С. 290].

2.3. Односоставные модели

В эпических духовных стихах довольно разнообразны *односоставные структуры*. Они обнаруживаются не только в нейтральных, но и в экспрессивных контекстах, в которых чувство (обычно это скорбь и печаль) преобладает над действием. Здесь они органичны в силу самой стилистической маркированности односоставных построений в системе национального языка. С их помощью сказители интуитивно вносят в объективное эпическое повествование субъективное лирическое начало. Среди таких структур прежде всего отметим *инфинитивные* (с модальным значением объективной предопределенности: невозможности совершения действия или неизбежности, неотвратимости совершения действия). Они не только выражают личное чувство героя-персонажа, но и обобщают это чувство, придают ему эпическую масштабность. Обобщение достигается за счет способности инфинитивных конструкций выполнять в любом художественном тексте объективирующе-эпическую функцию [Тарланов 2005: 255]: «Возмолился Осип Прекрасный: / «Богатая измаильская купчина! / Слободите вы ручи мои, нозе, / Пустите меня на гору Патрону, / На тую на родительску могилу, / Чудным крестам помолиться, / К матерному гробу приложиться, / Взять мне родитель-

ско прощение, / Взять мне на веки благословенье, – / Больше мне у ёя *не бывати*, / Больше мне и век буде *не видати*» [Селиванов 1991: 47–48]; «Сам я, мати, сон ведь этот знаю, / Сам я, мати, сон тот рассуждаю: / *Быть мне-ка, Христу-Богу, на муки, / Быть мне-ка, Христу, распяту*» [АКНЦ. Кол. 79. № 325]; «Нищим горой, рекой *не владати*, / Меж собой гору, реку *не поделяти*: / Отоймут князи, бояра, / Отоймут прожиточны крестьяна» [АКНЦ. Кол. 147. № 108].

Среди других, более нейтральных стилистически, типов односоставных структур следует выделить *безличные*, на основе которых обычно конструируются поэтические формулы из типического места «пророческое сновидение»: «*Мало мне-ка, матери, спалося*, / Грозен сон мне, матери, приснился» [АКНЦ. Кол. 79. № 325]; «Тем ли двум посидельцам / В одну ночь им по сну *показалось*» [Селиванов 1991: 51]; «Мне в ночи *мало спалося*, / Во сне *много сну видалося*» [Бессонов. № 83. С. 309].

Отметим также *неопределенно-личные* односоставные модели с временной парадигмой, представленной *настоящим, прошедшим и будущим* временем: «Утверждали веру христианскую; / *Роспуцали* книгу голубиную / По всей земли повселенная» [Ляцкий 1912: 13]; «Из того корения из плакунова / *Вырезают* у нас в Руси креста чудные» [Ляцкий 1912: 14]; «Когда *поведут* Христа на распятие, / Тогда плакать будет Богородица» [Истомин, Дютш 1894: 22].

2.4. Осложнители предикативной модели

Наконец, специального внимания заслуживает вопрос о формульных осложнителях элементарной структуры предикативных единиц. Помимо односубъектных (однородных) предикатов, о которых уже велась речь выше, к важнейшим средствам осложнения необходимо отнести *обращения (вокативы)*.

Характерная особенность вokatивов – их жанровая аксиологизация, которая не зависит ни от места их расположения в тексте (в композиционных блоках), ни от сущности многочисленных адресатов обращений. Наряду с собственно коммуникативной функцией, обращения выполняют функцию оценочно-репрезентативную, совмещенную с эстетической, то есть являются «способом художественного познания» Адресата [Рожкова 2005: 11].

Но фольклорное слово является оценочным всегда [Хроленко 1992: 71; Никитина 1993 (а): 138], и обращения в духовных стихах не исключение из правила. Специфика же их употребления в этом жанре заключается в актуализации таких нравственных категорий народно-православного сознания, как *святость* и *грех* (*добро* и *зло*). Кроме того, обращения в духовных стихах отражают теснейшее переплетение и взаимодействие фольклорной традиции и книжно-христианской культуры. Так, например, князь Ефимьян обращается не просто к святому, но прежде всего к сыну: «Увы мне, сладчайший мой чадо, / Алексей Божий, свет, человек!» [Селиванов 1991: 139].

Показателен также фрагмент с варьированием корней «свет» и «свят», отражающим синкретизм дохристианских и христианских представлений: «Богатый князь Ефимьяне / Сам начал он жалобно плакать, / Браду и власы обрывает, / Об сыру землю бросает, / Горючия слезы проливает: / “Свет ты, моё любезное чадо, / Святой Олексий, человек Божий! / Чего ради во плоти не сказался, / Пришёл из великия пустыни?”» [Бессонов. № 33. С. 141–142].

В паронимическом наложении корней «свет» и «свят» новое значение (*святой*) органично слито с древними, еще языческими, представлениями о *свете*. С понятием *свет* в духовных стихах, как пишет Т.В. Хлыбова, связана «подлинная красота» [Хлыбова 2004: 151]. Данный эпитет является традиционным для фольклора. Однако и «христианство приходит на Русь со своей весьма разработанной и утонченной метафизикой света <...> Пришедшая с крещением Руси метафизика света совпала с языческой символикой, представленной в русском фольклоре» [Хлыбова 2004: 152–153]. Свет стал одним из важнейших показателей святости [Хлыбова 2004: 153]. В более поздних духовных стихах, по мнению Т.В. Хлыбовой, за понятием *свет* стоит уже не языческая символика, не внешний блеск, а христианская метафизика. «Основной функцией его становится не обозначение необычного облика героя (рожденного младенца, как в стихе о Егории), а указание на святость, которая была достигнута мученическим подвигом, свидетельствующим об истине, приобщающим к истинному свету» [Хлыбова 2004: 153].

Таким образом, «в художественной палитре духовных стихов... чрезвычайно сильна эстетизация святого света как эманации выс-

шей духовной силы. Само понятие “святой” приобретает в системе христианской народной поэзии смысл, отличный от традиционного фольклорного и все же неотрывно связанный с ним» [Зайцева 1992: 100]. Принцип эстетизации света «имеет языческую природу. Но, по мере освоения и принятия народным сознанием христианского учения, именно с его образами стало связываться понятие об истинной чистоте, святости и красоте, не входя в противоречие с прежними воззрениями, а сливаясь с ними в одной идее» [Зайцева 1992: 102; Рыбаков 1987: 6, 77].

Не просто к Пресвятой Деве Богородице, но прежде всего к *матушке* (*матеньке, матери*) обращается герой в духовном стихе «Сон Богородицы»: «Ой же ты, *матенька Мария!* / Где же ты ночешь ночевала?» [АКНЦ. Кол. 56. № 75]; «*Мать моя, матушка Мария, / Пречистая Дева, Пресвятая!* / Где же ты, *матерь,* ночевала?» [Бессонов. № 605. С. 175].

Как замечает Г.П. Федотов, в образе Богородицы, «не юном, не старом, словно безвременном, как на православной иконе, народ чтит небесную красоту материнства» [Федотов 1991: 49]. Красота Богородицы – «это красота матери, а не девы» [Федотов 1991: 49]. Более того, культ Богородицы в русских духовных стихах (и в целом в народном православии) находится в близком родстве с культом матери сырой земли [Славянская мифология 2002: 48], и обе ипостаси единой материнской сущности, по наблюдению Г.П. Федотова, соотносятся с почитанием земной матери человека. «В кругу небесных сил, – пишет Г.П. Федотов, – Богородица, в кругу природного мира – земля, в родовой социальной жизни – мать являются, на разных ступенях космической божественной иерархии, носителями одного материнского начала» [Федотов 1991: 78].

Перейдем непосредственно к рассмотрению *состава и функций* обращений. Для этого представим общую типологию выявленных при анализе вокативов. Здесь можно выделить несколько тематических групп:

1) обращения к *небесным силам* (*Богородица, Христос, Господь Бог, Боже, ангелы*): «Да расплакалась меньшая братия, / Да растужилась маленька бедна сиротушка: / “Да Ты куда, *Христос-Бог,* поезжаешь, / Да на кого Ты нас, бедных, оставляешь?”» [АКНЦ. Кол. 126. № 27]; «Сам лёжа богатый молитву творил: / “*О Боже,*

*Владыко Спас милостивый! / Услыши, Господь Бог, молитву мою,
/ Молитву мою праведную: / Прими мою душу на хвалы себе!»*
[Селиванов 1991: 192]; *«Ангеле Божий, Хранителю святой!
/ Душу мою соблюди»* [Бессонов. № 619. С. 207].

Структура эпических духовных стихов, равно как и других жанров фольклора, основывается на бинарных семантических оппозициях, по-разному эксплицированных лингвистическими средствами. Среди них центральной, жанрообразующей является оппозиция *свое – чужое*, которая «в духовном стихе выступает как этическая антитеза *грех – праведность»* [Мухина 2006: 18]. В то же время «пространство духовного стиха, иерархизированное и оценочное, членится не столько по горизонтали (*свое – чужое*), сколько по вертикали (*небо – земля*)» [Мухина 2006: 18], и здесь именно обращения к небесным силам, или сакральным сущностям, эксплицируют элемент «небо» в двоичной семантической матрице жанра. По наблюдению Е.А. Мухиной, «в функционировании духовных стихов ярче всего отражена отличительная жанровая черта – расширение субъектов сознания за счет сакральных сущностей (*Святой Дух, Бог, Глас, Богородица, ангелы, демоны, Пустыня*), что свидетельствует, с одной стороны, о принципиальном наличии в них *двусторонней гиперкоммуникации и космогонически расширенной поэтической модели мира*, с другой стороны, о развитии в христианской эпической поэзии собственных форм психологизации, эксплицирующей раздвоенность сознания, борьбу двух начал в душе как праведника, так и грешника» [Мухина 2006: 14–15].

Подчеркнем, что фольклорная трактовка образов Христа и Богоматери как адресатов коммуникации имеет не так много общего с их официальным богословским «статусом». Это связано со спецификой фольклора как особого мировоззренческого феномена, в котором канонические христианские представления и догматы переосмысляются, насыщаются иными семантическими обертонами и творчески преобразовываются в соответствии с текущей традицией, уходящей корнями в дохристианские представления. Так, облик небесного адресата зачастую утрачивает часть своего ореола, поскольку сакральная сущность воспринимается не только как составляющая абстрактной божественной иерархии, но и – что важнее – как участник близких, понятных сказителю семейных со-

бытий: «Идёт ко кресту *мать* со слезами, / Утробою своей разгоруячи, / Сердцем своим рыдаючи, / Устами своими глаголет: / “Увы, увы, *мой пресладкий сыне*, / *Мой пресладкий сыне Иисусе!* / Какую ты муку, *сын*, терпишь! / На вольную смерть, *сын*, сам воспредался; / Безвинную кровь проливают, / Напрасную смерть, *сын*, тебе воспредали!”» [Селиванов 1991: 73].

Обращения «мать» и «сын» актуализируют именно земную, семейную, даже в какой-то степени бытовую ипостась сакральных образов. Распятие Христа, по духовным стихам, это не только и даже не столько событие евангельской истории, сколько драма матери, страдающей у креста сына. Этот архетип независимо от фольклорной традиции пульсирует и в художественной литературе. Ср. с ахматовским: «Магдалина билась и рыдала, / Ученик любимый каменел, / А туда, где молча Мать стояла, / Так никто взглянуть и не посмел» (А.А. Ахматова. Requiem. Глава «Распятие». 1935–1940).

Как писал В.В. Колесов, «народная поэзия и из книжных текстов предпочитала не служебные, не нравоучительные, не риторические, а только такие, которые совпадали с народным представлением о судьбе и о доле, о жизни человека в обществе, каким-то образом пересекались с русскими же мифами о покинувшем дом сыне (как в сказке), о страдальце-защитнике (как в былине), о горе оставленной матери или жены (как в песне)» [Колесов 1988: 15].

Таким образом, основой для смысловых сдвигов при народной трактовке христианских образов является устно-поэтическая традиция, открытая для новых мотивов, но преломляющая их в русле собственных канонов и стереотипов.

2) обращения к человеку и к его душе (*душа, душенька, Давыд Евсеевич, князь Ефимьян, Алексей, Егорий, Димитрий, человек, брат, братец, родимый, царь, святые апостолы* и т. д., в том числе с пейоративной окраской: *подстольная собака*): «Анике же Смерть проглаголила: / “*Ты храбрый человек, Аника-воин!* / Я не царь, не царевич, не король, королевич”» [Селиванов 1991: 198]; «Вскричал богатый, во тьме сидючи: / “*Братец мой, братец, убогий Лазарь!* / Как я поначаял, что ты в превечной муке, – / Ан ты, *мой родимый*, в пресветлом раю!”» [Селиванов 1991: 193]; «Вынули его душеньку честну из груди, / Снесли его душеньку на золотом

блюде, / Принесли душеньку в царство небесное: / “Царствуй ты, душенька, век свой тут!”» [АКНЦ. Кол. 79. № 643].

3) к животным (волки, змеи): «Да што святой-то Егорий проговаривал, / Да што свет и Храбрый проглаголивал: / “Да уж вы, гой еси, волыки [волки] прыскучие [рыскучие], / Расходитесь, волыки, по всѣй земли, / Да вы по всѣй земли, по святой Руси, / Да где вы по три, по два, по единому, / Да покушайте, волки, всё по-веленному”» [Селиванов 1991: 114].

4) к неодушевленным предметам разных лексико-семантических групп с редуцированной коммуникативной функцией (смола, свинец, олово, стружки): «Дак налили в котёл смолы, свинца, волова, / Дак он и сам-то злодей в котёл смолы подкладывал, / Дак он и сам-то злодей приговаривал: / “Да роскипись-ко в котле смола, свинец, волово, / Да пожри-ко Егорья-света Храброго”» [Селиванов 1991: 112].

5) к природным стихиям (ветры, вихри): «Во сырой-то земли Егорий проговаривал, / Свет и Храбрый Егорий проглаголивал: / “Да вы подуйте-ко, витры со вихорем, / Со восточные да со сторонушки”» [Селиванов 1991: 112–113].

6) к антропоморфизированным объектам природы (пустыня, матушка сыра земля, горы, реки, леса): «Ай же ты, матушка пустыня, / Того я к тебе приехал: / Господу Богу помолиться, / За млады лета потрудиться» [АКНЦ. Кол. 21. № 138]; «Говорит-то Господь, да царь небесной наш: / “Потерпи-ко ты, матушка сыра земля! / Не одумаютце ли всё, бывает, грешники, / Не устрашатце ли, бывает, хошь беззаконники?”» [Марков 1901: 276]; «Да што святой-то Егорий проговаривал, / Да свет и Храбрый Егорий проглаголивал: / “Дак уж, гой еси, горы толкучия, / Дак видь расходитесь, горы, по всѣй земли, / Да што по всѣй земли, горы, по святой Руси”» [Селиванов 1991: 113]; «Да што святой-то Егорий проговаривал, / Да што свет и Храбрый проглаголивал: / “Дак вы, гой еси, вы леса дремучие, / Дак отделяйтесь, леса, дак от сырой земли”» [Селиванов 1991: 114].

Обращения 4, 5 и 6 групп нехарактерны для духовных стихов и представляют собой иножанровые вкрапления: это необходимые элементы заклинаний. Исключением являются обращения к пустыне и к матушке сырой земле. Эти два образа являются полноценными антропоморфными коммуникантами в художественной системе эпических духовных стихов.

Концептуальная значимость сакрализованного вокатива «пустыня» несомненна и не раз подчеркивалась исследователями [Никитина 1993 (а): 118; Мухина 2006: 11].

Образ же «матушки сырой земли» совмещает признаки одушевленного сакрального топоса и традиционного культового образа божества – матери сырой земли-Богородицы. В духовных стихах образы матери сырой земли-Богородицы и пустыни обнаруживают известное типологическое единство, поскольку, как указывает Г.П. Федотов, «христианизируясь, подчиняясь закону аскезы, мать-земля превращается в пустыню – девственную мать» [Федотов 1991: 72]. Иными словами, в одном образе совмещены дохристианская и христианская традиции. Семантический же элемент «мать» в спектре пресуппозитивных значений и ассоциаций, свойственных обоим локусам, занимает центральное место и является зоной смысловой диффузии этих типологически близких, хотя и не тождественных образов. Указанная общая семантическая составляющая матери земли и пустыни в жанре духовных стихов выявляется и в наших материалах: «О прекрасная пустыня! / Приими меня в свои частыни, / *Яко мати своё чадо*, / Научи мя на всякое благо; / В тихость свою безмолвную, / *Любимая моя мати*, / Потщися мя восприяти» [Бессонов. № 61. С. 240].

Образы матери земли и пустыни как адресатов обращения объединены еще одним значимым семантическим элементом: в образно-поэтической системе жанра пустыня, по определению Е.А. Мухиной, «это не просто место для уединения, совершения христианского подвига, не только сакральный топос, а концептуальный антропоморфный образ, субъект сознания, которому доверено право нравственного суда: принимать или не принимать человека, жаждущего покаяния» [Мухина 2006: 11]. Аналогичную функцию выполняет мать земля, которая, как пишет Г.П. Федотов, является не только кормилицей и утешительницей, но и «хранительницей нравственной правды» [Федотов 1991: 75]. Такое отношение к земле, почитание ее как святыни восходит еще к языческим представлениям. Земля может не только наказывать, но и прощать «великого грешника», раскаявшегося и исповедовавшегося ей. Этот значимый для русской культуры архаичный мотив воплощен не только в фольклоре, но и в художественной литературе. Вот отрывок из

литературного текста, представляющий собою целый пучок закодированных образов-мифологем: «Он вдруг вспомнил слова Сони: «Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и пред ней согрешил, и скажи всему миру вслух: «Я убийца!». Он весь задрожал, припомнив это <...> Все разом в нем размягчилось, и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю... Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю, с наслаждением и счастьем. Он встал и поклонился в другой раз...» (Ф.М. Достоевский. «Преступление и наказание». Часть 6, глава VIII).

Обращения к *лесам, горам и рекам* как элементы заклинаний выявлены в сюжете о мучениях Егория Храброго. Здесь зловещие, враждебные герою локусы: леса, горы и реки – выступают, наравне с волками и змеями, в качестве одушевленных существ. Вербализирующие же их вокативы, снабженные отрицательными, в пределах сюжета, коннотациями, маркируют чужое (в духовных стихах – языческое) пространство. Один из первых исследователей русских духовных стихов Ф.И. Буслаев писал: «Егорий Храбрый является на Русь как новый творец, устроитель вселенной, подобно финскому Вейнемейнену, и как этот последний, совершает творческие подвиги помощью своих чарующих, вещих слов. Вместо людей наезжал Егорий на стада летучих змиев да рыскачух волков. Только пастухи этого последнего стада носят на себе обличье человеческое; но их сверхъестественный, чудовищный вид, напоминающий мифические, стихийные существа, вроде Вил, Русалок, Леших – не оставляет ни малейшего сомнения, что Егорий Храбрый попал не только в страну языческую, но даже заехал в самое святилище языческих божеств» [Буслаев 1861 (6): 21–22]. Все эти зловещие персонажи (волки, змеи, Нога-птица, держащая в клюве осетра) являются атрибутами языческого мира. В самой символике волков и змей заложено представление о нечистом, дьявольском начале. Волк, например, наделяется признаком «чужой» в качестве определяющего [Славянская мифология 2002: 85]. Он является посланцем иного, потустороннего мира, в котором правят демонические силы [Славянская мифология 2002: 85–86; Гура 1997: 122–159]. В книжно-христианской традиции волк символизирует, в числе прочего, еретиков, лихоимцев и лжепророков [Бе-

лова 2001: 73]. Змей, обладающий хтонической природой, также (в контексте рассматриваемого стиха) является нечистой тварью. По мифологическим представлениям, змея связана с подземным мраком и противостоит солнцу как источнику света, причем это противостояние Земли и Солнца может достигать глобальных, космических масштабов [Гура 1997: 283, 358]. В духовном стихе оно может быть интерпретировано как противостояние мира христианского миру языческому. Святой Егорий принадлежит миру света и солнца, с которыми ассоциируется «вера крещеная, богомольная, христианская»; змеи и волки – миру подземного мрака, с которым ассоциируется вера языческая. Егорий воплощает в себе идею жизни, его противники – идею смерти. Не случайно в христианской традиции змей – это также символ сатаны, искушающего человека и несущего смерть. Однако, как справедливо пишет Е.А. Мухина, обобщенные локусы, изначально символизирующие враждебное Егорию пространство, «претерпевают сущностную трансформацию, становясь пространством, подвластным просветителю и маркированным святым местом – церковью» [Мухина 2006: 18].

Такова, в целом, типология вокативов, репрезентирующих все многообразие персонажей-коммуникантов в жанре. Несмотря на такую пестроту состава «действующих лиц», все обращения в эпических духовных стихах выполняют единую, обусловленную жанровыми требованиями, поэтическую функцию: они опосредованно, через субъективную (мелиоративную или пейоративную) номинацию адресатов, маркируют занимаемое героями художественное пространство (*небо – земля; вера христианская – вера языческая; рай – ад*), давая ему этическую оценку по шкале народно-православной этики, эстетики и аксиологии. Именно этическая оценка признается одним из фундаментальных свойств поэтики духовного стиха [Никитина 1993 (а): 55], и обращение, или вокатив, является одним из характерных способов синтаксического выражения ценностной ориентации жанра.

Состав выявленных групп вокативов в некоторой степени условен, поскольку в духовных стихах нет зримой границы между силами небесными и персонажами земными; они могут представлять в разных ипостасях: так, Христос и особенно Богородица – это, несомненно, божества, но явленные в земной, человеческой плоти.

Как правило, вокативы, используемые сказителями, носят формульный характер, типичный и для других жанров устной поэзии, то есть характер традиционных поэтических формул. Их синтаксическая структура и потенциальные конструктивные возможности в условиях стихотворно-музыкального строя, в отличие от прозаической подсистемы художественной речи и от всех сфер литературного языка, подвергаются некоторым трансформациям. Среди этих изменений к важнейшим, помимо повторов и межстиховой атрибуции, следует отнести так называемую *предикативную децентрализацию* [Артеменко 1977: 101–107], при которой отдельный стих приобретает формальные признаки предикативной единицы, построенной по определенной схеме (в изученных нами текстах это, как правило, схема *NI – NI*): «Зашли оне на Фаор-гору, / Кричат-ревут зычным голосом: / “*Ты небесный царь, Иисус Христос! / Ты услышал молитву грешных раб своих*”» [Кирша Данилов 1958: 270]; «А воходит царь да во палатушку, / Он заходит, царь, до своей дочи, / Говорит ей да таковы слова: / “*Ай же ты, едина дочи, / Едина дочи да Елисавия! / Тебе сватают да трои сватова*”» [Селиванов 1991: 96].

В заключение приведем пример построения вокатива по фольклорной модели межстиховой атрибуции: «Промочи ты мне, *братец*, кровавы уста, / Сократи ты, *родимый*, геенский огонь» [Селиванов 1991: 193].

3. Типология межпредикативных связей (полипредикативные синтаксические единства)

3.1. Бессоюзная связь. Конструкции с прямой речью

А. Лорд назвал поэтическую грамматику устного эпоса «грамматикой паратаксиса» [Лорд 1994: 80]. Его выводы основывались на исследовании южнославянской эпической традиции (в районах Боснии, Герцеговины, Черногории и Южной Сербии). В настоящее время известно, что по нормам паратаксиса организованы и поэтические фольклорные тексты, принадлежащие традиции восточнославянской [Савельева 1988: 39–50]. Подобно тому как, например, синтаксический параллелизм, разные виды повторов или конструктивная полнота предикативной единицы (обычно *NI – Vj*) приобрели характер синтаксических формул, паратактическая связь на уровне

полипредикативном также является своего рода синтаксической формулой. При этом к проявлениям паратаксиса следует относить не только несомненное доминирование бессоюзных или сочинительных конструкций, но и недифференцированность, диффузность, «рыхлость» синтаксической связи между предикативными центрами, ее потенциальный полисемантизм. Как отмечают исследователи фольклора, народная эстетика «не руководствуется формальной логикой и причинно-следственными связями, создавая не читаемое, а музыкально исполняемое произведение» [Пропп 2007: 109]. В лаконичном, но емком определении «грамматика паратаксиса» исчерпывающе отражена самая сущность эпического синтаксиса, в котором отсутствует детализированная разработка смысловых и грамматических нюансов, как в книжно-письменной речи, поскольку фольклорный текст строится на основе сцепления не застывших и омертвевших, а находящихся в постоянном, непрерывном движении композиционных блоков [Мальцев 1989: 105–124].

Паратактическая организация свойственна самому широкому кругу жанров: былинам, историческим песням, лирической песне, пословице, частушке и т. д. Поддерживаемый традицией, паратаксис стал воплощением фольклорного канона и стереотипом фольклорного текстообразования. Он позволяет сказителям и певцам, в условиях устного бытования и нерасчлененности создания и исполнения («создание в момент исполнения»), наиболее экономным образом осуществлять сцепление композиционных блоков, свободно варьировать их месторасположение, опускать одни фрагменты и вставлять другие, импровизировать – то есть творить в подлинном смысле этого слова. Преимущественно под этим углом зрения мы и будем рассматривать состав полипредикативных единиц в эпических духовных стихах.

Структурно-стилистическая доминанта синтаксиса жанра на полипредикативном уровне – это, без сомнения, бессоюзные полипредикативные единства. В условиях архаичного паратактического строя фольклорной речи наиболее востребованы нейтральные, с широким диапазоном смыслового варьирования, бессоюзные межпредикативные узлы *с семантикой перечисления*. Выражая такую особенность архаичного мышления, как «одноплоскостное соположение понятий» (по А.А. Потебне), они конструируют текст с редуцированной син-

таксической перспективой: по образному определению А.А. Потебни, паратаксис настолько древнее гипотаксиса, «насколько отсутствие перспективы в живописи древнее ее присутствия» [Потебня 1968: 163]. Аналогичное соображение высказывал В.Я. Пропп: «фольклор не знает временной перспективы подобно тому, как старинная живопись не знает перспективы пространственной: она носит плоскостной характер. Народное творчество не знает перерывов повествования. В подлинно народном эпосе действие развивается от начала до конца в одном потоке времени и на одном театре действий, который меняется только с передвижением героя. Двух театров действий одновременно быть не может» [Пропп 2007: 114].

Композиция эпического духовного стиха – это всегда прямая, однонаправленная линия. Специфика же временной организации этого жанра заключается в том, что земное время здесь разомкнуто: оно не имеет абсолютного предела, а «перетекает в неограниченное сакральное» («в житее вечное, бесконечное») [Мухина 2006: 16]. Именно бессоюзные структуры с обобщенным значением перечисления выражают «одноплоскостное» течение эпического хроноса.

Говоря об эстетической стороне жанра, подчеркнем, что такой, например, известный фольклорный прием, как ступенчатое сужение образов, маркирующий сакральный хронотоп в разных сюжетах, опирается, как на синтаксическую основу, именно на структуры с перечислительным значением: «Как *стоит тот город* посреди земли, / Во славном городе во Русалими / *Стоит церковь* соборная / Святой святых Богородицы / И святому Христову Воскресению, / *Во этой церкви пребывает Господень гроб,* / *Завсегда темьян и ладан курится,* / *Горит свеча неугасимая*» [Бессонов. № 81. С. 295].

Бессоюзные полипредикативные синтаксические единства с семантикой перечисления пронизывают всю языковую ткань эпических духовных стихов, образуя своеобразный синтаксический фундамент. Более того, они, по-видимому, могут рассматриваться в качестве фольклорной языковой типологической универсалии, поскольку инвариантны и доминируют как формально-стилистическое средство в любом национальном эпосе (как героическом, так и историческом или духовно-религиозном). Они являются структурообразующими как в речи повествователя, так и в речи героев, на долю которой приходится, заметим, значительное количество стиховых

единиц (не только сравнимое по объему с речевой партией повествователя, но и часто превосходящее его). Значение речи героев (или *прямой речи*) огромно, поскольку прямая речь является эффективным сюжетообразующим средством, а в некоторых случаях (например, в диалогическом стихе о Голубиной книге) исключительно благодаря конструкциям с прямой речью вообще возможно развитие сюжета: «Им ответ держал на то премудрый царь, / Наш премудрый царь Давид Евсеевич: / “У нас окянь-море всем морям мать”. / “Почему окянь-море над морями мать?” / “Обошло окянь-море вокруг земли, / Вокруг земли, всей повселенныя: / Потому окянь-море над морями мать”» [Ляцкий 1912: 11].

Обычная сфера употребления конструкций с прямой речью – это диалоги (иногда монологи). Диалогические единства (обычно информативные и прескриптивные³) в фольклоре являются естественным (а иногда и единственным) средством драматизации повествования. Именно в диалогах раскрывается духовная сущность персонажей, а также многие особенности этических и иных конфликтов. Исключение из этого правила – духовный стих о Голубиной книге, в котором диалог наделен совершенно иными семантическими свойствами [Петров 2004: 136–144]. Функциональная специфика диалога «Голубиной книги» требует более подробного его рассмотрения. Укажем его важнейшие черты.

В качестве основной структурной единицы этого текста мы выделяем *информативное* (а также *директивное*) *диалогическое единство* (под диалогическим единством понимается схема «вопрос» – «ответ»). Из совокупности диалогических единств складывается диалог, по отношению к «Голубиной книге» трактуемый нами двояко: во-первых, как композиционно-синтаксическая форма произведения, во-вторых – как жанр (имеется в виду жанр философского диалога).

В диалоге «Голубиной книги» обнаруживаются некоторые черты сходства с разговорным диалогом, исследователи которого в числе важнейших его признаков выделили следующие

³ Информативное диалогическое единство – вопросо-ответное сочетание реплик; прескриптивное (директивное) единство – это диалогическое единство, репликой-стимулом в котором служит прямое или косвенное побуждение адресата к действию, а ответной репликой является реакция на него [Диброва 2001: 663 – 667].

[Ляпидевская 1965: 285–299]: отсутствие сложных предложений, значительная распространенность неполных предложений, а также «реплицирование, спонтанность речевых реакций собеседников, зависимость реплики как от ситуации общения, так и от высказываний партнера по коммуникации» [Филиппов 2003; Щерба 1915; Щерба 1957]; обязательная реакция со стороны воспринимающего речь, сравнительно быстрый темп речи, значимость зрительного и слухового восприятия, композиционная простота и краткость [Ляпидевская 1965: 287; Якубинский 1923: 96–194]; различные виды повторов, синтаксический параллелизм [Винокур 1953; Михлина 1955; Шведова 1956; Святогор 1960]. Среди признаков диалогической организации речи, свойственных и «Голубиной книге», отметим такие, как реплицирование, зависимость реплики от ситуации общения и от высказываний партнеров по коммуникации, реакция реципиента, повторы и синтаксический параллелизм. Однако неверно было бы рассматривать диалог в «Голубиной книге» только как художественный или тем более только как разговорный: его реальная синтаксическая структура имеет мало общего с естественным бытовым диалогом или с диалогом литературного произведения, имитирующим бытовую речь. Заметим, что это положение распространяется и на другие типы диалогических единств в других рассмотренных нами сюжетах. Сущность повторов в диалогах нарративных фольклорных текстов совсем не та, что в разговорно-речевом узусе (в фольклорном тексте повторы – это, по Е.Б. Артеменко, эстетически специализированные модели, выработанные в условиях стихотворно-музыкального строя); синтаксический параллелизм охватывает не только тождественные в структурном плане вопросно-ответные реплики, но и более широкие по объему, развернутые синтаксические единства; предикативная единица в большинстве случаев является полной двусоставной; отсутствует привязанность к бытовому контексту, к внелингвистическим (или экстра-, паралингвистическим) факторам – мимике, жесту, даже интонации. В целом, диалоги эпических духовных стихов обладают свойствами кодифицированности, стилистической выверенности, поскольку не являются спонтанными, а опираются на традицию и исполняются для слушателя.

Говоря же о специфике диалога именно «Голубиной книги», подчеркнем, что диалог здесь – это не только форма речевого акта, но и философский метод эвристики, известный, например, в индуистской литературной традиции («Бхагавадгита», упанишады), а также в творчестве древнегреческих ученых (Сократ, Платон). Философский диалог в тексте «Голубиной книги» дидактичен и может быть соотнесен с катехизисом. Он ориентирован не на утилитарные прагматические требования обыденной коммуникации и даже не на раскрытие тех или иных сторон драматического сюжетного конфликта, а на речевую (лексическую и синтаксическую) объективацию важнейших категорий народно-православного сознания. Здесь заметим, что диалог «Голубиной книги», как, по определению С.Е. Никитиной, «своеобразный учебник народной этики», в некотором смысле приобретает черты речевой ситуации школьного обучения. А.Н. Гвоздев писал: «Школа всегда прилагала усилия, чтобы научить учащихся пользоваться полными предложениями. “Отвечай полным ответом”, – настойчиво требует учитель от учеников. Это объясняется тем, что школа учит интеллектуальной речи, в которой полные предложения часто обязательны» [Гвоздев 1955: 297]. Учебный диалог, таким образом, не является точным слепком с бытового. Именно поэтому в числе прочих традиционных факторов, обеспечивающих структурную полноту предикативной единицы в эпическом фольклоре, при анализе диалога «Голубиной книги» необходимо учитывать и фактор дидактический.

Принципиально важным представляется и вопрос о причинах выбора для рассмотрения важнейших, с точки зрения фольклорного сознания, проблем духовного бытия именно диалогической композиционной формы. Этот вопрос достаточно остроумно, хотя и на другом материале, раскрыт в «Анонимных пролегоменах к платоновской философии», в которых говорится следующее: «Теперь скажем о причинах, побудивших его [Платона] обратиться именно к этому жанру. Сделал он это, утверждаем мы, потому, что диалог – это своего рода космос. Подобно тому как в диалоге звучат речи разных лиц сообразно с тем, что каждому подобает, так и в космосе есть разные природы, издающие разные звуки, ибо каждая вещь звучит согласно собственной природе. Так что Платон

поступил таким образом ради подражания божественному творению, под коим я разумею космос... <...> Или вот еще: как говорит сам Платон, литературное произведение (logos) подобно живому существу; разве не означает это, что прекраснейшее из произведений будет подобно прекраснейшему из живых существ? Самое прекрасное живое существо – это космос, и ему подобен диалог, ибо, как мы уже говорили, диалог – наипрекраснейший из видов словесности» [Платон 1998: 490]. Другие причины: «поскольку подражание (mimēsis) радует нашу душу, а диалог различных персонажей есть не что иное, как подражание, Платон выбрал его, чтобы увлечь нашу душу <...> Далее он обратился именно к этому жанру еще и потому, что не хотел передавать нам голые и лишённые наглядных примеров рассуждения» [Платон 1998: 491]. Следующая причина «состоит в том, что диалог подражает искусству диалектики. Как диалектика возникла из искусства спрашивать и отвечать, так и диалог – из вопросов и ответов действующих лиц» [Платон 1998: 491]. Наконец, последняя причина – «чтобы легче нам было сохранить наше внимание, следя за словами разных собеседников; чтобы не задремали мы ненароком, слушая поучения вечно одного и того же» [Платон 1998: 491].

Таковы важнейшие черты диалога в духовном стихе о Голубиной книге, резко противопоставляющие его (прежде всего, конечно, не по структуре, а по функциям) диалогам всех остальных эпических сюжетов. Отметим, наконец, такую, уже собственно формальную, конструктивную черту диалога «Голубиной книги», как избытие структур тождества (*Фавор-гора всем горам мать*), эксплицирующих представления о статике сакрального мироустройства.

Большую объемность, семантическую и грамматическую многомерность фольклорному тексту придают также изъяснительные бессоюзные полипредикативные единства, воссоздающие ситуацию ментального, сенсорного или физического восприятия героями того или иного положения дел: «Пошли оны со трудной со работы, / *Зашли брата Осипа посмотрели: / Осип во рву слёзно плачет, /* Ко матушке сырой земле причитает» [Селиванов 1991: 46].

В целом же, помимо этих типологически значимых синтаксических единиц полипредикативного уровня (то есть бессоюзных перечислительных, изъяснительных и конструкций с прямой речью),

достаточно весомы и полипредикативные единства с иной, достаточно разнообразной, семантикой. Их употребление мотивировано необходимостью более тонкой нюансировки чувств или ситуаций, изображаемых сказителями. Они дают возможность жанровому певцу детализировать и оттенить как эмоциональную, так и рациональную стороны эпического изложения. Перечислим эти структуры.

Конструкции с *противительным значением* обычно используются в качестве синтаксического каркаса для реализации приема отрицательного параллелизма: «*То не зайчики в поле собегалися: / Тут сошлася Кривда со Правдою, / И промежду собою оны подралися*» [Ляцкий 1912: 15].

В некоторых случаях они употребляются в психологически углубленных контекстах в целях драматизации повествования. Например, в сюжете «Сон Богородицы» Христос, предрекающий собственное распятие, одновременно и сочувствует горю матери, и безропотно принимает трагизм предопределенности казни: «*Матушка, Пресвятая Богородица, Царица Небесна! / Не сон ты видишь, наяву ты пишешь, / На земли чудеса являешь. / Буду Я о великой погибели, / Буду Я скован и связан, оплеван и заушён; / Тростью по главы бивши, жолочью напоили, / Сахарни уста осквернили, / Святой венец на главы обозвали, / Терновый венец на главу набивали, / Дано Мне три тысячи шестьсот шестьдесят кровавых ран*» [АКНЦ. Кол. 140. № 143].

Кроме того, бессоюзные структуры с семантикой противопоставления могут использоваться для разнообразных традиционных общефольклорных художественных описаний (например, для описания необычного предмета с отрицанием его бытовой сущности; в этом случае чудесные свойства предмета характеризуют и надбытовой статус героя – его обладателя; таков Иосиф (Осип) Прекрасный, наделенный высшим, сакральным знанием, мудростью и пророческим даром): «*Осипова риза не простая, / Осипова риза золотая*» [Селиванов 1991: 46].

Не слишком часты, но семантически и функционально весомы в синтаксисе эпических духовных стихов и бессоюзные конструкции с *значением цели*. Например: «*Старейшая большая братья / Жёлты пески оны разгребали, / Осипа из рова поднимали, / Оны хочут его да убити, / Придать ему злую смерть напрасну*» [Селиванов 1991: 46–47].

Также необходимо указать бессоюзные структуры с семантикой *причины и обоснования*, востребованные, в частности, в сюжете о Голубиной книге, в котором с их помощью объясняются и аргументируются основания земной иерархии. К этим конструкциям тесно примыкают структуры со значением *следствия и результата*: «Иордан-река всем рекам мати: / На этой реке окрестился Иисус Христос / Со Иоанном крестителем и со всею силою небесною» [Бессонов. № 79. С. 284]; «И от тех от слёз от пречистых / Зародилась мати Плакун-трава: / Потому Плакун-трава травам мати» [Бессонов. № 76. С. 272]; «Выходила церква соборная / Святого Климента, попа Рымскаго: / Оттого Окиян всем морям мати» [Бессонов. № 83. С. 308].

Структуры со значением *причины и обоснования* употребляются и в других сюжетах и контекстах в синтаксических единствах с предикативными частями разного модального плана (побудительными и повествовательными): «Увы, увы, моя матушка Рахили! / Возьми, мати, меня к себе во гроб: / Не могу служить царю я Харавону, / Не умею я тяжкой работы работати» [Селиванов 1991: 48].

В редких случаях используются конструкции с семантикой *пояснения*. Они, например, могут характеризовать типическое место «перечисление грехов, которым покаянья нет»: «Трём грехам великое, тяжкое покаяние: / Кто блуд блудит с кумой крестовая, / Кто во чреви симена затравливает, / Кто бранит отца со матерью» [Бессонов. № 81. С. 298].

Отметим также бессоюзные структуры со значением *сопоставления*, которые выполняют строго закреплённую за ними поэтическую функцию: с их помощью моделируется ситуация противодействия Правды и Кривды на земле. Например: «Пошёл беленький во чисто поле, / Пошёл серенький во темны леса» [Ляцкий 1912: 14–15]. Или: «У нас Правда взята на небеса / К самому Христу, царю небесному; / Кривда пошла ходить по миру, / По тому народу христианскому» [Бессонов. № 81. С. 298].

Как можно увидеть из всех этих примеров, типология синтаксических отношений между частями бессоюзных полипредикативных единств весьма разнообразна. В то же время безусловной доминантой являются структуры с семантикой *перечисления*. Все остальные типы бессоюзных конструкций, несмотря на разнообразие, более редки и, в целом, менее характерны для исследуемого жанра.

3.2. Сочинительная связь

Употребление сочинительных союзов в эпических духовных стихах ограничено. Как правило, наиболее частотны союзы *и, да, а*.

Союз *и* обычно имеет *соединительное* значение (в формальной логике выражаемое термином «конъюнкция»). Среди разных типов и подтипов конъюнктивных отношений, возникающих между предикативными центрами в составе синтаксического единства, в изученных нами текстах могут быть выделены следующие:

1) *одновременность*: «А идет-то царь да тут не весел, / *И* повесил царь да буйну голову» [Соколовы 2007: 118]; «Жил-был Ефимьяней князь богатый, / *И* не было у него отплодья, / Да никакого на землю отродья» [Соколовы 2007: 166]; «Младенец в цветах по пецьки гуляёт, / *И* Евандельё книгу он цитаёт» [Соколовы 2007: 226]; «Ты ещё скажи, сударь, поведай нам: / Каторый царь над царями царь, / Каторый город городам мати, / *И* которая церковь церквам мати, / *И* которая река рекам мати, / *И* которая гора горам мати, / *И* которая древа древам мати, / А которая трава травам мати, / *И* которая моря морям мати, / *И* которая рыба рыбам мати, / *И* которая птица птицам мати, / Каторый зверь всем зверьям мати?» [Бессонов. № 76. С. 270–271].

2) *последовательность*: «Уж он взял Ягорья пилой пилить, / *И* во пилы зубье все прикрошилось, / А Ягорью светушку ништо не льнёт» [Соколовы 2007: 63]; «Кидали Егорья во той погрёб, / А решоточкамы призадавили, / А желтым песочкам призасыпали, / *И* дубьём-колодьём заколодили» [Соколовы 2007: 75]; «Решоточки вси пораздвинуло, / *И* вышел Егорий на светую Русь» [Соколовы 2007: 76]; «Выходила девица да на красно крыльцё, / *И* спушталась девица на широкой двор, / *И* садиласе в корету ёна во тёмную, / *И* повёз детина ю, сын поваренной, / Той дорогой повёз да ей к синю морю, / Там оставил ей ёдинёшеньку» [Соколовы 2007: 92].

3) *условно-следственные отношения*: «Буде станешь ты нашу веру веровать / *И* поставишь ты три церьквы соборныи, / А соборниих да богомольниих, / Не отдам вас змию на пожраниё» [Соколовы 2007: 97].

4) *следственно-результативные отношения*: «Он принял веру крещёную, / Крещёную, богомольную, / Он стоит он за дом Пресвятыя Богородицы, / Все орды к нему приклонилися, / *И* все языцы ему покорилися: / *И* потому Белый царь над царями царь» [Бессонов. № 86. С. 319].

В некоторых случаях союз *и* употреблен в *начальной* позиции, хотя в условиях устного бытования и непрозрачности межпредикативных границ говорить о начальных или медиальных позициях затруднительно. Как правило, союз *и* связывает предикативные единицы, объединенные семантикой *перечисления* (хронологической *последовательности* событий и фактов): «Уж (он) стали Ягорья света мучати, / Света мучати да ножом скоблить, / Во ножи остреи притупились. / Ай, того неверный не пытается. / *И* стали Ягорьюшка в котле варить, / Ай, в котли Ягорьюшко стоём стоит» [Соколовы 2007: 72]; «Садился Егорий на добра коня, / Поехал он во свою сторону. / *И* навстречу попался злодей супостатный, / Он взял яму голову срубил» [Соколовы 2007: 76]; «Добрый молодец не прохватитсе, / С крепка сну да не пробудетсе. / *И* говорила да красна девушка: / “Мне не жаль себя, да жаль да молодец”» [Соколовы 2007: 116].

Иногда на семантику последовательности наслаивается семантика *следствия, результата*: «“Веруйте в веру крещеную, / Веруйте Христу роспятому, / Стройте три церкви соборный”. / *И* стали строить три церкви: / Перву – Спасу Великому, / Втору – Миколу Святителю, / Третью – Егорию Храброму» [Соколовы 2007: 112].

Специфичным для фольклорного текста является употребление союза *и* в синтаксических единствах с вариативными повторами: здесь союз *и* связывает предикативные части с практически тождественной информацией. Эта черта языка фольклора, безусловно, связана с влиянием устной разговорной речи, для которой разного рода повторы, как известно, являются практически структурной нормой. Приведем пример: «*И* написано у него рукописания, / *И* никто до рукописания не могли добратися, / *И* никому руку его не розабраться, / *И* никому писание не добратися» [Соколовы 2007: 154]; «Садился богатой нуньку пива воскушать, / Тут ёго, богатого, корьба заняла, / *И* взяла ёго, богатого, си болясь» [Соколовы 2007: 175].

Синоним союза *и* – союз *да*. Его отличие лежит в области стилистики: союз *да* имеет разговорный оттенок, в отличие от «книжного» союза *и*. Однако семантика их тождественна: оба выражают отношения конъюнкции. Следовательно, основные смысловые отношения предикативных единиц, связанных союзом *да*, в целом (за исключением некоторых деталей) аналогичны указанным выше для союза *и*.

1) *одновременность*: «Отчего пикёт да красно солнышко, / Светит да млад мисец, / Да отчего пекут да красны звездоцьки» [Соколовы 2007: 45]; «Да не в нашу-то верушку веруё, / Да не нашим богам молиласи, / Она молится Богу Роспятому» [Соколовы 2007: 102].

2) *последовательность*: «Разомкнуло все замки булатные, / Да роздернуло решотки железные» [Соколовы 2007: 58]; «И проехал третью заставу да он великую, / Да направил добра коня да через стену он» [Соколовы 2007: 61]; «Как Ягорья свет ветры послушали, / Да завияли ветры буйные» [Соколовы 2007: 67]; «Жалезной решоткой призакутали, / Да дубьем-колодьем призадвинули, / Да желтым песоцьком призасыпали» [Соколовы 2007: 80]; «Пал с доброго коня Аника-вони, убился, / Да тут ему и смерть пришла» [Соколовы 2007: 138].

3) *следственные отношения*: «Пожирал этот по скотинины, / Да стало мало во гради становитисе. / А потом ён ел по души целовицьиськой, / Да стало мало во гради люди становитисе» [Соколовы 2007: 90–91].

4) *сопоставительные отношения* (*да = а*): «А днем-то ён молилсы со слезами, / Да ночью ён молилсы со свияцями» [Соколовы 2007: 209].

5) *результативные*: «Оставь-ка ты Христовое слово, / Да будут люди по миру ходити, / Христа Бога ныне звелицяти» [Соколовы 2007: 236].

Употребление союза *да* возможно, разумеется, и в начальной позиции. Обычно предикативные центры, связь между которыми обеспечивается союзом, находятся между собой в логических отношениях *последовательности*: «Тут ништо Ягорью свету не случилось, / А ништо святому не подеялось. / А того неверный не пытается. / Да стали Ягорья на воды топить, / По воды Ягоряй гоголём плывёт, / Гоголем плывёт, голова верьху» [Соколовы 2007: 72].

Третий из наиболее распространенных союзов в эпических духовных стихах – союз *а*. Обычно он объединяет предикативные центры, связанные отношениями *сопоставления*: «Потом белой заец полез на небо, / А серый заец по земли пошел» [Соколовы 2007: 46]; «Первая земелька скрозь землю прошла, / А на другую землю фараменьскую / Напускает Господь змию лютую, / Змию лютаю спускает, змию треглавую» [Соколовы 2007: 115]; «Один братец Лазарь богатой цёловек, / А другой же братец – Лазарь убогой

целовек» [Соколовы 2007: 181]; «Молодым людям да на память брать, / А старым людям на послушанье» [Бессонов. № 76. С. 274].

Союз *a* также может связывать предикативные единицы сложного предложения с семантикой *противопоставления*: «Да не тот Ильмень во Новегради, / А тот Ильмень во Еросалиме» [Соколовы 2007: 45]; «Повелел Егорья топором рубить, / А топор Егорья ни в добри берёт, / А топор от Ёгорья выломилси весь» [Соколовы 2007: 55]; «Уж я была в мори да голоднёшонька, / А наймся я теперь сытёшенка» [Соколовы 2007: 97]; «Не водой ёна (да) умывалоси, / А горькими слезмы да уливаласи» [Соколовы 2007: 122]; «Не во сне ты, матушка, видишь, / А наяву ты, матушка, пишешь» [АКНЦ. Кол. 82. № 139].

Союз *a* может употребляться и в полипредикативных единицах с семантикой *перечисления*: «В долину погрёб-то сороки сажон, / А в ширину погрёб тридцати сажон, / А в глубину погрёб двадцати сажон» [Соколовы 2007: 63–64]; «Желты пески вси порознесло, / Белы камешки пораскатало, / А пенье-колодье всё порознесло» [Соколовы 2007: 64]; «Как не нашую да веру веруё, / Как не нашему да Богу молитси, / Она молитси Христу роспятому, / А другому-то молитси Николы Свирьскому, / Как во третьих-то – Ёгорью Храброму» [Соколовы 2007: 96]; «Перво царьсьвиё да было царьское, / Друго црьсьвиё да было Орахрыньское, / А третье црьсьвиё да Содом-город» [Соколовы 2007: 104]; «Над рекою как бы Иорданом / Выросло древо кипарисно, / А на этом честном древи / Святой крест проявился» [Бессонов. № 608. С. 184]; «Ты скажи, сударь, проповедывай: / А который царь над царями царь, / А который город городам мати, / А которая рыба всем рыбам мати, / А которая река ли всем рекам мати, / А которая гора горам мати, / А которая древа древам мати, / А которая трава травам мати, / А который зверь всем зверьям мати, / А которая птица всем птицам мати?» [Бессонов. № 77. С. 275].

В некоторых случаях семантика *перечисления* неотделима от семантики *сопоставления*, это своего рода «пограничное», «переходное», синкретическое значение синтаксического единства (*полу-перечисление* и *полу-сопоставление*): «А ступень ступил – у проклятого руку сломил. / Он другой ступил – дак ногу сломил. / А третью ступил – дак голову срубил» [Соколовы 2007: 65]; «Пусть ин первую состроит церковку Егорью Храброму, / А другу

построит – Миколы Угоднику, / Уж как третью – Миколы Можайскому» [Соколовы 2007: 131]; «Да глухим давал да прослышание, / А слепым ён давал да прозрение, / А безногим давал ён он ножки, / А безруким давал ён и рущюшки» [Соколовы 2007: 155]; «В пятницу меня, матушка, распятили, / А в субботу будет погребень» [АКНЦ. Кол. 147. № 108]; «Высока книга сороку сажень, / Ширины книга двадцати сажень, / На руках держать – не сдержать будет, / А письма в книге не прочесть будет, / А читать книгу – её некому» [Бессонов. № 76. С. 270].

Интерес представляет семантика союза *a* в сложных конструкциях, в которых в первой части употреблен глагол визуального восприятия, а во второй части указан объект, который обнаруживается перцептором на основе наблюдения. Для союза *a* в подобных контекстах В.З. Санниковым предложен термин «*a* обнаружения» [Санников 2008: 276]: «*Глядит* Ягорей во цисто полё, / *А* бежит тут доброй конь» [Соколовы 2007: 64]. Глагол визуального восприятия может отсутствовать, и указанная ситуация моделируется при помощи глагола движения: «*Приезжал* Ёгорей к своей матушке, / *А* ёго матушка да Богу молитсе» [Соколовы 2007: 64]; «*Приезжал* Ягорей к сестры родной, / *А* сестра родная овец пасёт» [Соколовы 2007: 65].

В синтаксисе духовных стихов зафиксированы и случаи употребления союза *a* в полипредикативных единицах с семантикой *результата* (здесь союз *a* близок по выполняемой функции союзу *и*): «Похотили отец да учити, / *А* ему свету грамота даваласи» [Соколовы 2007: 151].

Возможны также и случаи полисемантизма полипредикативных структур, связанных союзом *a*. Например, значения *перечисления*, *несоответствия*, *противопоставления* и *результата* не могут быть однозначно отделены друг от друга: «И долго богатой себи лекарей искал, / *А* не мог богатой себи лекарей найти» [Соколовы 2007: 175]. В следующем случае синкретичны значения *перечисления*, *сопоставления*, *следствия*: «Мой-то ведь как сноп всех лучшее, / Лучшее то был сноп, по всех глаже, / *А* ваши-то снопы да приклонилисе, / Моему снопу приложилисе» [Соколовы 2007: 195].

В начальной же позиции нового предложения союз *a* обычно выполняет *нарративную* функцию, обеспечивая чисто формальную синтаксическую связь между частями текста (семантически

нейтральную): «Выходил Ёгорей на Светую Русь, / На Светую Русь ён на белый свет. / А по Божьей-то по милости, / По Егорьевой по уцясти / Из того из циста из раздолия, / Из роздолия из широкого / Набижал к Егорию сударь доброй конь / Со всей сбруею лошадиною» [Соколовы 2007: 58]; «А Капарис древо всем древам матери» [Бессонов. № 77. С. 277].

Семантически недифференцированная *нарративная* функция союза *a* зафиксирована и в следующем примере: «Что не малая книга, не великая, / А что эту книгу не прочесть будет, / На руках книгу не сдержат будет, / А сама книга распечаталась, / Слова Божии прочитались: / У нас Белый царь над царями царь» [Бессонов. № 77. С. 275]. Сочетание *a что*, надо полагать, может быть интерпретировано не как союз, а как наполнительная ритмообразующая частица, в какой-то мере принимающая на себя и основную функцию союза – функцию связи предикативных частей.

В синтаксическом строе эпических духовных стихов отмечены также случаи связи предикативных центров при помощи союза *a и*: «То конному проезду нет, / То та пешему туго проходу нет, / А и волку тут прорыску нет, / А и ясному соколу пролёту нет» [Соколовы 2007: 59].

Разделительные отношения традиционно выражаются при помощи типичных союзов *или* и *али*: «Мы не знаем, куда он подевался: / Таки ль шёл в пустыню – заблудился, / Али ёго разбойники убили, / Али ёго звири растерзали, / Али ёго птичи расклёвали!» [Селиванов 1991: 45–46].

3.3. Недифференцированная сочинительная связь.

Частицы-делимитаторы

Весьма неопределёнными в условиях стихотворно-музыкальной организации жанра являются полипредикативные структуры, на границах которых располагаются недифференцированные скрепы, близкие к *сочинительным союзам* (*и*, *да*, *a*). Казалось бы, грамматическая квалификация этих элементов и впрямь не составляет труда⁴. Однако

⁴ М.П. Штокмар уверенно относит указанные элементы к союзам, а в качестве типичной особенности народной поэзии называет многосоюзие (полисиндетон): [Штокмар 1952: 278]. Наша интерпретация обоих этих положений расходится с трактовкой М.П. Штокмара.

все усложняется сразу же, как только мы примем во внимание, что имеем дело с текстом не только стихотворным и устным, но, что важнее, *музыкальным*. В музыкальном же фольклоре, в отличие от, например, литературного стихотворения, отличить союз как грамматическое средство связи предикативных центров от элемента делимитации или распева не всегда представляется возможным. Дело осложняется тем, что в опубликованных сборниках мы обнаруживаем лишь текстовый аналог музыкального произведения, лингвистический «слепок» с настоящего, «живого» фольклорного текста. Более того, даже знакомство с аудиозаписями духовных стихов (в некоторых изданиях последних лет к текстовому материалу прилагаются также компакт-диски) не позволяет однозначно квалифицировать недифференцированные элементы *и, да, а*. Приведем такой пример: «А была три да царьсва да неверных, / А Додон город скрозь землю пустил, / А Додон город да огнем пожег, / А на третьє царьсво на Рахлинское / Напустил змию да поганую» [Соколовы 2007: 86–87]. Ритмообразующая частица *а* в данном случае вступает в отношения потенциальной омонимии с сочинительными союзами, при этом размываются границы между союзной и бессоюзной связью. Грамматическая природа анафорического «а» в третьем и четвертом стихах не вполне очевидна: с одной стороны, контекст указывает на то, что это анафорическая частица, с другой – эта «частица» может характеризовать сопоставительно-противительные отношения между предикативными единицами, приобретая, таким образом, признаки противительного союза.

Недифференцированность логико-синтаксических отношений в тексте как акте речетворчества отмечается также специалистами по теоретической морфологии и синтаксису современного русского языка в его книжно-письменной и устно-разговорной разновидностях.

Так, Г.В. Валимова, различающая в современном русском языке сложное предложение и сочетание предложений, среди синтаксических конститuentов второй группы выделяет открытые, или незамкнутые, ряды, «в которых каждое предложение передает самостоятельное сообщение без его отношения к другому» [Валимова 1973: 94]. «Обычно выделяемые в них союзы, – замечает Г.В. Валимова, – могут быть признаны союзами лишь условно, так как они потеряли свое значение и в данном употреблении, не являясь выразителями синтаксических отношений, сближаются с частицами и функционируют

в роли пограничных элементов, которые вместе с интонацией перечисления служат показателями однородности объединяемых предикативных единиц» [Валимова 1973: 94]. В качестве примера Г.В. Валимова приводит текст, стилизованный под фольклор: «И поля цветут, и леса шумят, / И лежат в земле груды золота, / И во всех концах света белого / Про тебя идёт слава громкая» [Валимова 1973: 94].

Насколько можно судить по нашим материалам, десемантизированные частицы *и, а, да* могут использоваться (и очень часто используются) исключительно в ритмообразующей, мелодической функции: «Со ту сторону *да* с восточную, / Со восточную со холодную / Подымалась туча грозная. / Що из этой грозной тучи / *Да* выпадала книга Голубиная» [Григорьев 1904: 599]; «Как на тую славу на великую / Собиралосе много съезжалосе, / А сорок царей сорок царевичев, / Сорок королей и королевичев» [Истомин, Дютш 1894: 19]. В этой же функции указанные частицы используются и в песенных текстах иной жанровой природы (например, в анафоре стиха в свадебной причети): «*И* путь-дороженька скончаласи, / *И* плановая скороталаси, / *И* дом-палата показаласи. / *И* не встречают меня, девушку, / *И* на пилёном крылечушке. / *И* ты спасибо, моя желанненькая тётенька, / *И* что в окошечки меня приметила» [Суйсарь 1997: 247].

Как видно из всех приведенных примеров, при расположении частицы в пределах одного предикативного центра трудности в ее грамматической квалификации обычно нет: это, безусловно, наполнительная, ритмообразующая частица (*Из грозной тучи да выпадала книга*). Трудности возникают при расположении частицы (союза) в анафоре стиха, на границах предикативных единиц. Следовательно, необходимы точные формальные критерии для отграничения частицы от союза. Возможно ли выработать эти критерии? В настоящей работе, не нацеленной на специальный грамматический анализ недифференцированных элементов, мы не ставим перед собой такой задачи. Однако при рассмотрении материала мы исходили из определенных правил, которые на данном этапе исследования носят условный, рабочий характер.

Во-первых, предикативные центры с союзом-частицей рассматривались в широком контексте. Рассмотрим такой пример: «Светляющий князь наш Ефимьянин, / Не было у князя отроду, / *Да* не было ни сына и ни доцери. / *Да* стал он во Божию церковь ходити,

*/ Да со слёзами господа да малити. / Да малилсы ён господу со слезами, / Да штобы дал господь сына, либо доцьку: / При старости князю на потеху, / При младости князю на замену, / При смерти душе на поминаньё. / Услышал господь да моленьё, / Цьревное кнегыню да придступило, / Она строцьныя цисла происходила, / Да родила кнегыня князю сына. / Да собирали тут попов да ли патриархов, / (В)зели да сына окрестили, / Да нарекали-то ему имени Олексеём, / Олексиём цёловеком Божьим. / Да проходило-то лет петь, шесть, / Похотел сударь батюшка уцити. / Да ёму грамота свету да задаласе, / Рукописание Божиё науцилси. / Да проходило того лет семнатцать, / Похотел сударь батюшко ево женити. / Ёму жениться свету да не хотелось, / Да отця-мать гневить не захотелось. / Так во тем Римьском славном царьсве / Да выбирали тут обруцьную кнегыню, / Да выбирали тут кнегыню да Катерину. / Во Божью их черковь да заводили, / Златые веньци да наложили, / Злотыма перснями да обручили, / В церковь много вина да воспивали. / Отводили их из церкви, / Заводили ёны во полата да белокаменну, / Да хлеба-соли да видно да искушали. / Да отводили им таки тёплу лажню» [Соколовы 2007: 155–156]. Как мы видим, синтаксическая структура этого текста чрезвычайно плотно насыщена союзом-частицей *да*. В некоторых случаях *да* употребляется до трех раз в пределах одного стиха. Очевидно также, что квалификация *да* в качестве ритмической частицы в большинстве случаев не вызывает сомнений (*Златые веньци да наложили, Заводили ёны во полата да белокаменну* и т. д.). Иногда предикативная единица распространяется не на один, а на несколько стихов (*Так во тем Римьском славном царьсве / Да выбирали тут обруцьную кнегыню, / Да выбирали тут кнегыню да Катерину*). В этом случае *да* в инициальной позиции стиха, безусловно, является частицей (*да выбирали*). Что же касается *да* в позиции на стыке двух предикативных единиц (*Похотел сударь батюшка уцити. / Да ёму грамота свету да задаласе*), то при определении его грамматического статуса мы посчитали возможным воспользоваться методом *экстраполяции*: поскольку в подавляющем большинстве случаев (как в медиальной, так и в инициальной позиции стиха) *да* выступает в качестве частицы, то и в межпредикативной инициальной позиции мы имеем дело не с союзным омонимом, а с той же ритмооб-*

разующей наполнительной частицей. Кроме того, и в межпредикативной позиции *да* в определенных условиях может вполне однозначно квалифицироваться как частица, без помощи процедуры экстраполирования. Речь идет о таком примере: «*Да* малилсы ён господу со слезами, / *Да* штобы дал господь сына, либо доцьку». Явная избыточность сочинительного союза при гипотаксисе (при союзе *чтобы* в придаточном цели) позволяет со всей определенностью утверждать, что *да* в этом случае выполняет не союзную (соединительную), а именно наполнительную, ритмообразующую функцию.

Рассмотрим пример с союзом-частицей *и*: «Вынимали душеньку очень тяжело, / Пронесли душеньку в огонь и во ад, / *И* тут тебе, душенька, век вековать, / *И* век вековать, царьсво царьсвовать. / *И* говорил тут богатой брату своему, / *И* брату своему, убогому Лазырю: / “*И* братец, ты братец, родимой ты мой, / *И* сходи-ко ты, братец, ты ко синю морю, / *И* принеси-ко мне, братец, ведерышко воды. / Размочи ты, братец, печельные уста”» [Соколовы 2007: 185]. В данном случае мы унифицировали недифференцированные межпредикативные скрепы (*И* говорил, *И* принеси) по частицам при цепных повторах (*Век вековать*, / *И* век вековать; *Брату своему*, / *И* брату своему), а также по частице при вокативе (*И* братец, *И* сходи).

С изложенными выше соображениями связан и второй критерий отграничения союза от омонимичной частицы. Это повышенная частотность употребления недифференцированной скрепы. В том случае если анафорическая межпредикативная скрепа повторяется во множестве стихов подряд, мы склонны полагать, что она сближается с частицей и не имеет собственно-союзного значения (либо же союзное значение редуцировано). Приведем пример: «*А* проходило тому времени всего семь годочков, / *А* похотел его батюшко грамоты уцити. / *А* как уценье свету да далоси, / *А* рукописанья Господнего науцилсы. / *А* проходило тому времени лет восемнадцать, / *А* похотел его батюшка жонити. / *А* как жонитсы Олексию свет-от ни хотелоси, / *А* отца прогнивити ни захотелоси. / *А* пошел он тому по славному по Риму» [Соколовы 2007: 170].

В-третьих, нами учитывается общая семантика частей синтаксического единства и оправданность употребления того или иного союза в данных условиях. Например, в двух стихах «Увидал богатой брата своего, / *А* воскрицал богатой громким голоском» [Соко-

ловы 2007: 189] предикативные части связаны отношениями *перечисления* (семантика *следования*). Типичная для подобных случаев синтаксическая связь – бессоюзие (асиндетон) или, как вариант, сочинительная с союзом *и*. Союз *а* не приспособлен для выражения указанного типа семантических отношений. Это позволяет рассматривать его как десемантизированную ритмическую частицу. Другой пример: «*А* послал тут Господи трех ангелов, / *А* клали ёго душаньку на бело полотно, / *А* снясли ёго душеньку во святой рай» [Соколовы 2007: 188]. Здесь аналогичные условия употребления *а* дают основания квалифицировать его как частицу, а не как союз.

Наконец, в-четвертых, мы обращаем внимание и на грамматическое окружение недифференцированных скреп. Например, их тесная связь с частицами-делимитаторами, их смежное положение в стихе позволяет рассматривать недифференцированную частицу и соседствующий с ней делимитатор как единую структурно-мелодическую синтагму, не обладающую признаками союза в строгом смысле этого слова: «**Да што** из того видь царства Вавилонского / *Да* поднимался царь-царище Демьянище, / **Да видь** он на тот на Ерусалимов град, / **Да видь** он много народу прибил, прирубил, / **Да видь** он много народу на меч склонил» [Селиванов 1991: 108].

В целом же, проблема строгой, точной дифференциации языковых и ритмомелодических элементов заслуживает специального изучения и должна быть рассмотрена в отдельной работе.

Естественно, что полипредикативные структуры с недифференцированными мелодическими скрепами *и*, *да*, *а* должны рассматриваться в качестве бессоюзных.

Укажем выявленные нами в духовных стихах десемантизированные частицы:

1) *и*: «Рецит сам Исус Христос, царь небесной: / “Не тужити, нищая убогая братья, / Не плачьте, глупы малые сиротоцьки, / *И* дам я вам гору золотую, / *И* дам я вам *и* реку *и* медовую, / *И* дам я вам сады и винограда”» [Соколовы 2007: 235].

2) *да*: «*Да* Ердань-река всем рекам река, / *Да* купалси, крестился Исус Христос / Во матушке Иордань-реки» [Соколовы 2007: 45–46].

3) *а*: «”Ты скажи-ка нам: которая церква всем церквам мати? / Который город всем городам мати, / Которая река всем рекам мати, / Которая рыба всем рыбама мати, / Которое древо всем древама мати,

/ Который зверь всем зверям матери, / Которая трава всем травам матери, / Которая птица всем птицам матери?» / Отвечает им Давид царь: / “Сион гора всем горам матери; / А Собор-церква всем церквам матери; / Иерусалим град всем городам матери; / А Иордан река всем рекам матери; / А кит рыба всем рыбам матери; / Кипарис дерево всем деревьям матери; / А Плакун трава всем травам матери, / Лев зверь всем зверям матери; / Вострохил птица всем птицам матери”» [Бессонов. № 85. С. 315–316].

В функциональном плане наряду с недифференцированными мелодическими скрепами *и, да, а* должны быть рассмотрены также частицы-делимитаторы. Их роль в стиховом фольклоре, по мнению Е.Б. Артеменко, заключается в разграничении музыкальных фраз, или экспликации границ компонентов напева. Справедливо выделить и суггестивную функцию [Новоселова 2007: 68–74], и функцию распева (как, например, в протяжной лирической песне), и функцию регулирования числа слогов в стихе (то есть функцию поддержания ритма), на что уже неоднократно указывали музыковеды и стиховеды. Вообще, в фольклорном тексте выполняемая функция во многом является неоднозначной, недифференцированной. Обычно можно констатировать диффузию функций, полисемантизм структуры фольклорного слова.

Как и в других эпических жанрах, в духовных стихах наиболее частотны частицы-делимитаторы *как, что, да что*: «Ты поди-ко-ся во Римское славное царство; / Отец-матушка тебя да не узнают, / *Что* обручная княгиня не признает» [Селиванов 1991: 145]; «*Как* стоит тот город посреди земли» [Бессонов. № 81. С. 295].

Зафиксированы также случаи употребления в функции делимитатора частицы *еще (ещё)*: «”*Еще* цыць, пес-собака, от дому моего, / У меня есть друзья-братыца получшее тебя, / *Еще* получшее тебя да побогатее, / *Еще* попы да дяки братыца мои, / *Ещё* вельможи богатые всё приятели”. / *Еще* вывел убогого на чистое на полё, / *Еще* насылал богатый тридцать борзых кобелей» [Соколовы 2007: 189].

3.4. Подчинительная связь

Довольно разнообразны по своей типологии, хотя и не столь многочисленны, *гипотактические (подчинительные) межпредикативные узлы*. Они выражают достаточно широкий спектр синтаксических отношений между предикативными частями и, как правило, в рамках

определенных сюжетов характеризуют конкретный композиционный блок. В некоторых же случаях они участвуют в формировании типических мест (таковы, например, синтаксические единства с местоименно-относительной связью частей *кто... тот*). Перечислим основные типы гипотактической связи в эпических духовных стихах:

В синтаксических единствах расчлененной структуры:

а) с семантикой *цели*: «Создай ты мне, Господи, тихих ангелей, / Тихих, и смирных, и милостивых, / По мою по душеньку да по праведную, / *Чтоб* вынули душеньку честно и хвально» [Селиванов 1991: 192].

б) с семантикой *условия*: «*Таки* ль шёл в пустыню – заблудился, / Не была *бы* твоя риза предо мною; / *Кабы* тебя разбойники убили, / Не оставили *бы* Осиповой ризы» [Селиванов 1991: 46]; «*Если* вам, купцы, не угодно, / Буду я служить по полугоду; / *Если* вам, купцы, не угодно, / Буду я служить помесечно» [Селиванов 1991: 49].

в) с семантикой *времени*: «*Когда* морюшко всколыбается, / Змея лютая покажется, / Разбуди *тогда* меня, Олисафия, / Олисафия да Огапеевна» [АКНЦ. Кол. 79. № 934]; «*Как* будет Алексей в возрасте, в законе, / Поизволил его батюшко женити» [Селиванов 1991: 131].

г) с семантикой *причины и следствия*: «У нас белый царь над царями царь, / *Потому что* вера его великая, крещёная» [Бессонов. № 79. С. 284].

д) с семантикой *сравнения* (очень редкий тип гипотактической связи): «Под ним добрый конь подымается / Через ту стену белокаменну, / *Как* ясный сокол полетел по поднебесью» [Селиванов 1991: 88].

В синтаксических единствах нерасчлененной структуры:

а) *изъяснительные*: «Поведала бы ты печаль мою, / Отцу бы моему ты сказала, / Блаженному Иакову, / *Что* во рве сидя погибаю, / Напрасную смерть принимаю / От своих старейших от братьев!» [Бессонов. № 38. С. 175]; «Да упроси ты родного батька, / *Да чтобы* он этого не делал, / *Чтоб* жениться да не заставил» [АКНЦ. Кол. 36 / 1. № 50].

б) *присубстантивно-определятельные*: «Тогда же царь Агей Евсеевич / Со царицею со Оксиниею / Приходили в палату в белокаменную, / *Да где* же пребывает молодая Елисафета» [Селиванов 1991: 100]; «Уж ты милая дочь да одинокая, / Прекрасная Агапья Агапеевна! / Ты *в какую* веру веруешь / *Да каким* богам молишься, / Я *в ту* веру тебя замуж отдам» [АКНЦ. Кол. 36. № 146].

в) с неопределенно-обобщенным условным значением: «*Кто* этот сон читает, говорит, / *Тот* на воды не утоне; / *Кто* это сон, говорит, прослуша / Ночесь день Господен, / *Тому*, говорит, всё везде доступно будет; / *Кто* этот сон, говорит, держит в доме, / В чистоте и в уборе, / *К тому* дому, говорит, не прикоснётся никакая нечистая сила» [АКНЦ. Кол. 82. № 139]; «*Кто* будет кривдой жить, / *Тот* отчаянный от Господа Бога / И не наследует себе царства небеснаго; / *А кто* правдою будет жить, / *Тот* причастен будет ко Господу Богу, / *Та* душа себе наследует, / Наследует царство небесное» [Бессонов. № 86. С. 322]; «*Кто* очистит землю святу русскую, / *Тот* избавлен будет муки вечния, / Наследник будет царства небеснаго» [Селиванов 1991: 87].

Семантическая неопределенность, являющаяся признаком этой структуры, в контексте жанра играет особую роль. Нравоучительный вывод относится не к конкретному лицу, а ко всему множеству людей, приобретая, таким образом, значение общечеловеческой заповеди.

4. Инициальные формулы

Инициальные формулы эпических духовных стихов в целом не имеют принципиальных отличий от инициальных формул произведений иной жанровой природы. Отправной точкой повествования здесь является условное эпическое прошлое. Этот важный момент в структуре жанра и в композиции каждого сюжета зафиксирован с помощью набора канонических фольклорных формул, имеющих типовое синтаксическое строение. Рассмотрим эти формулы подробно.

Прежде всего, действие прикреплено к определенному месту (локусу) и приурочено к определенному времени. Временные и пространственные параметры текста выражены при помощи инициальных формул, которые можно назвать *темпоративными* и *локативными* (по классификации, предложенной Н.М. Герасимовой, это формулы *времени* и *топографические* [Герасимова 1978: 18–28]). Эти формулы выражены темпоративными и локативными именными конструкциями с соответствующими предлогами (*во/в, на* – для локативных; *во/в, на, при, после* – для темпоративных). Приведем некоторые примеры: «*Во* славном было *во гради во Израиле*, / Жил-был благоверный муж Яков» [Селиванов 1991: 44]; «Жил себе *на земле* славен-богат» [Селиванов 1991: 190]; «Как

в первом году второй тысячи / Наездял царище Кудриянице» [АКНЦ. Кол. 89. № 35]; «В шестом году, в седьмой тысячи, / При том было царе при Анохрие, / При мудрой царице мать при Сохрие: / Спородила Сохрия трёх дочерёв» [Бессонов. № 115. С. 499].

Как видно уже из приведенных примеров, обязательным элементом экспозиционной части текста является также *формула существования* (или *экзистенциальная формула*) «жил-был» («жили-были») [Евгеньева 1951; Чернов 1970]. Ее разновидностью можно, по-видимому, считать и глагольную форму «было»: «Во граде *было* во Антоние, / При царе *было* при Агее при Евсеиче, / При царице Оксинии, / Когда веровали веру истинную христианскую, / Тогда не бывало на Антоний-град / Никакой беды, ни погибели» [Селиванов 1991: 99].

Такие структуры с синтаксической точки зрения рассмотрены Е.Б. Артеменко [Артеменко 1977: 104–106]. Они обнаружены и в смежных жанрах – былинах, исторической песне и лирической песне.

Согласно фольклорному канону, среди инициальных формул распространена (хотя и значительно реже) *формула наличия / отсутствия* (или *посессивная формула*). Обычно она выражена при помощи именной конструкции с предлогом *у* или ее отрицательной модификации с участием негатива *не было*: «Во славном было в городе в Домостееве: / Жил-был неверный царь Максимиан, / У него была честная жена Улита, / Она веру веровала ко Господу» [Селиванов 1991: 120]; «Во славном во городе во Риме, / У славнаго князя Яфимьяна, / У него не было единаго чада» [Бессонов. № 28. С. 97].

Более редки случаи выражения посессивной формулы при помощи глагола «иметь» в форме прошедшего времени: «Во славном было во гради во Израиле, / Жил-был благоверный муж Яков, / Имел он два-на-десять сыновей» [Селиванов 1991: 44].

Рассматривая экзистенциальные, локативно-темпоративные и посессивные инициальные формулы эпических духовных стихов, нельзя не подчеркнуть, что они в целом характеризуют единый разножанровый фольклорный канон. Вместе они образуют целостную семантическую триаду, основанную на неразрывной «взаимосвязи... категорий бытия, обладания и пространственной локации» в языке. Эта взаимосвязь рассматривается современными исследователями в качестве одного «из элементов системы языковых универсалий» [Лухт 1977: 125; Селиверстова 1977: 5–67].

Наконец, достаточно продуктивна *формула совместного действия*, выраженная именной конструкцией с творительным падежом с предлогом *с/со*, обозначающей субъектов-соучастников действия: «В четверг на шестой да на недели / Да после светлого Христова Воскресенья / Да вознёсся *Христос-Бог* на небеса / Да все, все *со небесною силой* / Да *со всима ангеламы с херувима*» [АКНЦ. Кол. 126. № 27]; «За обедней был *Димитрей-князь* / *С благоверною княгиней Евдокиєю*, / *Со князьями ли со боярами*, / *Со теми со славными воеводами*» [Селиванов 1991: 250–251]; «И ко той ко Книге Голубиныйя / Соходилися, соезжалися / *И сорок царей со царевичам*, / *И сорок князей со князевичам*» [Бессонов. № 76. С. 269].

В композиционном плане формула совместного действия более подвижна и этим отличается от других, характерных только для экспозиции. Она часто используется для описания действий (состояний) Христа (Вознесение, Крещение, Преображение) и во всех случаях строится по одной и той же синтаксической модели (предлог *с/со* и существительное в форме творительного падежа), переходя из сюжета в сюжет. Вот, например, два отрывка из одного варианта стиха о Голубиной книге. В первом примере речь идет о Крещении, во втором – о Преображении: «Окрестился в ней сам *Иисус Христос*, / *Со силою со небесною*, / *Со ангелами со хранителями*, / *Со Иоанном, светом, со Крестителем*: / Потому Иордань всем рекам мати» [Бессонов. № 82. С. 302]; «Преобразился на ней сам *Иисус Христос*, / *Иисус Христос, Царь Небесный, свет*, / *С Петром, со Иоанном, со Иаковом*, / *С двенадцатью Апостолами*, / Показал славу ученикам своим: / Потому Фавор-гора горам мати» [Бессонов. № 82. С. 303].

С помощью инициальных формул слушатель перемещается в хронотоп изображаемых эпических событий; они являются отправной точкой для развития сюжета.

Подводя некоторые итоги описанию инициальных формул, подчеркнем, что инициальная позиция не настолько единообразна, монолитна и строго регламентирована, как может показаться: далеко не все формульные элементы обязательно употребляются во всех сюжетах и вариантах, тем более никак не регламентирован порядок их употребления (в одном варианте повествование может начинаться с формулы существования, в другом – с локативной формулы, в третьем – с темпоративной, а иногда инициальный фор-

мульный блок и вовсе отсутствует). Одна и та же формула может в разных вариантах содержать большее или меньшее количество структурных звеньев (например, более длинное или более короткое перечисление темпоративных характеристик зачина). В этом случае мы имеем дело с *амплификацией (расширением)* или, наоборот, *редукцией* формулы (данные явления обнаружены также в формулах волшебных сказок [Герасимова 1978]).

Весьма неустойчивыми оказываются некоторые из них и в историческом плане. Так, судя по данным, полученным в ходе исследования поздних записей⁵ (архивные материалы ИЯЛИ КарНЦ РАН), лучше и дольше всего сохраняется формула существования «жил-был» («жили-были»). Это, безусловно, связано с ее широкой распространенностью в сказке, где она является одним из знаковых элементов стилистической обрядности [Разумова 1991]. Именно поэтика и стилистика сказки в наибольшей степени, насколько можно судить по доступным нам вариантам, повлияла на поэтику и стилистику эпического духовного стиха в XX в. (иногда сами исполнители называли только что пересказанный в прозе стих сказкой). В поздних записях экспозиция зачастую отсутствует вовсе, но в таком случае мы можем вести речь уже о текстах, отражающих практически полное угасание жанровой традиции: это пересказы содержания духовных стихов, зачастую без начала и конца, с пропущенными мотивами, значимыми для понимания того или иного сюжета.

5. Финальные формулы

Финальная позиция справедливо считается знаковой и наиболее сильной (наравне с начальной) для текста любого жанра и стиля. Как правило, именно в финальной позиции располагается основной мотив лирического произведения художественной литературы или, например, кульминационный момент литературной новеллы [Эйхенбаум 1927: 166–209]. В фольклорных жанрах функция финального сегмента текста несколько иная. В таком, например, жанре, как сказка, по наблюдению С.Ю. Неклюдова, благодаря концовке осуществляется переход из условного сказочного времени в реальное

⁵ Под поздними записями понимаются варианты, зафиксированные собирателями в советскую эпоху, чаще всего во второй половине XX в.

[Неклюдов 1972: 20]. Общеизвестно функционирование заговорных концовок в качестве так называемых закрепков, призванных, по определению А.Н. Афанасьева, «дать заклятию силу великую» [Костюхин 2004: 234]. В былинах же «исходы» выражают героико-эпический принцип идеализации и резко противопоставления враждующих сил (мотивы «пения славы» и иронии по поводу посрамленных персонажей), то есть эксплицируют идейно-эстетический стержень жанра [Савельева 2007]. Во всех этих случаях кульминация действия или чувства приходится отнюдь не на концовку.

Нечто подобное мы можем наблюдать и в духовных стихах. Во всех рассмотренных нами текстах и вариантах, каковы бы они ни были по степени драматического напряжения, все важнейшие события, в том числе развязка действия, уже известны, все типы героев по их функциям (святой-мученик или аскет, его мучитель-антагонист (или мучители во множественном числе), страдающие родители и супруга, чудесный спаситель и т. д.) уже обозначены и действия их получили окончательное завершение. О перипетиях сюжета известно все, однако слушателя ожидает заключительная лаконичная сентенция с обобщающим значением – финальная формула. Состав финальных формул немногочислен и весьма однообразен. Рассмотрим их подробнее:

1) формулы, выражающие мотив пения славы, например: «*Мы нынче Лазарю славу поём, / Вовек его слава не минуется!*» [Селиванов 1991: 195]; «*А тут Борису и Глебу славы поют, / Во веки тут им слава не минуетси*» [Соколовы 2007: 54]; «*А по тых мест тут Егорьюшку славы поют, / Единой доци Олисафии, / А по тых мест тут славы поют / Да по всёй земли*» [Соколовы 2007: 108].

Слава, которую поют героям, не только бессмертна (т. е. бесконечна во времени), но и безгранична (т. е. бесконечна в пространстве: ее поют «по всей земли»). В эту группу можно включить и формулы пения славы, напрямую заимствованные из церковно-богослужебной, литургической практики, а также из христианской литературы (они типичны для молитв). Это нечленимые предикативные единицы (например, *Аллилуйя*⁶), выступающие обособленно или в составе более сложных, также фразеоло-

⁶ Аллилуйя – «хвалите Яхве» [Скляревская 2000: 13].

гизированных, синтаксических структур. Например: «Алилуия и слава тебе, Господи еси!» [Селиванов 1991: 140].

2) формулы, которые приблизительно соответствуют сказочным формулам, «акцентирующим момент окончания рассказывания»⁷ (*Аминь*). В духовных стихах, как жанре религиозном, возглас *Аминь* (то есть «истинно», «верно»), замыкающий текст, наделяется определенным сакральным ореолом, это некий знак-символ незыблемости христианского миропорядка: «Во веки веков, аминь» [Бессонов. № 21. С. 49]; «Святому Егорью много пения, И день, и ночь, и во веки веков, аминь» [Бессонов. № 103. С. 433], «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Ныне и присно и во веки веков, аминь» [АКНЦ. Кол. 26. № 46]. В поздних записях, в которых финальные формулы в их прежнем виде отсутствуют, сохранившаяся структурная ячейка жанрового инварианта иногда заполняется разговорной синтагмой «Вот и всё» (иногда «Вот»), актуализирующей в редуцированном виде семантику «исхода».

Христианские по происхождению финальные формулы более прочих инициальных и финальных словесных стереотипов актуализируют жанровый канон эпических духовных стихов, поскольку образуют наиболее тесную ассоциативно-суггестивную связь с миром христианской культуры.

3) фразеологизированные синтагмы с элементами нравственно-дидактического пафоса, выраженные, как правило, конструкциями с дательным падежом, тесно спаянными параллельной организацией компонентов, например: «Молодым людям на поученье, / Старым людям на послушенье» [Бессонов. № 83. С. 310].

Такие формулы имеют этическое значение: по выражению Ф.И. Буслаева, «песня поется не для одной потехи, а также и для того, чтоб ее, как предание, переняли и затвердили люди молодые, поколение новое, с тем, чтоб, в свою очередь, передать ее своим потомкам» [Буслаев 1861 (а): 18].

Как мы видим, финальные формулы более специфичны для жанра духовного стиха, чем инициальные, они в большей степени подчеркивают его своеобразие. Если инициальные формулы достаточно типичны для фольклорного канона и могут найти соответст-

⁷ В терминологии Н.М. Герасимовой.

вие во многих других жанрах, то значительная часть финальных формул (хотя бы на поверхностном уровне церковно-богослужебной риторики) характерна только для христианской традиции (прежде всего традиции молитвословия и гомилетики).

6. О некоторых динамических тенденциях в синтаксисе жанра

Помимо классических сборников русских духовных стихов, мы также располагаем богатым материалом, записанным уже в XX в., т. е. практически в новейшее время (последние записи датируются 1990-ми гг., хотя известно, что духовные стихи, уже на другие сюжеты и в несколько ином облике, фиксируются собирателями до сих пор). Уже простое сопоставление старых и новых вариантов обнаруживает, что в основном структурные и семантические изменения в жанре носят деструктивный характер, и это, естественно, констатируют все исследователи-фольклористы [Никитина 1993 (а), Бахтина 2000, Новиков 1971]. Не касаясь здесь вопросов сюжета и образной системы, обозначим главные направления трансформации жанрового синтаксиса.

Во-первых, из синтаксиса стихотворного (или музыкально-стихотворного) синтаксис эпических духовных стихов превращается в прозаический. Это важное обстоятельство приводит к целому ряду конструктивных последствий: исчезают все виды эпических повторов, межстиховая атрибуция и частицы-делимитаторы, которым в новых условиях уже нечего разграничивать (обычно их функция заключается в обозначении границ музыкальных фраз), синтаксис речи сказителя во многих случаях приобретает черты «обытовленности» (например, передача прямой речи с помощью глагола «говорит» и даже «грит»: «Вот, – говорит [Егорий], – девица, как сколыбается озеро, завыходит змея семиглавая, брось на меня шёлков пояс» [АКНЦ. Кол. 29. № 105]; введение прямой речи с помощью предикативной единицы, в которой порядок следования субъекта и предиката прямой, вопреки обычной эпической инверсии: «Жена говорит: “Не грусти, не печалься, у тебя дочь есть, она верует во христианскую веру”» [АКНЦ. Кол. 36 / 1. № 476]; первичное, еще несовершенное, формирование гипотактических узлов на месте прежнего бессоюзия, невозможное в классических вариантах, приводящее, в частности, к смешению форм прямой и косвенной речи: «У одной

девушки померла мать, а отец взял мачеху, а мачеха ей не возлюбила, стала говорить отцу, что “Отвези дочку в озеро”» [АКНЦ. Кол. 131. № 272]; увеличение количества клишированных фразеологизированных или эллиптических разговорных структур наряду с односоставными и неполными: «Запер её в башню хрустальный потолок. До шестнадцати лет там сидела, прислуга к ей ходила <...> “Ой, – говорит, – сейчас голову отрублю!”. А она в бега» [АКНЦ. Кол. 21. № 213]. Все это, в свою очередь, приводит к тому, что повествование теряет остроту, драматизм, напряженность и экспрессию. Показательно признание одной исполнительницы (Анастасия Петровна Логинова, село Шуерецкое, Кемский район), пересказавшей сюжет о Егории Храбром в прозе и заключившей рассказ такими словами: «Как на стиху-то – так наплачешься!» [АКНЦ. Кол. 36 / 1. № 476]. Черты разговорной речи, проникающие в разрушенный музыкально-стихотворный жанр, заслуживают специального изучения с опорой на теоретические и практические данные [например: Шведова 2003; Лаптева 2003; Земская 1968; Земская 1973], однако эта задача находится уже за пределами нашего исследования.

В целом же, стилистическая эклектика (смешение стилей торжественно-поэтического и разговорно-бытового) как качественная составляющая жанра в позднейшую эпоху отмечается и другими исследователями. Так, например, очень яркую иллюстрацию приводит С.Е. Никитина: в стихе о страстях Христовых страдания Богородицы передаются исполнителем следующим образом: «Без ума лежала больше часа. Две девки при ней были – Марфа да Марья. Ну, оне качали-качали её, едва откачали» [Никитина 1993 (а): 114].

Кроме того, трансформация стиховой формы в форму прозаическую приводит к появлению *сложносочиненных* структур (полипредикативных единств с сочинительными союзами) и исчезновению недифференцированных мелодических скреп (десемантизированных частиц). Наиболее типичными становятся союзы *а*, *и*, выражающие сопоставительно-противительные и соединительно-перечислительные отношения: «Слуги были неверны: сами съедали, *а* ему помои носили, *а* он благодарил» [АКНЦ. Кол. 33. № 74]; «Она и посмотрела, *и* пояс расплёлся, *и* кольцо распаялось» [АКНЦ. Кол. 8. № 146].

Помимо этого, возрастает количество *сложноподчиненных* структур: иногда они едва ли не доминируют в тексте. Ср.: «Они желали, *чтобы* у них родился дитё <...> Через девять месяцев у них родился сын, *которого* оне назвали Алексеем <...> *Когда* зашли они в отдельную комнату, *тогда* он снял с руки перстень и отдал жены Екатерины. Отвязал плетёный пояс от себя и передал жены и сказал: «*До тех пор* ты меня не увидишь, *покуль* кольцо не распаяется и пояс *покуль* не расплетётся». И сам скрылся, ушёл. Утром жена встала и заявила, *что* муж ейный ушёл <...> Дали ему комнатку, кормили его; *что* сами кушали, *то* и ему давали <...> И прочитали письмо и узнали, *что* это сын их Алексей. Похватилась жена и видит, *что* распаялся перстень, пояс расплёлся» [АКНЦ. Кол. 33. № 74].

Вместо бывших частиц-делIMITаторов *как, что* и т. п. появляются частицы типа «ну» или «ну вот», в прозаической речи выполняющие аналогичную делимитативной функцию: «*Ну вот*, и пошёл этот братия к богатому Лазарю милостинки просить» [АКНЦ. Кол. 126. № 85].

Во многом тексты позднейших прозаизированных пересказов духовных стихов основаны на связи цепного нанизывания («ассоциативного сцепления», по определению А.А. Потебни), отражающей процесс угасания жанровой традиции и утраты исполнительского, сказительского искусства.

В некоторых же случаях разговорный характер прозаического синтаксиса обуславливает и более значительную редукцию связи между компонентами текста с разрушением конструктивной основы предикативных единиц, которые приобретают подобие драматургических ремарок: «Она ночь плакала. *Чёрная карета. Море*» [АКНЦ. Кол 36 / 1. № 47б]. Структуру последнего примера не следует смешивать со структурой номинативных предикативных центров, связанных бессоюзной связью, поскольку в контексте повествования лексемы «карета» и «море» являются лишь ассоциативно нанизанными в потоке речи сигналами «припоминания», которые заменяют развернутое описание событий (приезд черной кареты и приношение Елисафии в жертву змею у моря). Ср. в другом варианте: «У крылечушка да у перёного, / Там стоит каретушка ведь тёмная, / Запряжён жеребчик неучённый, / Там сидит Ванюша поваренный <...> / Тут сядилась девица во каре-

тушку, / Во каретушку да во тёмную. / Повезли девицу ко синю морю, / Ко синю морю да на ту сходню, / Ко лютой змеи да на съядение» [Селиванов 1991: 97].

Во-вторых, кратно возрастает количество внесистемных проявлений структурной неполноты (словообрывы, самоперебивы, оговорки, которые иногда сопровождаются комментарием «далее не помню», «забыла» и т. п.). Например: «А холопы были такие злые – всё самы съедали, а Алексеюшку помои сливали. *Там ещё много, да я не помню*» [АКНЦ. Кол. 127. № 51] (по С.Е. Никитиной, это метатекст-квалификация [Никитина 1993 (а): 27, 59]).

В-третьих, расширяется «сфера действия» разного рода смысловых и грамматических алогизмов, возникающих в условиях плохого понимания исполнителями чуждых живой современной (в том числе диалектной) речи синтаксических и морфологических архаизмов: «Не ложен, мати, сон видела: / *Будь мне-ко поймано, / Тело моё пригвоздаше, / Святая моя кровь приливаше*» [АКНЦ. Кол. 79. № 150]; «Быть мне, матушка, на кресте распятым, / *Руки и ноги гвозде забиваша*» [АКНЦ. Кол. 56. № 75].

В-четвертых, в речь повествователя иногда врывается речь исполнителя, комментирующая и разъясняющая собирателю особенности содержания сюжета или характера героя. В этом случае мы имеем дело с текстами, которые С.Е. Никитина называет текстами-интерпретациями [Никитина 1993 (а): 25]. Приведем пример из нашего материала (высказывания-интерпретации выделены курсивом в скобках): «Ты не ври-ко, не ври, да не оманывай, / Не родная мать, а лиха мачеха! / Не замуж хочет меня батюшка отдать, / А хочет к змеи послать» / (*уж ей так сказали*) [АКНЦ. Кол. 131. № 272]; «Приходит к нему жена-княгинюшка: / «Не кручинься, царь, да не печалуйся: / У тя есть ведь кем да заместиться, / Есть немилы дочь да одинакая / (*она мачеха этой дочери*) / Прекрасная Агапья Агапеевна» [АКНЦ. Кол. 36 / 1. № 39]; «Отныне до веку Змеяна гора» / (*змеи разошлись от кусков, значит, гора змеиная*) [АКНЦ. Кол. 36 / 1. № 39].

Последний пример примечателен также позднейшим внесением в текст этиологического мотива, противоречащего самой идейно-эстетической установке жанра духовного стиха и срывающего весь христианский пафос текста. Интересно, что но-

вой, нехарактерной для себя цели (объяснить происхождение локального топонима) подчинена даже финальная формула «отныне до веку», утратившая весь свой сакральный семантический ореол. Кроме того, в отличие от «классических» вариантов этого сюжета здесь претерпевает переосмысление мотивировка обрядового принесения дочери в жертву змею: из сугубо религиозной (Елисафия молится Богу распятому, она исповедует христианскую, а не языческую веру) указанная мотивировка превращается в традиционно-сказочную (в этом варианте мачеха пытается известить нелюбимую падчерицу). Такая трансформация стала возможной благодаря влиянию на духовный стих поэтики сказки. Само же это влияние осуществилось на идеологической (атеистической) почве советской эпохи, хотя не менее значимо и то обстоятельство, что между любыми жанрами фольклора нет непреодолимых границ, они «живут» в соответствии с единым традиционным канонам и находятся в теснейшем взаимодействии друг с другом. Прозаизация жанрового синтаксиса и обретение текстами сказочных черт идут как бы навстречу друг другу: с одной стороны, появление сказочных мотивов способствует облегченному перекодированию синтаксического строя жанра из одной подсистемы художественной речи в другую (из стиха – в прозу); с другой стороны, новая прозаическая форма помогает жанру весьма органично усваивать всё новые элементы сказочной поэтики, хотя это и приводит к перераспределению смысловых связей в сюжетах и идейно-эстетической переакцентировке с утратой духовным стихом его существенных жанровых признаков. Важной чертой духовного стиха становится, в частности, чисто сказочная *установка на вымысел*. Например, вариант стиха об Алексее, человеке Божьем, записанный от сказительницы Ксении Егоровны Ремизовой в 1961 г., сопровождается собирателями таким комментарием: «К.Е. рассказывала текст. Слышала его от мужа. Называла то стариной, то сказкой» [АКНЦ. Кол. 21. № 138].

В-пятых, значительно видоизменяется структура начальной и конечной позиции текстов. Из всех возможных инициальных формул наиболее устойчивой оказалась экзистенциальная формула «жил-был» («жили-были»). Спорадически в поздних записях

встречается формула наличия, или посессивная формула («У ей был сын Егорий»). Во многих случаях экспозиционный блок и вовсе отсутствует и воспроизводится только основная событийная линия сюжета. В подавляющем большинстве текстов поздней фиксации не употребляются и конечные формулы, что связано с утратой духовным стихом основной этической жанровой установки и переосмыслением его в духе сказочного канона. Как мы уже отмечали, иногда сказители используют нечленимые разговорные синтаксические образования типа «Вот» («Вот и всё»), однако, как правило, обходятся даже без них. Например: «Пришли – а он уже мёртвый, одетый, сам оделся, лампада теплится» [АКНЦ. Кол. 127. № 51].

В-шестых, исполнение эпических стихов может осуществляться с принципиально иной точки зрения: не с позиции отстраненного повествователя в 3-м лице, а с позиции самого героя (таковы, например, стихи об Алексее, человеке Божьем, или стихи об Иосифе Прекрасном): «Я родился в граде Риме, / Быстро нежно возрастал» [Бучилина 1999: 207]. Это другая линия жанровой эволюции – 1) трансформация архаичного фольклорного нарративного стиха в более продуктивную силлабо-тоническую систему и 2) углубление лирической составляющей жанра, что нельзя не связать с влиянием книжной традиции и возрастанием роли именно лирических духовных стихов в устной поэзии XX в.

При всех указанных изменениях структурно-стилистическими доминантами жанра остаются, как и прежде, *двусоставная предикативная единица NI – Vf* и *бессоюзный паратаксис*: это единственные в языке фольклора синтаксические структуры моно- и полипредикативного уровня, которые в состоянии обеспечить связность традиционного нарратива, с его событийным или чувственно-образным сюжетным рядом.

Такова в целом картина синтаксической организации эпических духовных стихов на разных исторических этапах их функционирования.

ГЛАВА 2 СИНТАКСИС ЛИРО-ЭПИЧЕСКИХ ДУХОВНЫХ СТИХОВ

1. О некоторых жанрообразующих признаках лиро-эпических духовных стихов. Основные сюжетно-тематические группы

Лиро-эпические духовные стихи занимают промежуточное положение между эпическими и лирическими. С одной стороны, они нацелены на изображение душевной жизни человека, его внутренних помыслов и устремлений, переживаний, чувств; с другой – в них сохраняется некоторая (иногда значительная) роль нарративного, повествовательного, фабульного начала, которое, впрочем, не самоценно, а служит средством для выражения религиозной рефлексии лирического субъекта. Если эпические духовные стихи сочетают ведущее объективированное повествование с подчиненным субъективированным, то лиро-эпические, наоборот, лишь опираясь на эпический нарратив как на традиционную основу, выдвигают субъективированное размышление на доминирующие позиции.

В лиро-эпических духовных стихах изображена качественно иная художественная картина мира по сравнению со стихами эпическими. Для первоначального, самого общего понимания различий между этими внутрижанровыми группами приведем только названия некоторых лиро-эпических сюжетов: «Перед вторым пришествием Христа», «О Страшном суде», «Михаил-архангел – грозный судья» и т. д. Как видно уже из этого списка, взгляд повествователя в лиро-эпических духовных стихах обращен не в прошлое, как в эпических духовных стихах, а в будущее. Основной, ведущей темой лиро-эпических духовных стихов являются размышления о судьбах мира, о его последних днях, о Страшном суде, на котором людей ожидает справедливое воздаяние за их земные дела и поступки. Иными словами, преобладающей становится *эсхатологическая* тематика.

Следовательно, важнейшими свойствами, объединяющими эти тексты, являются их повышенная *рефлексивность* и обусловленная

рефлексивностью *эмоциональность, аффектированность*. Предметом психологического исследования становится преимущественно внутренний мир человека, мир его страстей, эмоций, чувств в их соотношенности с идеалами народно-православной морали. Это, в свою очередь, значит, что оценочность, характерная и для стихов эпических, в стихах лиро-эпических достигает своего предела.

Заметим, что в отдельных группах лиро-эпических духовных стихов возможен взгляд ретроспективный, как в стихах эпических, однако, в отличие от последних, здесь доминантами художественного сознания остаются *рефлексивность и оценочность*. Таковы, например, стихи на сюжет, условно названный «Страсти Господни», который в чем-то пересекается с эпическими сюжетами «Сон Богородицы», «Распятие Христа» и «Богородица у распятия», с той разницей, что в лиро-эпическом стихе «Страсти Господни», во-первых, углублена лирическая составляющая (страдания Богоматери при виде мучений сына), а во-вторых, само событие – распятие – изображается с апокалиптическим масштабом: «Плачьте, рыдайте, солнце и луна! / Плачьте, стоните, месяц со звёздами! / Плачьте, стоните, вдовы и сироты! / Наставник и учитель покинул вас всех» [Селиванов 1991: 75]. Тема покаяния здесь неразрывно связана с мотивом вселенской «радости и веселия», которым не будет конца, если человек «восплачется на всяк день». Поэтому и в стихах этой подгруппы, при всей их внешней ретроспективности, истинной ценностью обладает лишь то, что ожидает человека *в будущем*, «при последних днях».

В отдельную подгруппу можно выделить и стихи, в которых указываются важнейшие этические заповеди и законы (о соблюдении «среды и пятницы», о молитве, о воскресном дне, о почитании родителей и детей, о запрете матерной брани и т. д.). По Г.П. Федотову, в стихах этого типа отражен «моральный кодекс народа», включающий три нравственных закона: теллурический, ритуальный и каритативный [Федотов 1991: 84]¹. Призыв к соблюдению

¹ Теллурический – относящийся к грехам против матери-земли и родовой религии (оскорбление родителей, кровосмешение, детоубийство, ведовство); ритуальный – относящийся к грехам против ритуального закона Церкви (необходимость соблюдения исповеди, причастия, земных поклонов, молитвы, постных дней и т. д.); каритативный – относящийся к грехам против христианского закона любви (связан с понятием о милосердии, милостыне и т. д.).

христианского благочестия может сочетаться с традиционно разработанными картинами Страшного суда, где грешников ожидает наказание, а праведников – вечное райское блаженство. Это стихи на условные сюжеты «О двенадцати пятницах», «Пятница и пустынный», «Свиток Иерусалимский» и др.

Картина мира лиро-эпических духовных стихов, таким образом, окрашена в довольно мрачные тона, хотя и здесь мерцает свет надежды на спасение, которое возможно при полном и безоговорочном отвержении человеком земных ценностей и соблазнов бренного материального бытия.

Важнейшим свойством лиро-эпических стихов является их ярко выраженная, акцентированная *диалогичность* (и связанная с диалогичностью *вокативность* поэтического слова). Диалогичность признается современными исследователями одной из универсалий поэтической речи. Это важная черта лирического рода литературы. В стихах лиро-эпических, в которых лирическое начало достаточно рельефно, диалогичность проявляется в значительной мере.

Итак, рассмотрим эти и другие свойства поэтической структуры лиро-эпических духовных стихов через призму их синтаксического строя.

2. Рефлексивность, оценочность и глубинная диалогичность как важнейшие категории поэтической структуры лиро-эпических духовных стихов. Способы их синтаксической экспликации

Риторика и стилистика этой жанровой разновидности духовных стихов испытали самое сильное влияние церковнославянской книжности. Лексическое наполнение синтаксических схем и моделей, из которых конструируются тексты лиро-эпических духовных стихов, лишь в очень малой степени напоминает о стихах эпических (здесь широко употребительна книжная лексика высокого, торжественного стиля, в том числе абстрактная: *аз, мя, велие, сем, кончина, глады, призреть, светносный, отпущение, изыди, антихрист-враг, дочь, длани* и т. д.). Иной облик имеет и морфология – специфическая, не свойственная фольклорному языку (использование союзов типа *аще, аки*, употребление деепричастий, причастий и причастных синтагм: *радуючи, возвеселючи, плачучи, возрыдаючи, припадаючи, стоя, стояще,*

показавши, неусыпляющие, пасущие на горах, архаичные глагольные формы – *рече, приведе, вотяху, воскормисте, воспоисте, приодесте, прибиши* и т. д.), а также фонетика (не редкость, например, глагольные формы наподобие *отвещает*, палатализованные заднеязычные на стыке корня и флексии в соответствующих падежно-числовых формах – *мнози народи, в человецех, на облаце, пророцы* и т. п.). Активизируются нехарактерные для языка фольклора словообразовательные модели и типы морфем: *попечение, посмешение, беззаконие, знамение, помышление, любодаяние, многогрешные, восстанут, възыщут, возрастёт, воздвигну, воспомилуй, преустрашатся, преужаснутся* и т. д. и т. п. Отдельные лексические, морфологические, фонетические и словообразовательные особенности лиро-эпических духовных стихов исследователями уже отмечались (например, в [Никитина 1981; Никитина 1993 (а)]). Однако специальных, развернутых работ монографического типа по данному направлению пока что нет. В наши задачи не входит описание этих сторон языковой организации жанра, отметим лишь, что перспектива подобной работы представляется несомненно значимой и полезной. Думается, что эта проблема должна найти своих исследователей. В целом же, совсем иное мироощущение лиро-эпических стихов отразилось на всех уровнях их поэтической структуры, в том числе и на синтаксическом. Помимо этого, большее распространение получила письменная форма бытования этой жанровой разновидности, что, безусловно, сказалось и на синтаксисе. В то же время, синтаксис лиро-эпических духовных стихов в своей основе сохраняет важнейшие, жанрообразующие, параметры, к которым относятся:

1) строгое преобладание паратактических структур со значением *перечисления* (однако при значительно усилившейся роли гипотаксиса): «Во пустыни тружданин трудился, / Он трудился – Господу молился, / Не владел ни руками, ни ногами. / Во снях ему Пятница явилась / На самую заутреню Христову, / Лик его свечою осветила, / Лик его крестом благословила: / “Восстани, тружданин мой Божий, / Сходи в народ Божий, потрудися, / Скажи слово Божее, не убойся: / Православные рабы, христиане! / Поймите вы по три дня в неделю, / Вы среды и пятницы поститесь, / Воскресный день Господу молитесь. / Вы друг друга возлюбляйте / И брат братом вы нарекайте; / Матерным словом не бранитесь – / От матерного слова мы погибаем, / Мать Божию мы прогневаем”» [Селиванов 1991: 179].

2) преобладание полных двусоставных предикативных единиц *NI – Vf*: «Ныне Симеона пророчества, / Сбылися во истину глаголы его. / Со страха великого и со ужаси / Скрылися, бежали апостолы вси, / Едину оставили мене плакати. / Кто ми ныне, сыне, поможет в слезах! / Архангел Гаврииле, помози ты мне, – / Радость моя сониде во гроб!» [Селиванов 1991: 75].

3) активное использование синтаксического параллелизма как основного способа текстовой организации: «Уже живот твой, человече, скончается, / А душа с белым телом расстаётся, / А ясныя очи затворяются, / Составы с костями роступаются, / С головою ум прощается, / Лепота лицу помрачается, / Любезные друзья оставляются» [Бессонов. № 480. С. 138]. Здесь роль параллелизма особенно велика: с помощью развернутых, многокомпонентных параллельных конструкций (часто с однородными членами) создается весьма изощренная экспрессия, необходимая в подобного рода стихах – например, при описании грехов, ведущих к наказанию в аду, или мучений, испытываемых грешниками на том свете: «Для чего попов-отцов *не слушались*, / Ко Божьей церкви *не прихаживали*, / Страху Господня *не послушивали*, / Писанию Божию *не веровали*, / Ранняя заутрени *просыпывали*, / Священныя обедни *прогуливали*, / За смирную вечернею *не ставвали*, / Со слезами Богу *не маливались*, / Земных поклонов *не кладывали* / От белого лица до сырой земли?» [Селиванов 1991: 240]; «Пожили вы веки долгие, / Своим душам добра не дельвали, / Не имели вы *ни середы, ни пятницы*, / *Ни того Воскресенья тридневного*, / *Ни тех годовых честных праздников*» [Селиванов 1991: 240]; «А кто эти Пятницы не сохранит / И совокупится с женою, / У того зародится детище / *Либо глупо, либо немо, / Либо еретник, либо клеветник / Либо вор, либо разбойник, / Или всякому злу начальник будет*» [Селиванов 1991: 183]. Так при помощи синтаксических средств выражается определенный нравственно-дидактический пафос, моделируется нравоучительная интонация жанра.

Меньшую роль играют фольклорные повторы: цепной, концентрирующий и позиционный. Здесь сказывается влияние книжного стиля, в котором эти формы текстовой организации необязательны, а зачастую и невозможны. Тем не менее, иногда можно наблюдать и эти текстообразующие модели (хотя их место в данной жанровой

разновидности периферийно): «Повелит Господи *всем ангелам, / Всем ангелам, всем архангелам / Вострубить в трубу небесную, / В небесную, в духовную. / От той от трубы от небесной, / От небесной, от духовной / Услышат святые святители, / Пророцы и мученики; / Восстанут рабы питающие, / Восстанут рабы труждающие, / Восстанут все души праведныя*» [Селиванов 1991: 227] (цепной и позиционный повторы); «Во книгах было *написано, / Написано* и напечатано, / Чем душа спасти, как во рай войти» [Селиванов 1991: 239] (цепной повтор); «*Топерь, рабы, вы расплакались, / Топерь, рабы, вы воспокаялися. / Некогда вам, грешным, душа спасти, / Некогда вам, грешным, во рай войти*» [Селиванов 1991: 239] (позиционный повтор); «Спустится на землю судья праведный Михайло архангел-свет / С полками *он с херувимскими, / С херувимскими* и серафимскими, / Со всею *он* силою небесною / И со трубою *он* златокованною» [Селиванов 1991: 240] (цепной и концентрирующий повторы); «Спорожденны *вы* были от Адама и от Евы / И сосланы на трудную землю / Ради *вы* душевного спасенья, / А не ради великого согрешенья!» [АКНЦ. Кол. 56. № 95] (концентрирующий повтор).

Нехарактерна для лиро-эпических стихов модель межстиховой атрибуции. Не исключено, что она может использоваться в отдельных неизвестных нам вариантах, однако во всем корпусе доступных для исследования текстов данная синтаксическая модель отсутствует. Отдаленное подобие межстиховой атрибуции было выявлено лишь один раз, однако и здесь речь нужно вести, скорее, о фигуре обращения, выраженной субстантивированным прилагательным, а не об определении к субстантиву в предыдущем стихе: «*Поди, раб божий, по народу, / Поди, скажи, трудный, всему миру, / Чтобы в среду-пятницу постились, / Воскресный день Господу молились*» [АКНЦ. Кол. 6. № 124].

Все эти способы, модели и структуры, сохраняющие значение и статус синтаксических формул, в лиро-эпических стихах наполняются несколько иным содержанием и звучанием, чем в эпических стихах, поскольку призваны выразить новые идеи и чувства, нехарактерные для стихов эпических, новые смысловые доминанты жанра. К важнейшей из таких доминант относится, как мы уже заметили, *рефлексивность*. Она непосредственно связана с *субъективностью*: стихи о Страшном суде – это взгляд на историю «последних

дней» не со стороны объективного имплицитного повествователя – носителя сугубо нарративной функции, в ведении которого находится представление содержательно-фактуальной стороны художественной информации [Артеменко 1998], а со стороны лирического «я», то есть со стороны чувствующего субъекта сознания, включенного при этом в процесс лирического переживания. Не случайно «я» лиро-эпических стихов – это чаще всего «мы»: лирический субъект мыслит себя одновременно и объектом, поскольку неразрывно связан с художественным хронотопом и образной системой, является их неотъемлемой частью. Эта включенность выражается либо непосредственно при помощи местоимения «мы» в двусоставных структурах со сказуемым в форме 1-го лица мн. числа, местоимений «нас», «наше», «нам» (так называемые «мы»-формы [Прохватилова 1999: 247–249]), либо при помощи существительного «человек», употребляемого как обобщающая синекдоха, либо при помощи синтетических императивных глагольных форм 1-го лица мн. числа (форм совместного действия). Приведем примеры: «Молением *мы* от смерти *не отмолимся*, / Слезами от смерти *не отплачемся*, / Казною *мы* от смерти *не откупимся*» [Селиванов 1991: 223]; «Не *нас* ради грешных мука сотворена, / Сотворена мука ради сатаны и ради дьявола» [Селиванов 1991: 223]; «Лицё *наше* палит рекой огненной, / Ещё страшней и реки огненной, – / Приближается *к нам* мука вечная» [Селиванов 1991: 226]; «Еще знал бы *человек* житие веку себе, / Своей бы силой поработал, / Равное свое житье-бытье бы пораздавал / На нищую братию на убогую» [Селиванов 1991: 237]; «*Воззрим* на образ Создателя, / *Прольём мы* слёзы горячия, / Перед Богом стоя *мы*, перед Создателем» [Селиванов 1991: 224].

По наблюдению О.А. Прохватиловой, исследовавшей состав и функции «мы»-форм в православной проповеди, распространенность этих форм в духовной речи связана с идеей *соборности* («слияния сущностей», «основанного на их общей и единокорной любви ко Христу и Божественной праведности») – основной идеей православия [Прохватилова 1999: 249]. «Семантика «мы»-форм, исключая выражение иерархичности отношений участников совместного действия, – пишет О.А. Прохватилова, – манифестирует симметричность позиций субъекта речи и ее адресата в литургическом слове священника» [Прохватилова 1999: 249].

Рефлексия чувствующего и познающего субъекта находит выражение в целом ряде разноуровневых формульных синтаксических структур и в общих принципах организации лиро-эпического текста.

Прежде всего, текст лиро-эпического духовного стиха можно определить как *диалогизированный монолог*. Диалогизация монологического дискурса неоднородна, она проявляется в трех основных разновидностях [Петров 2012]:

1) диалогизация **первого** типа (диалоги между персонажами действия, включение диалогических сегментов в повествовательную канву): «Ко грешным всим рецет Господь: / “Идите вы, проклятии, / Во огонь вечною, бесконечною, / На вечною мучению!”» [АКНЦ. Кол. 27. № 186].

2) диалогизация **второго** типа (уровень субъектно-объектных отношений, обращение лирического субъекта к сакральным сущностям и к человечеству, как в молитве и проповеди): «*Пречудная Царица Богородица!* / Услыши молитвы грешных раб своих, / Призри наши слёзы горячия, / Не лиши нас царства небесного, / Избави нас от муки превечной!» [Селиванов 1991: 223]; «Со страхом мы, *братие*, послушаем / Божия писания, Господних страстей» [Селиванов 1991: 74].

3) диалогизация **третьего** типа (риторические обращения к явлениям природы): «Плачьте, рыдайте, *солнце и луна!* / Плачьте, стоните, *месяц со звёздами!* / Плачьте, стоните, вдовы и сироты! / Наставник и учитель покинул вас всех» [Селиванов 1991: 75].

В каждом из этих случаев реализуется новая, нетождественная предыдущей, функция диалога. Рассмотрим все эти случаи более внимательно.

2.1 Первый тип диалогизации

Данный тип диалогизации эксплицирует не столько лирическую, сколько драматическую составляющую жанра; он наиболее распространен в эпических формах фольклора. Соответственно, данный тип диалогизации можно условно назвать *драматическим*. В лиро-эпических стихах с помощью intersubjectных диалогов выражается бинарная семиотическая оппозиция *грех – праведность*: «И обратится Господи *на десную сторону*, / И проречет им Господи:

/ “Аминь, аминь, глаголю вам: / Подите, мои труждающие, / Подите, мои питающие, / Подите, друзи, сестры и братие! / За ваше великое милосердие, / За ваше премное моление / Готово вам есть царство небесное”» [Селиванов 1991: 228]; «И обратится Господи *на ошую сторону*, / К человекам многогрешным, погибающим: / “Аминь, аминь, глаголю вам: / Отъидите от меня прочь, проклятые, / Отъидите во огонь вечный”» [Селиванов 1991: 228–229].

Речевая партия Судии представлена рядом типичных для диалогической формы синтаксических структур: на монопредикативном уровне это прежде всего односоставные и двусоставные конструкции императивной модальности, выражающие волю Бога. Например: «Тогда рецёт Цяръ Страшной / Ко грешным, беззаконникам: / “Вам несть ныне прощения, / Великого милосердия, / Несть вам ныне пущения, / Грехам вашим прощения. / Умилённого моления / Не слышу аз от уст ваших; / *Идите вы*, проклятыи, / Во огонь вещьный со дьяволом!”. / Рецёт Господь ко праведным: / “*Идите* в радость вещьную, / Со аньёлы, арханьёлы, / *Наследуйте* жись вещьную, / В вещьное веселиё, / Во Цярствии Небесное!”» [АКНЦ. Кол. 27. № 186].

Описание ада и адских мук осуществляется при помощи эллиптических структур, обычно характерных для разговорной речи, в том числе диалогической: «Там вам плач и скрежет зубный, / Червь лютый и душегубный, / Там вам пропасть пекелная, / Беда и мука вечная!» [Бессонов. № 441. С. 66].

В некоторых редких случаях в речь Судии (Бога или архангела Михаила) вкраплены фразеологизированные синтаксические конструкции, типичные для разговорно-бытового диалога: «*Как же вас не отсылати?* / Вы воли Господней не творили, / За крест, за молитву не стояли, / Закон Мой Господний проступили» [Бессонов. № 452. С. 81].

Характерным признаком диалогизации текста являются вопрошительные предикативные центры: «*Чего вы Богу не молились, / Христовой веры не творили, / За крест, за молитву не стояли, / Заутреню, обедню просыпали?*» [Бессонов. № 457. С. 88].

Адресный (диалогический) характер всех процитированных фрагментов определяется, конечно же, не столько разговорным или фразеологизированным типом синтаксических конструкций (которые возможны, разумеется, и в любых монологах), сколько

прежде всего эксплицированными лексико-морфологическими средствами: в первую очередь это использование местоимения *вы* (*вас, вам*) в позиции подлежащего или дополнения. Также к важнейшим свойствам диалогической речи следует отнести вопросительный характер части описанных синтаксических структур. Вопрос – это «сильный» признак диалога [Ковтунова 1986: 61].

На полипредикативном уровне синтаксические единицы, как правило, объединены в параллельные ряды и связаны паратактической связью (этим они принципиально не отличаются от монологических форм текста): «Я Сам Христос от Девы родился, / Три дня был на распятии, / Все ради вашего согрешения, / Ради вашего беззакония: / И тут же вы не спостились / И Богу не молились, / Закон Мой Господний не поимели, / Закон Мой Божий проступили!» [Бессонов. № 452. С. 81]. Как видно из примера, и в диалогическом дискурсе обычны конструктивно полные предикативные единицы, что, безусловно, связано, во-первых, с музыкально-стихотворным, нормированным характером текста (далеко не тождественного бытовой речи); во-вторых, с воздействием книжно-письменного языка, с его стилистически возвышенными формами и категориями, особенно в тексте сакрального содержания. Следовательно, возможны и нетипичные для диалога гипотактические структуры: «*Когда* вы жили на вольном свету, / *Тогда* вы меня, гладного, воскормите, / Жаждущего воспоите, / *Тогда* вы меня нагого приодесте» [Селиванов 1991: 228]; «*Тогда* вы, грешные, / *Когда* жили на свету, / Вы меня, гладного, не накормите, / Жаждуща не напоите, / Вы меня, нагого, не одесте» [Селиванов 1991: 229]. Пассажи с подобной усложненной синтаксической перспективой обычно не свойственны языку фольклора. Здесь очевидно влияние книжной стихии. Книжное воздействие прослеживается не только на синтаксическом уровне, но и на уровне морфологии и фонетики (старославянизмы типа *гладного, жаждуща* или архаизированные формы глаголов *напоите, одесте* и т. п., чуждые живой народной речи).

Если же говорить о компонентах, осложняющих предикативный центр, то в диалогическом тексте большая роль отводится, безусловно, вокативам. Они выполняют функцию квалификации собеседника, т. е. оценочную функцию. Так, грешных людей Христос (часто

также архангел Михаил) называет «злыми», «окаянными», «проклятыми», «грешниками», «беззаконными», «душами грешными»; праведных – «душами спасенными», «возлюбленными», «христоролюбимцами», «христоролюбцами», «рабами крещеными», «душами верными», «душами праведными», «милыми людьми», «любимыми детьми», «любимыми», «труждающими», «питающими», «сестрами», «братьями», «друзьями». Как видно из этого списка, характеристика «грешных душ» представляет собой набор довольно-таки однотипных штампов. Более разнообразны вокативы – наименования праведников. Их семантическим ядром является идея *Жизни. Любимые, спасенные* (т. е. спасенные от смерти), *питающие, дети, братья* и т. д. – все это семантические варианты одной ведущей христианской идеи – идеи *Вечной Жизни во Христе*. В то же время лиро-эпические духовные стихи дают нам отдельные примеры достаточно тонкой психологизации. Такими примерами являются характеристики грешников с помощью обращений типа «душечки», «грешные душеньки», которые вносят качественно новую, свежую струю в строго консервативный, выдержанный в пределах традиции и фольклорной нормы, с ее жесткими предписаниями и регламентациями, текст. Эти вокативы выражают, при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов, христианскую идею *сострадания*. Например (архангелы отвечают на просьбу грешников отвезти их в рай): «Отвечаё Михайло со Гавриилом: / «Ишша, души вы, души да души грешные таки, / Ишша нам ведь вас да нам не велено везти, / Нам не велено везти да не приказано нам. / Ишша жили вы, *душечки*, на вольнем на свету, / Вы не знали вы ни среды, ни пятницы, / Да ни светлого Христова да воскресенья» [Селиванов 1991: 243]. Здесь же следует обратить внимание на семантику безличных форм (причастных предикативов *не велено, не приказано*), с помощью которых передается сострадание архангелов грешникам: Михаил и Гавриил хотели бы помочь людям, но вынуждены, *помимо своей воли*, наказать грешных и отправить их на вечную муку. Именно поэтому они, словно желая оправдать свои действия, ссылаются, как на безусловный авторитет, на высшую небесную инстанцию. О сострадании как одном из важнейших поэтических свойств русских духовных стихов писал Г.П. Федотов: «Русский певец не смеет возражать против справедливости. Он повторяет божественный приговор. Но ясно, что сердце

его трепещет состраданием к осужденным. Он с ними в последние часы суда, переживая их безысходные муки. Их роль в мистерии суда гораздо значительнее краткой реплики святых; она развивается в потрясающую драму, в отчаянную борьбу с божественным правосудием. И в этой борьбе певец устраняет из роли грешников все то, что могло бы выставить их в черном свете, вооружить против них слушателя. В стихах отсутствуют совершенно грешники закоренелые, богоборцы, вольно избравшие свой погибельный путь. Многие из них являются жертвой неведения» [Федотов 1991: 111].

Речь Судии адресована грешным и праведным людям. Их реплики неоднородны по синтаксической структуре. Речь праведников – это обычно лаконичная просьба в форме односоставной или двусоставной общепросительной предикативной единицы: «Величают они Михайла архангела: / “Не возможно ли, батюшка / Михайло архангел, помиловать?”» [Селиванов 1991: 241]; «Ох ты матушка, Владычица, / Дева Мария Богородица! / Ты велишь нам, матушка, в рай взойти, / Нам в рай взойти, во царство небесное?» [Бессонов. № 486. С. 159–160].

В некоторых вариантах праведники обращаются к своим родителям и благодарят их: «Хвалу несут дети отцу-матери: / “Спасибо тебе, батюшка со матушкой! / Умели нас вспоить-вскормить, / Умели на добрыя дела научить, / Призрили нам царство небесное – рай”» [Селиванов 1991: 238].

Не то речевой план грешников. Можно утверждать, что эпицентр рефлексии – именно в душе осужденных и в их словах, обращенных к Судии. Разнообразию испытываемых грешниками противоречивых чувств соответствует разнообразие экспрессивных синтаксических схем, по которым строится их речь. Таковы, например, двусоставные и односоставные предикативные модели со значением побуждения, используемые для реализации мотива обращения к высшим силам: «*Прости ты нас во всех грехах!*» [АКНЦ. Кол. 27. № 186]; «*Прости ты нас, Небесный царь, / Владыко, Царь Небесный, / Прости ты нас во всех грехах!*» [АКНЦ. Кол. 27. № 186]; «*О всепетая Госпожа, / Владычица Богородица! / Помолись о нас, многогрешных, / Своему Сыну, Христу Богу небесному*» [Селиванов 1991: 229].

Душевное состояние отчаяния и запоздалого раскаяния передается при помощи оптативных конструкций: «Уж и лучше *бы* отец не засеял, / Уж и лучше *бы* мать меня не родила, / Сорока *бы* недель в утробы не носила, / На родимом *бы* мести да *ростоптала*, / На белой-от свет *бы* не *пустила!*» [Селиванов 1991: 242].

Чувство безысходности выражено с помощью односоставных безличных структур, а также инфинитивных со значением неизбежности и предопределенности: «Нам *несть* ныне ни *милости* / От всех Творця, Создателя» [АКНЦ. Кол. 27. № 186]; «Приближается к нам мука вечная, / *Мучиться* в муке нам *несть* конца!» [Селиванов 1991: 226].

Для выражения раскаяния грешников используются также экспрессивные структуры, оформленные междометиями «Горе!», «О!», «Увы!», «Авы, авы!». Например: «*Горе, горе*, суд нам будет!» [АКНЦ. Кол. 15. № 356]; «*О!* Коль мы многогрешны, / Всёму миру прелесныи; / *О!* Коль мы окаянныи, / Всим грехам повинныи, / Во всех грехах мы Тебе каемся» [АКНЦ. Кол. 27. № 186]; «*Увы*, Ты Господи наш милосердный, / Прости нас, Господи, грешных!» [Селиванов 1991: 231]; «*Авы, авы*, Царь небесный! / За что прочь нас отсылаешь / От Своего небесного царства?» [Бессонов. № 451. С. 80].

Попытки осмыслить наказание, понять его причины выражены в двусоставных и односоставных частновопросительных структурах: «Ой же ты, Михайло архангел, / *А почто ты* нас в рай не *спускаешь*, / Райских дверей не *отворяешь* / И царства небесного *лишаешь?*» [АКНЦ. Кол. 56. № 95]; «*Что* нас *измёт* от вецьных мук? / И *кто* же нас *помилует?* / К кому ныне прибегнём, / *Мы* кому *печаль поведает*, / Кроме Тебя, Создатель наш?!» [АКНЦ. Кол. 27. № 186]; «Господи, Царь небесный! / Чего ради прочь нас *отсылаешь*, / От царства от небеснаго *отрешаешь?*» [Бессонов. № 448. С. 76].

В некоторых случаях вопрос носит риторический характер: «*Зачем мы* на том свету *родилися?* / *Зачем* *сызмалёшенька мы* не *померли?* / На роду нас родная мать *зачем* не *ростоптала?*» [Селиванов 1991: 239].

В сердцах грешников живет напрасная надежда на прощение: «Ох ты матушка, Владычица, / Дева Мария, Богородица! / *Не мож-но ли* нас *простить* грешных?» [Бессонов. № 486. С. 160].

Диалогический характер процитированных сообщений, помимо их вопросительной интонации, обусловлен высокой частотностью и прагматической востребованностью осложняющих вокативных структур. Для номинации сакрального Адресата и в речи праведников, и в речи грешников используются формульные риторические обращения типа «Царь Небесный», «Господи», «Создатель», «Владычица» и т. п. Под воздействием народно-православных представлений активизируются вокативы «матушка» (по отношению к Богородице) и «батюшка» (по отношению к архангелу Михаилу).

Лишь в одном отношении праведные и грешные ничем не отличаются друг от друга: согласно традиционным эсхатологическим представлениям, все воскресшие в Судный день мертвецы восстают из гробов «в одном возрасте» и «на один лик»: «Ангели в трубы затрубят / И мёртвых от гробов взбудят: / Тогда мертвы восстанут / *И все в един возраст станут*» [Бессонов. № 441. С. 66]; «Мёртвые от гроба восстанут, / *Во един лик все будут*» [Бессонов. № 452. С. 81].

Возрастная неопределенность объясняется тем, что в конце земного, поддающегося исчислению времени, перед лицом архангелов и Христа все представления о времени и, соответственно, о возрасте растворяются в абсолютной вечности. По данным Н.А. Криничной, «мотив воскресения всех людей в одном возрасте сформировался под влиянием таких источников, как «Вопросы Иоанна Богослова Аврааму о праведных душах», «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской», «Житие Василия Нового», русская редакция «Откровений Мефодия Патарского», а также церковные песнопения» [Криничная 2004: 988]. В то же время исследовательница замечает, что истоки сакрализации условного (по некоторым материалам – тридцатилетнего) возраста «обнаруживаются еще в фольклорно-мифологической традиции» [Криничная 2004: 988].

Рефлексивность в лиро-эпических духовных стихах выражается также через поэтическую категорию *художественного времени*: она эксплицируется при помощи грамматической оппозиции глагольных форм, образующих модель *прошлое – настоящее*. Настоящее – это события Страшного суда, и они предопределены тем, какой путь был избран человеком в его прошлом, земном бытии. По образному определению Н.А. Криничной, «земная жизнь человека преподносится как время сеяния, потусторонняя же – только как жатва»

[Криничная 2004: 957]: «Как по праву руку-ту идут праведны,
/ Уж как праведны идут – *веселятся*, / *Херувимския стихи* да *воспевают*, / За отцей, за матерей да *Бога молят*» [Селиванов 1991: 242]; «Уж как грешны идут – *слёзно плачут*, / Перед собой оне *пути* ведь не *видят*, / Отцей, матерей *проклинают*» [Селиванов 1991: 242]. Ср. с глагольными формами прошедшего времени при описании событий земного бытия: «А как *жили* мы, грешницы, на вольном свету, / И *пили* мы, *ели*, *оутешалися*. / Телесем своим всегда мы *оужоуждали*, / На свою душу грехов много *накладывали*, добра не *делали*. / Не *имели* мы не *середы* ни *пятницы*, / Ни *тридневнаго Христова воскресения*, / Ни *святых Его великих праздников*. / Ко *святим Божиим церквам* не *прихаживали*, / И *святых книг Божиих* не *слушали*, / И по *писаннаму* в них мы не *делали*, / И *великаго поста* мы не *гавливали*, / И *земных мы поклонов* не *кладывали*, / За *тяжния грехи* своя не *плакивали*, / И от *поту лица* мы *Богу* не *маливалися*, / И *болнаго причастия* не *примывали*, / И к *нищим* мы *были немилостивы*, / И *тем* мы *Бога прогневали*» [Поздеева 2007: 83].

В.А. Бахтина, попытавшаяся на материале эпических духовных стихов выявить особенности пространственно-временной организации жанра, заметила, что для духовного стиха «важна не историческая отдаленность или близость события, а то, что оно дало для настоящего, каким эхом отозвалось для времен нынешних и грядущих» [Бахтина 1997: 80]. Это наблюдение оказывается верным и для лиро-эпических стихов эсхатологической тематики.

На особенностях разработки в стихах о Страшном суде темы сакральной истории сказалась христианская концепция *линейного* времени, противопоставленная архаичному языческому представлению о *цикличности* мирового хроноса. «В рамках христианского мировоззрения, – пишет А.Я. Гуревич, – оказывается возможным создание философии истории и понимание времени как необратимой исторической последовательности» [Гуревич 1984: 123]. «Учение о круговом времени – «ложное» и чуждое христианской вере, ибо оно отрицает единственное появление Сына Божия и делает невозможным конечное спасение человека» [Гуревич 1984: 123]. «Открытая христианством связь времен придавала истории телеологический, финалистский смысл. Настоящее в этом плане не приобретало самостоятельного значения: включаясь во всемирно-историче-

скую драму, оно вместе с тем как бы и обесценивалось ожиданием близящегося Страшного суда и окрашивалось сложным комплексом чувств надежды на искупление и боязни расплаты за грехи. Тем самым осознание времени приобретало небывалую до того напряженность и делалось предметом внутреннего переживания каждого христианина» [Гуревич 1984: 158]. Очевидно, что *акцентированная рефлексия* и *аффектированность* как черты лиро-эпических духовных стихов во многом обусловлены именно этими, унаследованными от средневековых представлений, особенностями восприятия времени – от его начала (время первотворения) до «скончания веков» (апокалиптические и эсхатологические мотивы).

Помимо грамматической категории глагольного времени, в воссоздании аксиологически окрашенной и внутренне переживаемой картины последней драмы большую роль играет также категория *наклонения*. Ср. (обращения к грешникам и праведникам с варьированием изъявительного и повелительного наклонений глаголов): «Босого меня *не обували*, / Нагого меня *не одевали*, / От тёмных ночи *не предохраняли*, – / **Подъте** вы в пропасти землянья» [Селиванов 1991: 231]; «Ах вы, мои любимые дети! / Жили вы на вольном-то свете, / Жили, мою волю *творили*, / Самого Господа Бога *любили*, / Божье читанье *предлагали*, / Из квашни спорыньи *не доставали*, / От коровушки удоя *не отымали*, – / Ко Господу Богу **приходите**» [Селиванов 1991: 232].

Таким образом, настоящее и будущее осмысляются как закономерное следствие прошлого, как чаемый момент обретения высшей справедливости, возможной исключительно за гранью земного бытия. Страшный суд в народно-православной концепции мировой истории – это единственная образцовая мера вещей и поступков, единственный справедливый и непротиворечивый этический эталон.

2.2 Второй тип диалогизации. Инициальные и финальные формумы

Напомним, что под этим типом подразумевается уровень субъектно-объектных отношений при обращении лирического субъекта к сакральным сущностям и к человечеству. Данная диалогизация может быть названа *лирической*, поскольку она отражает взаимодействие конкретных (единичных или множественных) адресатов с художественным сознанием самого лирического «я» (адресанта)

и не преследует цели драматизации нарратива. В этом случае текст лиро-эпического духовного стиха может приобретать коммуникативные признаки *молитвы и проповеди*. По О.А. Прохватиловой, «молитва реализуется в особом виде общения», получившем название *гиперкоммуникация* [Прохватилова 1999: 85]. Гиперкоммуникация – это «сущностный признак молитвы», предполагающий наличие особого – сакрального – Адресата. В лиро-эпических духовных стихах таким Адресатом может быть Христос или Богородица. Обычная позиция синтагм, выражающих данный тип коммуникации, – это позиция инициальная и финальная. Инициальные и финальные формулы-синтагмы в тех текстах лиро-эпических духовных стихов, в которых реализован второй тип диалогичности, имеют весьма типичное построение, коренным образом отличающееся от построения инициальных и финальных формул эпических духовных стихов. Рассмотрим эти формулы.

Инициальная позиция представляет собой синтаксическое единство, открываемое распространенным оценочным обращением – актуальной структурой лиро-эпических стихов. Молитвословная интонация может поддерживаться и лексическими средствами: так, в одном из вариантов лирической субъект прямо называет свое обращение молитвой. Например: «*Пречудная Царица Богородица! / Услыши молитвы грешных раб своих, / Призри наши слёзы горячия, / Не лиши нас царства небесного, / Избави нас от муки превечной!*» [Селиванов 1991: 223].

Особый тип коммуникации – гиперкоммуникация – непосредственно связан с *глубинной диалогичностью* молитвы и, более того, прямо обуславливает эту диалогичность, обладающую определенной номенклатурой формальных признаков [Прохватилова 1999: 105]. Диалогичность как речемыслительная категория проявляется в актуализации модусной «ты-сферы» [Прохватилова 1999: 110]. В свою очередь, «ты-сфера» манифестируется набором определенных синтаксических структур и категорий [Прохватилова 1999: 112]. Среди них, помимо вокативов, следует выделить односоставные определенно-личные предикативные единицы с главным членом – глаголом в форме 2-го лица ед. числа повелительного наклонения (*услыши, призри, не лиши, избави* и т. д.). Глаголы, входящие в перечислительный бессоюзный ряд, выполняют впол-

не конкретную поэтическую функцию: они эксплицируют мотив *просьбы* к сакральному Адресату. Как мы видим, глаголы повелительного наклонения в односоставных определенно-личных предикативных центрах обычно употребляются в совершенном виде. Такое употребление решает, в числе прочего, и стилистические задачи: формы совершенного вида, как правило, выражают волеизъявление или просьбу более мягко [Немешайлова 1963: 263].

Сходное строение имеют и *финальные формулы*, обладающие коммуникативными признаками молитвословия: «Того нас, *Христе, сохрани* / И до тех мук *не отрини!*» [Бессонов. № 443. С. 70]; «Но нас от сего *сохрани*, / наших грехов *не помяни*, / Милость свою к нам *ниспосли*, / В муку вечную *не посли!* / *Даждь* нам глас благословенный, / Иже от Девы рожденный! / Ты нас ради *воплотился* / И на кресте *пригвоздился*, / *Да* нас *спасеши* всех грешных / От лютых мук бесконечных: / *Не отверзи* нас от Себя, / Иже присно сый в небе!» [Бессонов. № 445. С. 73].

Как видно из приведенных примеров, форма повелительного наклонения в околофольклорных духовных стихах, подвергшихся влиянию книжного стиля (как в последнем примере с парной межстиховой рифмовкой), может образовываться и с помощью архаичной частицы *да*, выступающей совместно с глаголом в форме 2-го л. ед. ч. (*Да спасеши*). Помимо этого, к просьбе и «умолению», органичным для молитвы, прибавляется характеризующее описание Адресата, перечисляющее Его святые деяния и выраженное формами глаголов в изъявительном наклонении (*воплотился, пригвоздился*).

Также в финальной формуле может быть отражен мотив пения славы: «Тебе *честь, поклонение, / Хвала* во веки и *пение!*» [Бессонов. № 443. С. 70].

Каноническое «запечатывающее» слово молитвенного дискурса, а вместе с ним и всего лиро-эпического текста – это слово *Аминь*.

Однако сакральный Адресат – не единственный адресат, к которому лирический субъект обращается с духовной речью. В некоторых случаях направление коммуникации меняется на противоположное: говорящий вступает в диалог с мирянами. Поэтому тональность лиро-эпических духовных стихов приближается зачастую к тональности *проповеди*. Диалогу-проповеди с человечеством непосредственно предшествует молитвенное слово начального

композиционного сегмента стиха. Инициальная молитва сообщает речи проповедника (или пророка) божественную санкцию; благодаря молитве лирический субъект получает и вдохновение свыше, и нравственное право призыва паствы к последнему покаянию. По наблюдению О.А. Прохватиловой, в интродуктивной молитве находит выражение такой существенный семантический признак проповеди, как *глубинная диалогичность*. «Глубинная диалогичность, – пишет О.А. Прохватилова, – является отражением в православном сознании отношений между Богом и человеком, миром небесным и земным, духовным и материальным. Вместе с тем она актуализирует один из важнейших коммуникативных признаков проповеди – ее боговдохновенность как воплощение в Слове Божественной Истины» [Прохватилова 1999: 285].

В некоторых случаях божественная санкция выражена еще более определенно: «Во снях ему Пятница явилась / На самую заутреню Христову, / Лик его свечою осветила, / Лик его крестом благословила: / “*Восстани, тружданин мой Божий, / Сходи в народ Божий, потрудися, / Скажи слово Божие, не убойся*”» [Селиванов 1991: 179].

Для проповеди как для типа (жанра) духовной речи характерно совмещение сразу нескольких видов коммуникации [Прохватилова 1999: 231], выражаемых средствами разных уровней языка, в том числе морфологического и синтаксического. Первый вид – коммуникация коллективная (свойственна публичной речи, обращенной ко множественному коллективному адресату), второй – личная (обусловлена соборностью проповеди: духовное единство «не отменяет суверенности и автономности личности каждого из множества людей, входящих в церковное братство» [Прохватилова 1999: 233–234]), третий – гиперкоммуникация (обусловлена боговдохновенностью проповеди и, следовательно, особым статусом ее Адресата). Рассмотрим способы синтаксического выражения этих видов коммуникации в лиро-эпических духовных стихах подробнее.

Актуальной синтаксической структурой, эксплицирующей коллективную коммуникацию, является, прежде всего, *вокатив*: «Пора же вам, *человече*, покаяться, / На истинную путь возвратиться, / Призвать к себе отца духовного, / Дать отпущение своим злым грехам / И все свои тайны дела исповедовати» [Селиванов 1991: 224].

Часто вокативность слова проповедника актуализирована уже в инициальном сегменте текста: «Приидите, *людие*, послушайте писание Божие, / Поучение Климента, папы римского» [Селиванов 1991: 180].

Вокатив – это синтаксическое звено, связующее позицию проповедника и позицию множественного адресата. В отличие от сакрального Адресата молитвы, в проповеднических структурно-семантических регистрах лиро-эпических стихов в качестве единственного важнейшего реципиента духовной информации на передний план выдвигается *человек*. Фигура повествователя, таким образом, располагается в центре двусторонней художественной коммуникации (Бог ↔ человек) и принимает на себя функцию посредника, помогающего осуществить диалог между горним (трансцендентным) и дольным мирами. «В проповеди, – пишет О.А. Прохватилова, – приходят в соприкосновение Творец, открывающий себя в СЛОВЕ, и человек, этому СЛОВУ внимающий. Это обстоятельство позволяет нам, вслед за Л.В. Левшун, говорить о проповеди как одной из форм харизмы, посылаемой человечеству, что делает ее посредницей между Богом и людьми: Божественный императив преобразуется в проповеди в понятия, доступные человеку и наоборот, категории человеческого мышления согласуются с Богооткровенной истиной» [Прохватилова 1999: 142].

По наблюдению О.А. Прохватиловой, в православной проповеди отношения между говорящим (проповедником) и слушающими (паствой) могут сочетать признаки симметричности (равноправности) и асимметричности (иерархии). «Иерархия, или асимметрия отношений “говорящий – слушающий”, основывается на восприятии слушателями произносящего проповедь пастыря как духовного отца, наставника, на признании его авторитета. Симметричные отношения между верующими и священнослужителем в процессе проповедания являются отражением соборности богослужения и проповеди как ее составляющей, равенства членов церковной общины, церковного братства» [Прохватилова 1999: 247].

В изученных нами текстах духовных стихов симметрия отношений повествователя и слушателя выражается не только при помощи вокативов (*людие*, *человече* и др.), но и при помощи обособленных прилагательных, указывающих на признак местоимения-

субстантива, которое, в свою очередь, эксплицирует идею включенности проповедника в соборную общность раскаивающихся в своих прегрешениях людей (так называемые «мы-формы»): «Нельзя *нам, грешным*, / От своих злых дел / Отперетися будет, / Ни с памятью нам, ни без памяти» [Селиванов 1991: 224].

Сопричастность пастыря вселенской общине зачастую выражается именно при помощи «мы-форм». К числу этих форм следует отнести как личные местоимения (*мы, нас, нам* и др.), так и личные глаголы с семантикой совместного действия, функционирующие в *волюнтивном* коммуникативном регистре: «Век *ваш*, человеце, скончается, / Страшен суд *к нам* готовится» [Селиванов 1991: 224]; «*Воззрим* на образ Создателя, / *Прольём мы* слёзы горячия, / Перед Богом *стоя мы*, перед Создателем» [Селиванов 1991: 224].

Наблюдаемое в первом примере чередование в смежных стихах местоимений *ваш* и *нам*, очевидно, указывает на нечеткую отграниченность позиции адресанта духовной коммуникации от позиции адресата, на их соборную «слиянность».

По-иному в лиро-эпических духовных стихах выражаются *асимметричные отношения*. Во-первых, эти отношения эксплицируются при помощи обращений типа «чады», указывающих на более высокое место пастыря в духовно-нравственной иерархии мироздания; во-вторых, асимметрия отношений «адресант – адресат» маркируется посредством глагольных форм повелительного наклонения, позволяющих «уточнить позицию субъекта речи как активную, доминирующую» [Прохватилова 1999: 249–250]. Например: «*Чады вы мои!* / *Поимейте* вы три дни в неделю – / Среду и пятницу, воскресение Христово» [Селиванов 1991: 176].

На уровне осложненной предикативной единицы в речи проповедника одним из важнейших экспрессивных средств выражения коллективной и личной коммуникации являются ряды однородных членов: «*Чады вы мои!* / *Поимейте* вы Паску Господню, / Светлое Христово воскресение, / Восемь дён за единый день, / *Ни блудом и ни пьянством*, / *Ни обжорством, ни просыпанием*» [Селиванов 1991: 178].

Распространен также параллелизм однородных сказуемых (часто это глаголы в форме повелительного наклонения), с помощью которых каталогизируются нравственные правила, установленные Богом для человека: «Православные рабы, христиане! / Поймите вы по три

дня в неделю, / *Вы* среды и пятницы *поститесь*, / Воскресный день Господу *молитесь*. / Вы друг друга возлюбляйте / И брат братом *вы нарекайте*; / Матерным словом *не бранитесь*» [Селиванов 1991: 179].

Коллективная и личная коммуникация выражаются также с помощью структур моно- и полипредикативного уровней, образующих симметричные параллельные ряды. К наиболее эмоционально нагруженным, оценочным, рефлексивным относятся риторические восклицания, построенные по типу фразеологизированных нечленимых предикативных единиц (*горе!*), и инфинитивные предикативные единицы, реализующие семантику неизбежности, неотвратимости грядущих событий. Приведем примеры: «*Горе нам, человекам, умереть без покаяния!*» [Селиванов 1991: 225]; «Сего же человек не рассудит себе: / Жить на сем свете – *умереть будет*, / Великому богатству / На земле *будет остаться*» [Селиванов 1991: 223].

Чувство преодоления смерти и обретения вечной Жизни выражается при помощи двусоставных предикативных единиц, связанных в параллельные симметричные ряды в рамках лирических вставок-блоков. По тональности они близки к «хайретизмам» [Рожкова 2005: 12]: «Со всякими ликуютя: *Воскресе Христос!* / Ангели радуются: *Воскресе Христос!* / Рай разверзается: *Воскресе Христос!* / Мертвые восстанут: *Воскресе Христос!* / Ад порушался: *Воскресе Христос!*» [Селиванов 1991: 178].

Проповедническая интонация находит выражение и на полипредикативном уровне. Излюбленной структурой здесь, как и в некоторых эпических стихах (например, «Сон Богородицы»), является полипредикативная единица нерасчлененного типа с неопределенно-обобщенным условным значением: «Чады вы мои! / Есть Свиток, Ерусалимский список: / *Хто* ж яго возлюбить, / И переиметь, и спишетъ, / Станет яго в дому прочитати, / Всегда яго прославляти, / Станет яго толком толковать – / *От такого* человека / Отодут духи нечистыя – / Наследник к небесному царствию» [Селиванов 1991: 179].

Стих «О двенадцати пятницах» основан на этой же синтаксической модели: «*Кто* станет той Пятнице постится / Святым постом и молитвою, / *Тот* человек избавлен будет от плотской похоти / И дьявольского искушения сохранён будет, / Помилован будет от Бога» [Селиванов 1991: 180–181].

Важнейшим компонентом плана содержания лиро-эпических духовных стихов является семантическая параллель между Богом и человеком, известная также и жанрам древнерусской книжности: достижение святости возможно лишь при условии повторения подвига Христа, при условии достижения тождества (или хотя бы подобия) личности человека и божественной сущности. Наиболее логичной и, следовательно, наиболее востребованной для экспликации этого мотива является полипредикативная структура *со значением сравнения*. Например (Христос обращается к мирянам): «Чады вы мои! / Поимейте вы мою страшную неделю: / Как я, Господи, воскорбил своею душой / От смертного часу до Христова воскресения, / *Такожды* и вы попоститесь / Верую и любовью, / Кротостям и смирением, / Своими благими делами» [Селиванов 1991: 177].

В некоторых случаях сравнительные полипредикативные структуры используются и для реализации иной поэтической функции – функции морального назидания с переводом абстрактных нравственных понятий на традиционный, овеществленный, язык народной поэзии, что соответствует роли духовного стиха как медиатора между культурой книжно-христианской и традиционной, фольклорной: «Как оболочи ходят на небеси, ветром и ненастьем, / *Такожде* в человеке ходят мысли худыя и добрыя; / От доброго разума душа воскресает, / От худого разума душа погибает» [Селиванов 1991: 178].

Внешняя мотивировка действия, побуждение к нравственному совершенствованию достигается благодаря использованию в сакральном дискурсе бессоюзных сложных структур *с семантикой условия*: «Чады вы мои! / Да не послушается моей заповеди Господней / И наказания моего, / Сотворю вам небу медную, / Землю железную: / От неба медного росы не воздам, / От земли железной плода не дарую, / Поморю вас гладом на земле» [Селиванов 1991: 177–178].

Иногда условное значение реализуется в гипотактических структурах. Например (архаичный союз *аще*, очевидно, появляется в тексте под книжным влиянием): «*Аще* Пресвятая Богородица / Помощи своей *не* воздаст, / Не может ничего на земле в живе родиться, / И ни скот, и ни птица, / Ни человекам бысти. / *Аще* да Святая Богородица / Да помощи Святая воздаст, / Может всякая тварь на земли в живе родиться, / Скот, и птица, и человекам бысти» [Селиванов 1991: 178–179].

Во втором типе диалогизации реакция реципиента (в данном случае, во-первых, человека-мирянина, к которому обращено божественное слово, опосредованное фигурой проповедника; во-вторых, сакрального Адресата, к которому обращено молитвенное слово) не выражена никакими формальными языковыми средствами. Коммуникация носит преимущественно односторонний характер, реактивный речевой регистр отсутствует. Попытаемся раскрыть внутреннюю смысловую мотивировку этого явления.

Если говорить о слове проповедника, адресатом которого является весь человеческий род, то отсутствие какой бы то ни было реакции со стороны обобщенного реципиента должно быть объяснено безусловной авторитетностью духовного, сакрального обращения, которое не требует никакого обсуждения, а предстает само собой разумеющимся – как извечный нравственный абсолют, как незыблемая моральная доктрина. Поэтому в ответной реакции нет необходимости, она, в сущности, даже не имеет никакого значения. Настоящей ценностью в народно-христианской картине мира лиро-эпических духовных стихов обладает только изначально заданный идеальный образец, predeterminedенная Богом норма, модель поведения, предписывающая людям единственно возможный путь к спасению.

Что же касается молитвы, то сама жанровая природа молитвословия обуславливает известную однонаправленность здесь коммуникативного акта: не случайно многие исследователи относят молитву к сфере *автокоммуникации* [Прохватилова 1999: 83; Лотман 1973; Арутюнова 1981; Мухелишвили, Шрейдер 1997], сближая ее с так называемой внутренней речью. Если же, вслед за О.А. Прохватиловой, считать релевантным признаком молитвы *гиперкоммуникацию*, то и в этом случае реакция Адресата исключена, поскольку Адресат обладает особым («над-реальным», или трансцендентным) статусом, исключаяющим возможность непосредственного, зримого общения с ним.

2.3 Третий тип диалогизации

Третий тип диалогизации находит выражение в риторических обращениях к явлениям природы. Такие обращения служат единственной цели – выразить внутреннее душевное состояние лирического «я». Например, Богородица плачет, обращаясь к природной

стихии: «Плачьте, рыдайте, *солнце и луна!* / Плачите, стоните, *месяц со звёздами!* / Плачите, стоните, вдовы и сироты! / Наставник и учитель покинул вас всех» [Селиванов 1991: 75]. Это тип диалогизации можно обозначить как *лирико-риторический*.

Обращения к природе эксплицируют лирическое начало в лиро-эпическом жанре, поскольку сигнализируют не о собственно коммуникации как таковой, а о риторическом выражении чувства. Не случайно именно такие вокативы занимают значительное место в языке и стиле лирической песни, что отмечает Е.Б. Артеменко: «антропоморфизация природы составляет в образном плане одну из характерных черт русского фольклора, и конструкции с обращением к предметам и явлениям природы представляют собой одно из наиболее ярких и последовательных воплощений этой черты» [Артеменко 1985: 22].

3. Монологические нарративные компоненты (медиальные и инициальные сегменты)

Итак, мы рассмотрели три основных типа диалогизации монологического повествования в лиро-эпических духовных стихах. Однако, как известно, между диалогом и монологом как формами организации художественной речи нет жестких границ, их оппозиция во многих случаях бывает довольно условной. В устно-поэтических текстах эта оппозиция может нейтрализоваться в еще большей степени. Зачастую реплика – составной элемент диалога – может разворачиваться до целого монолога-произведения в миниатюре, со своей собственной композицией, языковыми и стилистическими особенностями, специфической тематикой. Таковы, например, типические места – перечисления грехов – теллурических, ритуальных, каритативных – наказание за которые ожидает грешника в аду: «Станет судить вас Христос истинный: / “Ах вы, грешные душеньки! / Что же вы жили на белом-то свету, / Жили, все свою волю творили, / Ко Божией ко церкви не ходили, / Меня, Христа, не величали, / Господнее служение не слыхали, / Воскресную заутреню просыпали, / Небесное служение просыпали, / Воскресную обедню проедали, / Меня, Христа, прогневили; / У коровушек удойчик отнимали, / Из квашни спорынью доставали, – / Нет этой душеньке спасенья. / Босого меня не обували, / Нагого меня не одевали, / От тёмных ночи не предохраняли”» [Селиванов 1991: 231].

Синтаксическая структура монологических (монологизированных) сегментов в принципе не отличается от традиционной формульной структуры эпического нарратива: звенья, построенные по модели *NI – Vf*, объединяются в симметричные параллельные ряды бессоюзной связью со значением *перечисления*.

Другая область проявления монологичности – *инициальная позиция*, синтаксически объективированная в канонических инициальных формулах.

Начальные формулы лиро-эпических духовных стихов вводят слушателя в совершенно иной художественный мир, нежели формулы стихов эпических. В эпических стихах они переносили слушателя в условное мифологическое пространство, локализованное в сакральном топосе, и в условное *прошедшее* мифологическое время, наделенное чертами идеального первоначала (*Во славном было во городе во Риме...*), и более всего были призваны предвосхитить сущность конфликта, происходящего на земле, в семье, в бытовой обстановке (как в сказке). Фигура повествователя занимала обособленное положение по отношению к описываемому фабульному действию. В стихах же лиро-эпических, сохраняющих мифологичность хронотопа, события приобретают уже масштаб вселенских; прошлое время космического первоначала не играет большой роли, основное внимание приковано к *будущему* – концу света и Страшному суду; лирический субъект не отстранен, а сопричастен происходящему, переживает будущие события как собственную нравственную драму (*плачу ся и ужасаю*): «Пророки пророчили за тысящу лет, / Другие сказали за триста годов, / Во пятой во тысящи в пятистах / Рождение, страдание Иисуса Христа» [Селиванов 1991: 74]; «Во святом граде Ерусалимове, / В третьем году воскресению Христову, / Из седьмого неба *выпадеш* камень, / Камень ни огня, ни студен, / Ширины об аршине» [Селиванов 1991: 175]; «*Плачу ся и ужасаю*, / Егда он час *помышляю*, / Гды *придет* Судия правый / В Божестве Своя славы» [Бессонов. № 441. С. 65]; «*Спустится* на землю судья праведный / Михайло архангел-свет / С полками он с херувимскими, / С херувимскими и серафимскими, / Со всею он силою небесною / И со трубою он златокочаваную. / И первый раз он *вострубит* – / И души в тела *пойдут*; / Второй он раз *вострубит* – / От гробы мертвые встанут; / В третий раз *вострубит* – / Все на суд Божий *пойдут*» [Селиванов 1991: 240].

Рассмотрим типологию инициальных формул и их синтаксическую структуру более подробно.

Во многих случаях сохраняет актуальность указание на место описываемых событий – повествование начинается с *локативной* формулы: «*Во пустыни* тружанин трудился» [Селиванов 1991: 179]; «*Во святом граде* Иеросалиме / Плакала-ходила Святая Дева» [Селиванов 1991: 74]; «*Да зайдут* человека да на *Хивон на гору*» [Селиванов 1991: 242].

Продуктивна и *темпоративная* формула, обозначающая обобщенное сакральное время того или иного события: «*Во время оно* взойдет Господь на гору Елеонскую» [Селиванов 1991: 221]; «*Во марте во месяцы, во последних днях, / Страстные недели во пятничный день*» [Селиванов 1991: 74]; «*Господь грядет в полунощи, / Жених идет со славою*» [АКНЦ. Кол. 27. № 186].

Иногда, как и в эпических стихах, употребляется формула *совместного действия*: «*Спустится на землю судья праведный / Михайло архангел-свет / С полками он с херувимскими, / С херувимскими и серафимскими, / Со всею он силою небесною*» [Селиванов 1991: 240].

Случай употребления формулы *существования*, или *экзистенциальной* формулы, единичен: «*Жил-был* старец да во пустыне, / Да не владел он ни рукамы да ни ногамы» [АКНЦ. Кол. 130. № 99].

Таковы в целом инициальные формулы лиро-эпических стихов, актуализирующие *монологический* регистр интродуктивного композиционного блока.

4. О некоторых динамических тенденциях в синтаксисе жанра

В сравнении с эпическими стихами, стихи лиро-эпические представлены явно меньшим количеством сюжетов и вариантов. В течение XX в., если судить по доступным нам записям, искусство исполнения и этой группы духовных стихов пришло в упадок, хотя имеющиеся варианты свидетельствуют о достаточно высокой степени сохранности основных мотивов, образов, сюжетных коллизий. При этом, безусловно, наиболее распространёнными являются сюжеты о Страшном суде, с их традиционной символикой и поэтикой. Влиянию поэтики волшебной сказки лиро-эпические стихи, в отличие от эпических, судя по доступным

нам текстам, практически не подвергаются. Весьма типична для жанра и синтаксическая структура зафиксированных в позднейшее время текстов. Сохраняется также их стихотворная форма – важный жанровый признак.

Основная линия эволюции – сжатие объемных текстов с сохранением смыслообразующих сюжетных линий, зачастую намеченных лишь контурно. Детальная, подробная разработка мотивов и образов характерна для текстов более ранней фиксации (XIX в.), в поздних же записях передается лишь основа, канва, сухой образно-мотивный каркас. Однако сама структура синтаксического строя сохраняет внутреннее единство и монолитность. Отметим лишь, во-первых, едва наметившуюся и не всегда последовательную тенденцию к конденсации гипотактических узлов на месте прежнего бессоюзия при передаче чужой речи: «Поди, раб Божий, по народу, / Поди, скажи, трудный, всему миру, / *Чтобы* в среду-пятницу постилесе, / Воскресный день Господу молились, / *Чтобы* брат бы брата почитали» [АКНЦ. Кол. 6. № 124].

Во-вторых, некоторому ослаблению подвергаются инициальная и финальная позиции текстов: начальные и конечные формулы часто отсутствуют, что отражает тенденцию к сохранению лишь важнейшей для понимания сюжета структурно-семантической базы. Каноническая формула *Аминь* и формула пения славы (*Слава Тебе, Господи*) иногда заменяются оценочным комментарием исполнителя: «Это – знаю, что конец. Но пропустила или нет? Не знаю» [АКНЦ. Кол. 145. № 35]; «Эту песню ходил старик и пел в праздник Великий пост» [АКНЦ. Кол. 160. № 118]. В том случае если формула пения славы все же употребляется, исполнитель подчеркивает свою обособленность, дистанцированность от текста. Например: «И славим Тебя, Христе Боже! / *(И кусочков и попросят калики)*» [АКНЦ. Кол. 15. № 35а].

Аналогичные вставки-комментарии, разрушающие внутреннюю структуру речевого плана персонажа, могут быть обнаружены также в медиальной позиции текста: «Ой же вы, грешные души, / Спорожоны вы на трудную землю. / *(Человек трудится, так должен он поститься, молиться)*. / Чего же вы Богу не молились?» [АКНЦ. Кол. 36 / 1. № 46].

В-третьих, диалогизация как доминирующий структурно-композиционный принцип организации текста уступает место преимущественно *монологической форме* изложения, т. е. лиро-эпические стихи приобретают признаки эпических, с их объективированным повествованием и диалогами персонажей, выполняющими функцию драматизации. Соответственно, коммуникативные структурные признаки проповеди и молитвы («мы»-формы; разнообразные вокативы – актуализаторы сакрального Адресата при гиперкоммуникации; односоставные предикативные единицы со сказуемым – глаголом повелительного наклонения в форме 2-го лица ед. и мн. числа) исчезают, уступая место принципам и формам эпического фольклорного синтаксиса (полным двусоставным предикативным центрам со сказуемым – глаголом изъявительного наклонения в форме 3-го лица ед. и мн. числа, передающим взгляд «со стороны», из иного хронотопа). Происходит своеобразная редукция лирического субъекта, который преобразуется в отстраненного повествователя, носителя чисто нарративной функции. Что же касается элементов проповеди, то они звучат уже не из уст имплицированного лирического «я», а из уст героев-персонажей: Богородицы и архангела Михаила. Таким образом, проповедь трансформируется в своего рода *заповедь*, хотя, конечно, граница между этими формами духовной речи не всегда прозрачна и очевидна.

В целом же, синтаксис лиро-эпических духовных стихов сохраняет свои важнейшие параметры и признаки, в том числе стихотворную организацию. Следует предположить, что это связано с бытованием жанра не только в устной, но и в письменной форме. Указанное обстоятельство, безусловно, способствовало консервации поэтической формы лиро-эпических духовных стихов, их устойчивости к диахроническим изменениям содержательного и структурного плана.

ГЛАВА 3 СИНТАКСИС ЛИРИЧЕСКИХ ДУХОВНЫХ СТИХОВ

1. Лирические духовные стихи: специфика жанровой разновидности и основные тематические группы

Лирические духовные стихи – это наиболее лично окрашенный тип русских духовных стихов: здесь борьба добра и зла разворачивается не во Вселенной и не в социуме, а в человеческой душе [Никитина 1999: 160]. В свою очередь, поскольку в центре внимания оказывается исключительно человеческая душа, еще более углубленной становится религиозная рефлексия лирического субъекта. Однако, как известно, произведения лирического рода хотя и нацелены на выражение внутреннего мира лирического «я», его субъективных переживаний, но в то же время призваны и обобщить выражаемое чувство, укрупнить его до масштаба общечеловеческого духовного феномена. В лирических стихах субъективное переживание также является обобщенным; выражение общечеловеческого в интимно-личном является семантической основой, обуславливающей все черты поэтического синтаксиса жанра.

Говоря о специфике рассматриваемой жанровой разновидности, обратим внимание и на то, что лирические духовные стихи наиболее сильно подверглись влиянию литературы и обычно представляют собой, скорее, тексты околоримского характера: авторские (но при этом все же безымянные) по происхождению, но фольклорные по бытованию. Это отражается и на синтаксической организации: типичные для песенно-стихового фольклора способы текстообразования (все виды повторов и межстиховая атрибуция) более неактуальны для прагматики жанра (тем более что многие сюжеты бытуют в письменном виде), хотя в некоторых случаях музыкальная природа жанра и обуславливает дублетные буквальные повторы одного стиха в смежной позиции: «Буду я лежати, / Суда ожидати, / Век помышляти, / *Грехи обличати, / Грехи обличати, / Себя укоряти, / Себя укоряти, / Омильно взирати*» [АКНЦ. Кол. 36. № 215] и употребление элементов распева, в чем-то напоминающих части-

цы-делimitаторы эпических текстов: «С другом я вчера сидел, / Ныне смерти зрю предел, / О-ой горе, горе мне великое» [АКНЦ. Кол. 38. № 68]. Естественно, что центральной текстообразующей моделью остается синтаксический параллелизм – формульная для любой области поэтической речи структура: «Покаися, покаися, душе, о окаянная, почто не устрашишася смертнаго часа?! / Тогда бо плач велии ти приходит, / Тогда плач велии и беда, о ужасная! / Тогда рыдание многое будет» [Поздеева 2007: 154].

В качестве источников для выборки корпуса изучаемых текстов мы привлекли не только известные антологии (П.А. Бессонова, Ф.М. Селиванова и др.) и архивные материалы Карельского научного центра, но и новейшие издания русских духовных стихов, где необходимый материал не только не уступает в количественном отношении «старшим» эпическим текстам, но даже существенно преобладает и по сути составляет основу сборников. Укажем использованные публикации в хронологическом порядке (по году издания): [Бучилина 1999], [Поздеева 2007], [Пухова, Мануковская, Чернобаева 2011]. Стержнем указанных сборников является актуальное в современной фольклористике представление о локальной традиции, т. е. в основе отбора публикуемого материала лежит географический принцип. В первом сборнике представлены традиции исполнения духовных стихов Нижегородской области, во втором – Верхокамья, в третьем – Воронежского края. В настоящее время к публикации готовится сборник духовных стихов Русского Севера, составленный петрозаводским фольклористом В.П. Кузнецовой.

Направленность нашей работы на обобщенный структурно-семантический анализ текста с учетом, прежде всего, родовой принадлежности того или иного стиха освобождает от необходимости ограничиваться описанием строго одной локальной или иной традиции и в то же время дает возможность привлекать к исследованию все доступные материалы. Критериями исключения текста из базы данных исследования являются, во-первых, прямое указание на автора духовного стиха и, во-вторых, отсутствие хотя бы одного зафиксированного варианта. Разумеется, это не гарантирует отсутствия погрешностей в выборке, но сводит возможную неадекватность привлекаемого для фольклористического анализа материала к минимуму. Мы стремились использовать стихи *фольклоризованные* (даже

если они изначально принадлежали какому-то автору и распространялись не только устным, но и письменным путем).

Условно корпус лирических духовных стихов можно разделить на две тематические области (по характеру выражения лирического чувства): *стихи покаянные* (с минорной интонацией) и *стихи с мажорной интонацией*¹. К первой группе относятся разнообразные стихи-размышления о смерти, о загробном воздаянии за грешную жизнь, о суетности и кратковременности земного бытия. Например: «О, сколь нашем на сём свети житие плачевно, / И сколь скоро, и сколь кратко, / Как бытто однодневно! / Родимсе мы на свет наги и облиты слёзамаы, / Ростём в скорбях и болезнях, объятаи пецелью» [АКНЦ. Кол. 27. № 196]; «Век твой скончевается, а смертный час приближается, / Горе мне, горе грешному! / Идет смерть ко мне грешному, / Горе окаянному. / Несет смерть косу острую, / Горе мне, горе грешному. / Несет смерть вся оружия, / Горе мне окаянному. / Хочет смерть умертвити мя, душу с телом разлучити, / Горе мне, горе грешному. / Како смертньи час претерпети ми? / Горе мне окаянному. / Како стати на суд Божии? / Горе мне, горе грешному. / Како быти осуждену? / Горе мне окаянному. / Како во тме пребывати, / Горе мне, горе грешному. / Како во огни горети ми. / О печал, о рыдание, о лютое осуждение! / Горе мне, горе грешному. / О Владыко мои, милосерде, / Помилу Ты мя, многогрешнаго, / Молитв ради / Пречистыя Ти Матере / И всех ради святых Твоих, / Помилуй Ты мя, многогрешнаго, во вся веки веком. Аминь» [Поздеева 2007: 101–102].

Вторую группу составляют стихи-славословия в адрес Бога; стихи-прославления праведной жизни, сакральных объектов (пустыни, рая и т. д.): «О прекрасная пустыня! / Приими меня в свои частыни, / Яко мати свое чадо, / Научи мя на всякое благо; / В тихость свою безмолвную, / Любимая моя мати, / Потщися мя восприяти: / Всем бо сердцем желаю тя, / Во дни и в нощи милую тя» [Бессонов. № 61. С. 240]; «Раю, ты раю прекрасныи, тебе сам Господь сотворил есть. / Раю, ты раю пресветлыи, тебе сам Господь просветил есть. / Раю, ты саде предивныи, тебе сам Господь насадидил есть. / В тебе дрeвеса прекрасная воз-

¹ Подчеркнем, что термины «мажорный» и «минорный» употребляются нами не в качестве общепринятых музыковедческих, а в более широком, точнее, переносном значении.

растают и процветают, / Птицы в тебе зело краснии пение пречудно
воспевают, / Пестротою светло сияют и веселие просвещают» [Поздее-
ва 2007: 247]; «Здрав буди, от прекраснии Исусе, / Преслаткии ты мой
рай, рай, рай, рай. / От любезный Сыне, юже от небесь пришедший
и мой оутроб пребывый, ты мой рай» [Поздеева 2007: 150].

С некоторой долей условности ко второй группе можно отнести
и особые *стихи-молитвы*, популярные в среде религиозных общин.
Довольно много интересного материала подобного характера опубли-
ковано в сборнике духовных стихов Нижегородского края [Бучи-
лина 1999]. Основным идейным стержнем стихов-молитв является
просьба, обращенная к Богу или Богородице, о ниспослании сил для
продолжения подвига аскезы и для преодоления дьявольского иску-
са: «Я люблю тебя, Боже, люблю всей душой, / Но в любви моей ма-
ло огня, / И мой дух изнемог под невольной борьбой, / Одолела ус-
талость меня» [Бучилина 1999: 290]; «Мать Божья Пресвятая,
/ Укажи мне свой предел. / Я душой изнемогаю, / Не имею добрых
дел» [Бучилина 1999: 164]; «Многомилостивый Господи, оуслыши
нас, молящихся Тебе. / Мы живем в бедах и напастех, мы живем
в скорбех и в болезнех. / Мы живем в теснотах, и в нуждах, и в гоне-
ниях. / Мы к Тебе, Спасе наш, прибегаем, теплыя слезы проливаем,
/ Дажь нам помощи на враги наша, / Все верныя возопеем: / “Сла-
вено бо прославися!”» [Поздеева 2007: 172].

Впрочем, подробная и непротиворечивая классификация лири-
ческих (как, впрочем, и всех остальных) духовных стихов еще не
создана, поэтому предлагаемое нами разделение носит «рабочий»
характер. При анализе лирических текстов мы руководствуемся
предварительной разбивкой на основные тематические группы, не
претендуя на составление внутржанровой классификации. Есте-
ственно, что внутри этих двух условных групп обнаруживается ма-
териал самый разнородный как по структуре, так и по происхожде-
нию. Строгая и четкая систематизация этого материала требует
специального, отдельного исследования, которое в рамках нашей
работы выполнено быть не может. Например, достаточно самобыт-
ны лирические стихи *старообрядцев*, стоящие несколько особня-
ком от общерусской фольклорной традиции [Кузнецова 2010].
Их своеобразие проявляется как на содержательном, так и на язы-
ковом уровне (здесь и парная рифмовка, и более архаичные слово-

образование, лексика и грамматика): «Зело злобно враг тогда возреве, / Кафоликов род мучить повеле. / Святых пастырей вскоре истреби, / Увы, жалостно огнем попали. / Четы иноков уловляхуся, / Злым казнением умерщвляхуся» [АКНЦ. Кол. 28. № 57].

Интересен также стих с инвертированным направлением лирической коммуникации, представляющий собой обращение не человека к Богу, а Бога (Христа) к человеку: «Зачем ты покинул меня, человек? / Зачем от меня отвратился? / Ведь я крепко тебя возлюбил, / А ты ко врагу удалился» [Бучилина 1999: 156].

В то же время, поскольку все тексты обеих групп принадлежат к единому – лирическому – роду словесности, в них могут быть выявлены и единые синтаксические (а также лексические) формулы, соотносимые с универсалиями поэтической речи. Рассмотрим важнейшие идеи и мотивы в разных типах лирических духовных стихов и выражающие их типовые разноуровневые синтаксические формулы.

2. Семантика и прагматика синтаксических структур. Жанрово обусловленные особенности поэтического синтаксиса

2.1 Покаянные духовные стихи. Инициальные и финальные формулы

В группе покаянных духовных стихов резко возрастает значимость *информативного речевого регистра*, предлагающего «сообщения о фактах, событиях, свойствах, поднимающиеся над наблюдаемым в данный момент, отвлеченные от конкретной длительности единичного процесса, не прикрепленные к единому с перцептором хронотопу» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 29]. Это объясняется необходимостью обобщить выражаемое субъективное чувство, придать ему статус универсального нравственного феномена. *На полипредикативном уровне* для экспликации информативного коммуникативного типа речи востребованы разнообразные союзные *подчинительные* конструкции: все разнообразие тонких семантических оттенков и штрихов, невозможное в репродуктивном регистре, нацеленном на воспроизведение фрагментов лишь зримого окружающего мира, передается здесь с помощью более объемного, стереоскопичного синтаксического рисунка. Типология гипотактической связи имеет следующий вид:

а) структуры расчлененного типа со значением *времени* (союзы *когда*, *как* и старославянский союз *егда* в тяготеющих к книжной традиции старообрядческих стихах). Например: «*Когда, братья, умрем, / Сложим руки к сердцу*» [АКНЦ. Кол. 79. № 367]; «*Как в трубу вострубят, / Всех мёртвых разбудят*» [АКНЦ. Кол. 36. № 215]; «*Тогда твари вся ужаснушася, / Егда адский зверь вся разреши, / От заклеп твердых нагло изскочи*» [АКНЦ. Кол. 28. № 57]; «*И возрыдаем вси, егда осуждени будем вечным мучением, / Лютым томлением во веки безконечныя*» [Поздеева 2007: 152]; «*Потрясется небо и земля вся, егда придет судити Судия всех*» [Поздеева 2007: 154]; «*Аще помяну благочестие, / Когда процветал крин церковный, / Не могу пребыть без рыдания*» [Поздеева 2007: 204]; «*Не поспеешь ты тогда плакати, когда приидет смерть*» [Поздеева 2007: 137].

б) структуры расчлененного типа со значением *сравнения*, при этом вторая часть полипредикативной гипотактической структуры может быть как полной, так и неполной: «*Цёловок живёт на земли, / Как трава растёт*» [АКНЦ. Кол. 25. № 192]; «*Душа с телом расставалась, / Как птенец со гнездом: / Возлетает и переходит / В незнакомой мир*» [АКНЦ. Кол. 25. № 192].

в) структуры расчлененного типа со значением *причины и обоснования*: «*Праведного помилуешь, / То не будет в диво, / Так как те достойны / Твоей (будут) милости*» [АКНЦ. Кол. 27. № 181]; «*Горе живущим на земли человеком, / Яко конец приближается всем нам*» [Поздеева 2007: 155]; «*”Ах ты, агница, найдися, / Пастырь ищет тебя твой, / Потому ты возвратися, что шел с неба за тобой”*. / Гласу агница не вьнемлет, от него бежит все вдаль, / Он и труд велик подъемлет, коль ея сердечно жаль» [Поздеева 2007: 171].

г) структуры расчлененного типа со значением *условия*: «*Милости не будет там, / Коль не миловал я сам*» [АКНЦ. Кол. 38. № 68]; «*Кабы я знал бы, ведал скорую кончину, / За три бы года Богу молился, / По три бы недели постился*» [Поздеева 2007: 122].

д) структуры расчлененного типа со значением *уступки* (с союзом *хотя*, в том числе и в сочетании с союзом *но*): «*Хотя добрых людей много, / Но чужие все кругом, / Все чужие, нет родного, / Нет сочувствия ни в ком*» [АКНЦ. Кол. 28. № 62]; «*Теперь хотя оковы пали, но слезы все блестят в глазах*» [Поздеева 2007: 118].

е) структуры нерасчлененного типа с *местоименно-вопросительной связью частей*: «Сам того не знаю, / Как на свете жити: / Хочется пожити, / Да не знаю, как и быти» [АКНЦ. Кол. 27. № 181]; «Не знаю, как и быти, / Чем коня смирить» [АКНЦ. Кол. 27. № 181]; «А что будет, куда пойдём – / Не знаем мы сами» [АКНЦ. Кол. 37. № 61]; «Кто бы дал мне, яко птице, два пернатя крыла, / Полетел бы на тот свет и оузнал бы, что есть там» [Поздеева 2007: 169]; «Что со мной тогда случится, не известен я всегда, / Только есть одна надежда – моя вера во Христа» [Поздеева 2007: 169].

ж) структуры нерасчлененного типа *присубстантивно-определятельные*: «Нет, и не был, и не будет человек от мира, / Коего бы не посекала смертная секира / И кого бы не закрыла в темную могилу» [АКНЦ. Кол. 39. № 125]; «Куды агница девалась, я которую люблю» [Поздеева 2007: 171]; «Дать блаженство обещает, что котораго здесь нет» [Поздеева 2007: 171]; «Прости мя, Боже, грешнаго, что согрешихом прет Тобою» [Поздеева 2007: 130].

з) структуры нерасчлененного типа с *неориентированной анафорической связью частей*: «Кто добра не хочет, / Тот худа желает» [АКНЦ. Кол. 27. № 181]; «Ноги много ходят, / Где бы и не надоть» [АКНЦ. Кол. 27. № 181]; «Что очи завидят, / То ручи заграбят» [АКНЦ. Кол. 79. № 367]; «Аще кто их сохранить, той и Небеснаго Царствия себе не лишить. / Аще кто их не охранить, / Тому и от вечныя муки не йзбыть» [Поздеева 2007: 192].

и) структуры нерасчлененного типа с *изъяснительным* значением: «Не надейтесь, богаци, / На то, что вы богаты: / Не задержат вас от смерти / Каменны палаты» [АКНЦ. Кол. 27. № 196]; «Спомяни, душа, как на оном свети / Во грехах жила» [АКНЦ. Кол. 25. № 192]; «Как под сосенкой зеленой сидит инок молодой. / Он нечто не говорит, толко плачет, возрыдает, / Как ключи кипят, воскипают, / Что² пришла к нему незгода и победа немала, / Что³ игумен гнев имел и в соборе он его смирял, / От соборных отцев

² В опубликованном тексте перед союзом *что* издателями поставлена не запятая, а точка. На наш взгляд, более правомерна пунктуация, предложенная в настоящей работе.

³ Аналогично.

изгнал» (здесь же отметим придаточное со значением сравнения: *как ключи кипят*) [Поздеева 2007: 158]; «О человеце, помысли, *како* душа от тела станет разлучатися» [Поздеева 2007: 188].

Важную роль в поэтике жанра играют также *сочинительные* полипредикативные структуры, хотя сама типология союзных средств здесь крайне бедна: лишь в отдельных случаях употребляются союзы *а, и, но*. Попутно отметим, что поскольку синтаксический строй лирических духовных стихов тяготеет к литературному, то грамматический «облик» союзных средств сочинения становится более определенным, дифференцированным. Однако и выполнение смежных (в частности ритмообразующей, наполнительной) функций не вполне чуждо элементам *а* и *и*, имеющим в поэтической речи не всегда строго определенную, а часто именно многоплановую семантику. Ср. (собственно-союзная функция элемента *и* в первом стихе и недифференцированное союзно-ритмообразующее значение в четвертом): «*И* от скипетров насильно / Во гроб спровергает, / Смерть *и* смело к царским тронам / Строго приступает» [АКНЦ. Кол. 38. № 67].

Союз *и* выполняет обычную грамматическую функцию соединения предикативных частей друг с другом при отношениях *последовательности или одновременности*: «Сама себя всю осквернила ты, / *И* древнюю красоту омрачила ты» [АКНЦ. Кол. 27. № 187]; «Аще не твоя помощь сохранит, / *И* избранных всех адский змий прельстит» [АКНЦ. Кол. 28. № 57].

При помощи же союза *а* в покаянных лирических стихах выражается противопоставление души и тела, греха и праведности. Например: «Плоть моя желает / Больше согрешити, / *А* душа желает / Царство получить» [АКНЦ. Кол. 27. № 181]; «Лихоимцы вси грады содержать, / Немилосердии в градех первии, / *А* смиренности от градов бежат, слезно плачются, негде скрытися» [Поздеева 2007: 205].

Союз *а* необходим и в тех случаях, когда при помощи резкого, кардинального противопоставления необходимо подчеркнуть быстротечность человеческого бытия (в приводимом ниже примере синтаксическая семантика поддерживается семантикой лексической: в контекстуально-антонимических отношениях находятся лексемы «вечер» и «утро»): «Вечеру целовек в бесёды сидит, / *И* весёл и здоров, / *А* поутру целовек уж во гробы лёжит» [АКНЦ. Кол. 25. № 192].

В чем-то схожую функцию выполняют сочинительные структуры с союзом *но*: «Нест тебе, человеце, покаяния, и грехов прощения, / *Но* все твоё житие скончалось, / И оуже пойдя ты ко Страшному Судии» [Поздеева 2007: 188].

Союз *а* может соединять и предикативные структуры с общей неотчетливо дифференцированной семантикой *перечисления-сопоставления*: «Век твой кончается, *а* смертный час приближается» [Поздеева 2007: 101].

Информативный регистр может быть выражен и с помощью *бессоюзных* полипредикативных структур. Рассмотрим их.

Прежде всего, это бессоюзные конструкции *со значением перечисления*, объединенные в параллельные ряды. Выше мы неоднократно подчеркивали значимость структур этого типа для фольклорного текста, их ведущую роль в его архитектонике. Однако в лирических духовных стихах бессоюзные соединения предикативных единиц наделяются принципиально иной поэтической функцией: если в эпическом или лиро-эпическом тексте они вполне органичны для представления в репродуктивном регистре событийной стороны в ее хронологической обусловленности, действий героев, обстановки, общего типового фольклорного антуража, или, образно говоря, «сценического реквизита», и являются типичным средством ретардации повествования, то в стихах лирических они предназначены для выражения чувств, эмоционального состояния и становятся действенным средством создания экспрессии, динамики. Здесь перечисляются не события и не факты, а мысли и переживания, выстроенные в единый чувственный ряд по принципу градации. Например: «Не в помощь тебе, душа моя, / Ни сан, ни цести, ни богачество; / Не в помощь тебе, душа моя, / Слава мира сего тленного; / Не в помощь тебе, душа моя, / Там будет золото и серебро; / Не в помощь тебе, душа моя, / Ни отец, ни мать, ни брат, ни сестра; / Не в помощь тебе, душа моя, / Друзья знаёмы и сродники; / Не в помощь тебе, душа моя, / Простота, глупость, безумие» [АКНЦ. Кол. 27. № 187].

Аналогичную функцию выполняют и осложнители предикативной единицы – однородные сказуемые, также связанные бессоюзной связью с семантикой перечисления: «Быстро ты стрелкаешь, / Грехи собираешь, / Душу губишь, / Грехов прибавляешь» [АКНЦ. Кол. 27. № 181].

Размышления человека о тщете и бренности земного бытия облечены в форму бессоюзных структур с семантикой *причины и обоснования*: «Не надейтесь вы, сильни, / На тщетную силу: / Подсекёт вас смерть под ноги / В тёмную могилу!» [АКНЦ. Кол. 27. № 196].

При помощи структур со значением *сопоставления* может выражаться оппозиция *грех – праведность*: «Первая дорога – / Иметь страх Господен, / Бога прославляти, / Закон сохранять – / Тем она доводит / В небесное царство; / Другая дорога – / В своей воли жизни, / Закон не хранити – / Тем она доводит / В предвечныя муки» [АКНЦ. Кол. 27. № 181].

Перевод с языка книжно-христианского богословия на язык народнопоэтической традиции требует использования конструкций со значением *пояснения* (в следующем примере этот перевод осуществляется при помощи фольклорных образов птенца и гнезда, а пояснительная структура раскрывает сущность сравнения): «Душа с телом расставалась, / Как птенец со гнездом: / Возлетает и переходит / В незнакомой мир» [АКНЦ. Кол. 25. № 192].

Другой фольклорный образ – образ *дороги* – сливаясь с христианским образом пути к покаянию, раскрывает (при помощи *пояснительной*, конкретизирующей конструкции) суть духовного выбора человека в земном бытии: «Тута две дороги, / Широки и долги, / По этим дорогам / Многи люди пойдут: / Один пойдёт направо, / Другая – налево» [АКНЦ. Кол. 36. № 215].

Выразить силу греховных помыслов и побуждений призваны недифференцированные бессоюзные конструкции с *условно-временной* семантикой: «Юность, моя юность, / Безбожное время, / Ко грехам стрекаешь, / Бога забываешь, / Почуешь соблазны – / Бога оставляешь» [АКНЦ. Кол. 27. № 181].

Обобщение личного до общечеловеческого в информативном (информативно-описательном) регистре осуществляется также благодаря использованию соответствующих структур *монопредикативного уровня*. Как и во многих других жанровых разновидностях и жанрах, в лирических духовных стихах излюбленной предикативной моделью является модель *двусоставная*. Однако здесь коренным образом меняется ее морфологическая конструктивная база: большое, а иногда и преобладающее, значение приобретают формулы с *именным сказуемым*, выраженным либо прилагатель-

ным, либо фразеологизированным сочетанием, имеющим атрибутивную семантику. Они предназначены для номинации постоянного, статичного признака, т. е. признака обобщенного. Приведем некоторые примеры: «Юность, моя юность, / Молодо ты время! / К Богу ты ленива, / Ко грехам радива» [АКНЦ. Кол. 27. № 181]; «Гробик ты мой гробе, / Привечный мой доме, / Ты ли моя ложа, / Ко смерти приложа» [АКНЦ. Кол. 36. № 215]; «Но горька твоя здесь доля, / Здешний край тебе не мил, / Не своя тебе здесь воля» [АКНЦ. Кол. 28. № 62]; «О, сколь нашем на сём свети житие плачевно, / И сколь скоро, и сколь кратко, / Как бытто однодневно» [АКНЦ. Кол. 27. № 196]; «Только в помощь тебе, душа моя, / С правой верой дела добрыя; / Только в помощь тебе, душа моя, / В молитвы трезво стояниё» [АКНЦ. Кол. 27. № 187].

Статичный, панхронический характер воссоздаваемой художественной картины подчеркивается также при помощи синтаксической формулы *NI – Vf*: «Смерть немедленно лишает / Нас здешняго света, / Отнимает от нас забавны, / Цветущия лета» [АКНЦ. Кол. 27. № 196]; «Солнышко скоротильствует / С остока на запад, / Текут времена и лета, / Мгновены ока» [АКНЦ. Кол. 56. № 153].

Важную роль в жанре покаянных стихов играют *односоставные синтаксические схемы*. Таковы, прежде всего, *определенно-личные* предикативные единицы, с помощью которых выражаются, во-первых, значимые для лирики как рода диалогические отношения субъектно-объектной коммуникации, т. е. отношения между лирическим «я» и окружающим миром, и, во-вторых, отношения субъектно-субъектной коммуникации, т. е. лирическая саморефлексия. В первом случае лирическая коммуникация может носить характер императивного (глагол-сказуемое в форме повелительного наклонения или в синтетических формах совместного действия) или нейтрального (глагол-сказуемое в форме 1-го лица ед. и мн. числа) сообщения: «Прости мене, Господи Владыко, / Как заблудшаго сына» [Бессонов. № 341в. С. 159]; «Огорцися, душа моя, / На прелесное житиё мирскоё; / Науцись, душа моя, / О себе плакати, / Смёртный цяс помышляючи / И всёгды ёго ожидаючи» [АКНЦ. Кол. 27. № 187]; «Все друзья и братья, / Прибегнем ко церкви, / Прольём Богу слезы» [АКНЦ. Кол. 79. № 367]; «Везде поспешаешь, / На всё понужаешь, / Молода ты юность» [АКНЦ. Кол. 27. № 181].

Как мы видим, адресатом лирического сообщения может быть не только *человек, Бог* или *душа*, но и персонифицированная абстрактная сущность (*юность*), что в целом характерно для лирики как рода.

Во втором случае лирическое сообщение замыкается на условном адресанте (т. е. на лирическом «я»), единичном или множественном, выражающем собственные, но при этом обобщенные чувства и мысли: «Мимо царства *прохожу*, / *Слёзно плачу* и *гляжу*, / О-ой горе, горе мне великое. / Царство свято слёзно *зрю* / И прегорько *говорю*: / “О-ой горе, горе мне великое”» [АКНЦ. Кол. 38. № 68]; «Когда, *братя, умрем*, / *Сложим* руки к сердцу» [АКНЦ. Кол. 79. № 367].

Распространены и односоставные синтаксические схемы иной природы. Среди них в качестве стилистических доминант отметим:

а) *неопределенно-личные*: «Белы руки сложат, / Ко сердцу приложат, / Холст оденут / И во гроб положат, / В землю опустят» [АКНЦ. Кол. 36. № 215].

б) *безличные*: «Милости не будет там, / Коль не миловал я сам» [АКНЦ. Кол. 38. № 68].

в) *инфинитивные*: «Рай ты мой раю, / Пресветлый мой раю! / Мне в тебе не бывати, / Святых не видати» [АКНЦ. Кол. 36. № 215].

Выражение покаянной интонации в монологе лирического «я» осуществляется также в вопросительных односоставных структурах (в риторических вопросах): «С чем лицу Божью явиться? / От какого тебе деяния доброго оправдись?» [АКНЦ. Кол. 27. № 187].

Не менее значимы для выражения жанровой прагматики и осложняющие структуры – *обращения (вокативы), однородные члены, обособленные члены*.

Среди вокативов выделим специфические для лирики обращения к *душе* и *плоти* лирического «я», используемые при автокоммуникации. Например: «Восплачь, *душа моя*, / Как же умереть будёт тебе?» [АКНЦ. Кол. 27. № 187]; «*Душа моя* прегрешная, что не плачешься? / Ты плачь, *душа*, рыдай всегда, тем отешишься» [Поздеева 2007: 137]; «Ох ты, *плоть моя*, *плот* невоздержна! / Я боюсь тебя, *плот*: погубишь меня» [Поздеева 2007: 199].

Иными словами, если в синтаксисе лиро-эпических духовных стихов мы выделили 3 типа диалогизации (драматический, лирический и лирико-риторический), то в жанре покаянных лирических стихов можно выявить также четвертый тип диалогизации: *автокоммуника-*

ция (адресант и адресат такого типа диалога тождественен самому себе). Данный тип диалога наиболее приближен к внутренней речи. Маркером внутренней, интроспективной диалогизации является эвристический вопрос, ответ на который дает непосредственно сам лирический субъект. В акте автокоммуникации находит отражение рефлексия чувствующего и познающего субъекта (лирического «я»), направленная на осмысление окружающего мира с точки зрения духовно-религиозного сознания. Автокоммуникация – специфическая черта лирических стихов. Она, безусловно, углубляет семантический план текста, придает ему многомерность и многослойность: за внешне неторопливым нарративом угадывается непрерывный внутренний духовный труд, пытливые поиски ответов на вечные проблемы бытия. В то же время вопросы, обращенные, казалось бы, исключительно к самому себе и не имеющие иного формального адресата, имеют, очевидно, значение общечеловеческое, а истинная аудитория, внимающая ответам на эти вопросы, гораздо шире, чем отдельная человеческая душа: лирический субъект добывает высшее, сакральное, знание не только и не столько ради себя, сколько ради всего православно-христианского мира. Одной из наиболее типичных синтаксических форм автокоммуникации является частный вопрос, не обязательно сопровождающийся обращением: «*В чем надежда наша ко спасению?*» [Поздеева 2007: 204]; «*О люте мне, о люте, / Предстати страшному Судии, грозному Владыце. / Что ми тогда отвещати?*» [Поздеева 2007: 152]; «*Горе мне, горе грешному. / Како смертньи час претерпети ми? / Горе мне окаянному. / Како стати на суд Божию? / Горе мне, горе грешному. / Како быти осуждену?*» [Поздеева 2007: 101].

Отличительной чертой жанра духовных стихов являются обращения к *Богу, ангелам, раю*: «*Прости мене, Господи Владыко, / Как заблудшаго сына, аминь!*» [Бессонов. № 341 в. С. 159]; «*В раю просветился, / Расплакался Адам: / “Ой раю, мой рай, / Прекрасный мой рай! / В тебе ль, раю, / Быстро дева согрешила, / Дева согрешила, / Бога согрubiла, / Свой род отлучала / От раю святого?”*» [АКНЦ. Кол. 79. № 368]; «*Встрепенулась тут душа, / Скрицияла жалосно: / “Помилуйте, добрые аньелы, / Не отдайте миня, несчастную, / В руки злых духов, / Сведите миня ко Господу милосердому!”*» [АКНЦ. Кол. 25. № 192].

Характерная примета стиля лирических духовных стихов – *риторические обращения к неодушевленным (часто также абстрактным) сущностям и предметам*, при помощи которых выражается покаянная интонация: «Не страшно ли о сем слушать, бедны человеки, / Вы простите и прощайте, времена и веки!» [АКНЦ. Кол. 38. № 67]; «Гробик ты мой гробе, / Привечный мой доме, / Ты ли моя ложа, / Ко смерти приложа» [АКНЦ. Кол. 36. № 215].

Наконец, отметим обращения к человеку (*мирянам*) как адресату (адресатам) лирической *проповеди*: «Не надейтесь, богази, / На то, что вы богаты: / Не задержат вас от смерти / Каменны палаты» [АКНЦ. Кол. 27. № 196]; «Не надейтесь, сильны властью, / На тщетную силу: / Победит вас сила смерти / В темную могилу» [АКНЦ. Кол. 37. № 61].

Таким образом, как мы видим, и в лирических покаянных духовных стихах реализуются разные типы диалогизации монолога. Помимо уже отмеченной нами автокоммуникации, активно задействованы в поэтике жанра:

1) *диалогизация лирическая* (реализуется в молитве, проповеди, заповеди, наставлении, поучении и т. п.): «Господи, помилуй, Господи, прости. / Помоги мне, Боже, крест свой донести» [Поздеева 2007: 303]; «Господи мой, ярость Твою не покажи надо мною, видя грех мой прет Тобою. / Призри души моей главу Твою, / Господи мой, стрелы Твоя да не поразит сердце мое» [Поздеева 2007: 130]; «Пишет нам, братия, Ефрем Сирин со слезами. / Вы рабы мои Христовы, не забыв Бога живите. / А вас Господь не забудет, вы Христа ради потерпите, / Оуже конец наш близко, на самом на грамате. / Или вам не оумрети, вы послушайте, братия. / Женивыя, раженитесь, неженивыя, не женитесь» [Поздеева 2007: 201]; «Востанемте, братие, востанемте, / Востанемте, Богу помолимся. / Век оу нас, братие, сконьчевается, / А Страшный Суд готовится» [Поздеева 2007: 120]; «Востань, человек, Богу помолиси, / Востань, человек, Богу потрудися, / Востань, человек, Богу воспокайся» [Поздеева 2007: 122]; «Покайтесь, люди, покатыся. / Молитесь Богу со слезами, / со всем со сердечным со рыданием» [Поздеева 2007: 220]; «Рабы вы мои, рабыни, / Православныя християне. / Вы ходите-ко всегда опасно, / Вы живите да богобоязно» [Поздеева 2007: 242].

2) *диалогизация лирико-риторическая* (реализуется в риторических обращениях к явлениям природы, временам года и т. п.): «Ах, прекрасная весна, сколь приятна нам была! / Теперь тебя уж нет, все цветы твои прияли, и приятности пропали» [Поздеева 2007: 90]; «О время, время, где ты было, давно бь пора тебе прити, / О сколько сил ты погубило, о сколько сбило сил с пути» [Поздеева 2007: 118].

3) *диалогизация драматическая* (реализуется в интересующих фабульных диалогах; для лирики как для рода нехарактерна, а потому крайне редка): «Два-те голуба, два-те сизые, / Два те Ангела, два Архаггела, / Вы куды, куды летали? / – Мы летали на широкие, / На широкие на ростани. / – Вы ково, ково тамо видели? / – А мы видели, как душа с телом, / Как душа с телом раставалася, / Раставалася – не простилася» [Поздеева 2007: 135].

Эмоциональное начало духовной лирики выражается, в числе прочих синтаксических средств, и с помощью *однородных членов*. Среди них наиболее значимы однородные *сказуемые*: «Их молитвы и слёзы тёпल्या Бог *послушает* / *И подаст* для их *прощенье* грехам моим» [АКНЦ. Кол. 25. № 192]; «Быстро ты *стрекаешь*, / Грехи *собираешь*, / Душу *погубляешь*, / Грехов *прибавляешь*» [АКНЦ. Кол. 27. № 181].

Менее распространены а) однородные *подлежащие* и б) *второстепенные члены*: а) «Не в помощь тебе, душа моя, / *Ни сан, ни цести, ни богачесво*; / Не в помощь тебе, душа моя, / *Слава мира сего тленного*; / Не в помощь тебе, душа моя, / *Там будет злато и серебро*; / Не в помощь тебе, душа моя, / *Ни отец, ни мать, ни брат, ни сёстра*» [АКНЦ. Кол. 27. № 187]; б) «Душа с телом раставалася, / Как птенец со гнездом: / *Возлетаёт и переходит* / *В незнакомой мир*, / *Оставляет всё житейское попечение*, / *Цесть, и славу, и богасво маловременноё*, / *Забывает отця и матерь, / Жону и цяд своих*» [АКНЦ. Кол. 25. № 192].

Среди осложнителей элементарной предикативной модели следует особо отметить *обособленные члены*, обычно характерные не для фольклорного, а для книжно-письменного текста: «Вещеру целовек в бесёды сидит, / *И весёл и здоров*, / А поутру целовек уж во гробы лёжит» [АКНЦ. Кол. 25. № 192]; «Вы пошто миня в ризы светлы облацайте, / *Не облёкшагося в ризы брацьня?*» [АКНЦ. Кол. 25. № 192]; «Горе мне, *грешнику суцу*, / Горе благих дел не имущу!» [Бессонов. № 341в. С. 158]; «Ох, сколь есь отважна смерть, / А не милосердна: / *Страха она не боитце, / Как бытто*

атаман твёрда» [АКНЦ. Кол. 27. № 196]; «Етых всих славных цярей / Смерть не убоялась, / *Как внезапно тёмна ночь*, / Под жись их подкралась» [АКНЦ. Кол. 27. № 196]; «Придёт ночью, *аки тати*, / Возьмет нас нечестно» [АКНЦ. Кол. 38. № 67].

2.2 Стихи с мажорной интонацией

Во второй группе лирических духовных стихов больше, чем в других группах и жанровых разновидностях, актуализирован тип *гиперкоммуникации*, характеризующей диалогические отношения «я – ты» с сакральным Адресатом. Если в покаянных стихах чувства лирического «я» *интровертированы* и представляют собой углубленное исследование внутреннего мира человеческой души, с тем добром и злом, которые борются в ней, то в стихах-славословиях в адрес Бога направление лирической коммуникации *экстравертировано* и направлено не только на выражение личных чувств, но и на воспевание сакральной сущности. В целом, стихи этой группы пронизаны светлым, мажорным мироощущением. Эта особенность основного эмоционального тона обуславливает специфику жанрового синтаксиса. Рассмотрим взаимодействие важнейших поэтических и синтаксических категорий разных уровней.

В качестве сакральных Адресатов, к которым лирический герой обращается с просьбой или величанием, выступают *Христос, Бог и пустыня*. Функционально эти образы эквивалентны. Они олицетворяют нравственный идеал, достичь которого стремится праведник. Позицию лирического субъекта можно определить как пограничную: он отрекается от прелестей суетного мира и уходит в пустыню, посвящая себя Богу: «Прости, мира вся приятность, / Не хочу я видеть вас! / Утех ваших удаляюсь, / Во пустыне хочу жить, / Моим духом восхищаюсь, / Чтобы век Богу служить, / Мирских прелестей прекрасных / Чтоб веки не любить» [АКНЦ. Кол. 28. № 64].

В пустыне отшельник обретает истинную радость, в сравнении с которой ценности материального мира – это прах и тлен. Образ пустыни является эквивалентным образу потустороннего мира: прощаясь с обыденной суетой, отшельник, находящийся на границе двух миров, одновременно прощается и с самой жизнью, переходит в состояние инобытия: «Прошай, мир весь со страстями

/ И со прелестью, навек, / И со всеми суетами, / Я от вас уже далек.
/ И за все леса и реки / Я от вас уж удалюсь / И, сказать могу, навеки
/ В прелестный мир не возвращусь» [АКНЦ. Кол. 28. № 63].

Пустыня отделена от «своего» пространства преградой (лесом или рекой), причем в образе пустыни явственно проступают черты рая [Никитина 1993 (б): 259]. Образ пустыни в лирических духовных стихах является иррациональным, это образ-оксюморон: в пустыне, как и в раю, растут цветы, зеленеют листья, цветут сады: «О прекрасная пустыня! / В любви своей приими мя! / Не страши мя своим страхом, / Да не радость буду врагом. / Егда пойду в твои луга зрети / Многоразличные цветы, / Дивен бо твой, прекрасен сад, / И жити в тебе всегда рад; / Древа, цветы кудрявые / И листья зелёные / Зыблются малыми ветры» [Бессонов. № 61. С. 241].

Как и в раю, в пустыне протекает ключевая вода (эквивалент живой воды в волшебной сказке), источник и символ вечной жизни: «Вместо всякого напитка / Ключевая там вода / Течёт быстро, без избытка, / Я имею *завсегда*» [АКНЦ. Кол. 28. № 63].

Другой традиционный для фольклора образ потустороннего мира – это темный лес, в котором герой также пытается обрести нравственную чистоту, приблизиться к Богу: «Вместо прелести и славы / Стремлюсь я в тёмные леса» [АКНЦ. Кол. 27. № 179].

Итак, центральный для духовных стихов этой группы мотив – это мотив пения славы тому или иному сакральному Адресату, в том числе антропоморфному объекту (лес, пустыня). Для реализации указанного мотива используется инвентарь определенных синтаксических конструкций.

Репрезентация Адресата осуществляется, например, с помощью характеризующих двусоставных структур тождества, передающих статичность признака: «*Ты покров мой и надежда, / В скорби я тобой живлюсь*» [АКНЦ. Кол. 28. № 58].

В аналогичной функции используются двусоставные структуры *NI – Vf*: «И грехи всех *Он прощает, / И возводит выше звезд*» [АКНЦ. Кол. 27. № 179]; «По пустыни *идут реки* повелением Творца, / И журчаньем вод текущих *утешаюсь я* всегда, / Мирских прелестей влекущих чтоб не помнить никогда. / *Поля зелены и долины* здесь *блистают* красотой, / Все приятны мне и милы, что мечтаю тишиной» [АКНЦ. Кол. 27. № 179].

В редких случаях мотив пения славы вводится при помощи *посессивных* структур: «У Его есть помощь многа, / Что невозможно и сказать» [АКНЦ. Кол. 27. № 179].

Часто используются структуры с оценочным, аксиологизированным рефреном – *именительным темой*: «О прекрасная пустыня! / И сам Господь пустыню восхваляет. / О прекрасная пустыня! / Отцы во пустыни ся скитали, / И ангели отцам помогали, / Пророцы отцев прославляли, / И мученицы ублажали, / Апостоли святии величали. / О прекрасная пустыня! / Отцы во пустыни ся скитали, / Из гор воды испивали; / В пустыни древа вырастали, / Различными цветы расцветали, / Ко древам птицы прилетали, / На кудрявыя ветви поседали, / Они райския песни воспевали, / Отцев во пустыни утешали» [Бессонов. № 70. С. 256].

Функция репрезентации осуществляется также при помощи использования *оценочных вокативов*, обладающих соответствующей синтаксической структурой. Наиболее типичная форма их выражения – *атрибутивные конструкции*: «Ты, Иисусе мой сладчайший, / Ко мне на помощь приди, / Всех благ мира мне дражайший, / Мою душу освяти» [АКНЦ. Кол. 28. № 58].

Семантическим ядром таких конструкций является оценочный эпитет (*сладчайший, дражайший* и т. д.). В некоторых случаях он употребляется изолированно, без именного компонента, при субстантивации: «Всемогуций и превечный, / Милостью утешь своей!» [АКНЦ. Кол. 28. № 58].

Мотив прославления Бога может быть введен в текст опосредованно, при воссоздании коммуникативной ситуации проповеди (заметим, что граница между *проповедью*, адресованной человечеству, и *автоадресацией*, т. е. обращением к самому себе, размыта; призыв-обращение к большинству – это одновременно и обращение к собственной душе, к собственному внутреннему миру). Наиболее естественным здесь является использование односоставных определенно-личных структур: «Воспой гласом, воспой духом, / Воспой милость всю Его, / Ударь в гусли тонким звуком, / Прославь Бога своего» [АКНЦ. Кол. 28. № 64]; «За все Его щедроты / Прославляй, душа моя, / Что извлек тебя из рабства, / Ввел в селения свои» [АКНЦ. Кол. 27. № 179].

Понимая трудность избранного пути, человек обращается к Богу с просьбой о ниспослании сил. Поэтому тип коммуникации,

реализуемый в лирических духовных стихах этой подгруппы, близок к *гиперкоммуникации* молитвословия. Синтаксически он выражается с помощью односоставных структур с главным членом – глаголом в форме повелительного наклонения: «Всесильной твоей рукою / *Укрепи* меня в скорбях, / Чтоб душа моя живую / Веселилась во слезах» [АКНЦ. Кол. 28. № 58].

Как пишет И.И. Ковтунова, «речь во втором лице – одна из характернейших примет лирики, веками сложившийся, традиционный ее прием. Второе лицо и сопутствующее ему обращение и повелительное наклонение в лирической поэзии переносит речевые формы, присущие коммуникативной ситуации устного общения, в другую коммуникативную ситуацию. В этой необычной для них коммуникативной ситуации речь идет о лицах и предметах, отдаленных в пространстве или во времени. Но применение к ним речевых форм, первичная функция которых – обращение к присутствующему лицу, способствует приближению отдаленных объектов к говорящему <...> Адресат речи помещается во внутреннее лирическое пространство, которое таким путем может быть как угодно расширено» [Ковтунова 1986: 89].

Глубинная диалогичность, таким образом, – важнейший признак лирических духовных стихов второго типа. Эта семантическая доминанта жанра закреплена и в *инициальной* позиции текстов посредством использования определенных инициальных синтаксических формул, в корне отличающихся от инициальных формул эпических духовных стихов. Чаще всего это *риторические восклицания* – оценочные обращения к Адресату как осложняющие компоненты односоставных определенно-личных предикативных единиц либо же формулы пения славы фразеологизированного типа, в эпических стихах употребляемые только в финальной позиции. Например: «*Слава, слава в вышних Богу! / Дух мой, радостно воспой! / Я стремлюсь к тому чертогу, / Где жених сладчайший мой*» [АКНЦ. Кол. 28. № 58]; «*Что за чудную превратность / И перемену зрю в глазах!*» [АКНЦ. Кол. 28. № 64].

Аналогична структура *финальной* позиции, в которой используются сходные синтаксические формулы: «*Боже, дай подвиг скончати, / Ты, прецедрый отец! / В этой пустыне пребывати*

/ И получить славы венец» [АКНЦ. Кол. 27. № 179]; «*О Христе мой, всех ты царь, / Тебя и я благодарю! / Меня, грешного, соблюди, / От вецных мук освободи. / Небесного царствия, / Тебе радость и веселия, / Со святыма сподоби в покой / Во веки все веком, аминь*» [АКНЦ. Кол. 27. № 190]; «*Виват Тебе вечно / В веки бесконечно. / Виват, виват, виват, Христе, / Рожденный ныне*» [Бучилина 1999: 81]; «*Хвала Тебе за милости, / Хвала Тебе за радости, / Хвала Тебе за дар любви, / Хвала Тебе и за все, Христе!*» [Бучилина 1999: 94].

В финальной части, как видно из приведенных примеров, также реализуется мотив просьбы-обращения к Богу о помощи на пути к небесному царству, об укреплении духа молящегося, о даровании силы в борьбе с земными искушениями.

Однако во многих случаях финальные формулы отсутствуют, что объясняется близостью лирических стихов к литературе: некоторые тексты могут иметь исключительно индивидуальный облик.

3. О некоторых динамических тенденциях в синтаксисе жанра

Лирические духовные стихи обеих тематических групп – единственная жанровая разновидность, которая не только не утратила своей продуктивности и сохранности в XX в., но даже многое приобрела, развила, а что-то трансформировала в новые, причем достаточно активные и самобытные, художественные формы.

Значительно возрастает количество текстов и сюжетов. Их тематика весьма пестра и разнообразна. Появляются стихи, отражающие современные реалии, но через призму главной этической ценности жанра: покаяния, аскезы, стремления к Богу: «Под гипнозом атенизмой⁴ в гибель явную идут» [Бучилина 1999: 167].

Новые духовные стихи могут быть достаточно объемными; при их сложении авторы используют известные риторические фигуры поэтического синтаксиса (анафорическое строение, подхваты, экспрессивные повторы и т. д.), вместо силлабических виршей, известных с XVIII в., повсеместно фиксируются стихи, сочиненные уже в традициях силлабо-тонической систе-

⁴ Т. е. «атенизма».

мы (см. пример анапеста): «Без Тебя я ничтожен, как червь на земле, / Без Тебя мне и жить не в отраду, / Без Тебя, Бога света, погибну во мгле, / Без Тебя буду жертвою ада» [Бучилина 1999: 289].

Вообще, жанровый синтаксис духовной лирической поэзии усложняется: появляются нехарактерные для песенного фольклора обособленные обороты, вводные конструкции, сложноподчиненные полипредикативные структуры: «Чтоб самим себя спасти, / Дай нам силы крест нести, / Господи, помилуй!» [АКНЦ. Кол. 28. № 54]. Здесь очевидно сильное влияние книжной традиции, с ее многомерным синтаксисом, свободным от ограничений, накладываемых на традиционный фольклорный текст условиями устного бытования.

Все сказанное позволяет предположить, что жанр духовного стиха эволюционирует от фольклора к литературе. В настоящее время едва ли можно зафиксировать полноценный фольклорный стих на архаичный эпический сюжет. В бытовании жанра намечалась отчетливая тенденция к росту авторского сознания, что, безусловно, сказывается на всех уровнях поэтической системы. Мы наблюдаем постепенный процесс перехода жанра из области фольклора в область литературы. Самостоятельным литературным обработкам подвергаются даже такие классические сюжеты, как «Алексей, человек Божий», «Егорий Храбрый» и т. д. Традиция лирической духовной поэзии современна, актуальна и требует самого подробного изучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели основные черты поэтического синтаксиса русских духовных стихов – эпических, лиро-эпических и лирических. При анализе каждой из этих жанровых разновидностей мы пытались, по мере возможности, учитывать родовую принадлежность текстов (эпос – лирика) и, соответственно, выбирали методику исследования, адекватную разнообразному материалу. Лингвофольклористический анализ синтаксического строя духовных стихов, который бы действительно *учитывал* (а не просто *констатировал*) внутрияжанровые различия, предпринят впервые. Без сомнения, это обстоятельство может трактоваться и как преимущество, и как недостаток. Мир русского духовного стиха огромен и даже неисчерпаем. Многие спорные теоретические и практические вопросы (как из области синтаксиса, так и из области семантики) остались неразрешенными или решенными не в такой степени, не так полно и глубоко, как хотелось бы автору. Очень многое нам удалось очертить лишь контурно, бегло, попутно; некоторые вопросы не получили даже беглого освещения: здесь сказалась невозможность «объять необъятное». Мы посчитали необходимым более подробно рассмотреть лишь отдельные, на наш взгляд самые главные, черты. Многие факты могут иметь иную интерпретацию – это открывает возможность для иных прочтений, а следовательно, для более глубокого, разностороннего понимания поэтики жанра.

В перспективе видится крайне необходимым выход за пределы собственно-лингвистических методов исследования и осуществление анализа синтаксических форм стихотворных фольклорных жанров (не только духовных стихов) в тесной связи с метром, ритмом, размером, т. е. в сочетании с методологией структурной поэтики (так называемая лингвистика стиха). Подобный подход намечен в работах М.Л. Гаспарова и Т.В. Скулачевой [Гаспаров, Скулачева 2004], однако апробирован и реализован преимущественно в отношении литературной поэтической речи. Если бы подобное исследование было выполнено на материале музыкально-стихотворного

фольклора, то оно стало бы новым, и весьма существенным, шагом лингвофольклористики вперед. Оно бы позволило выявить специфику фольклорного стихотворного синтаксиса во всех его нюансах и тончайших переливах. Тщательную разработку этого вопроса тормозит, прежде всего, недостаточная изученность типологии фольклорного стиха. Как указывает М.Л. Гаспаров в Предисловии к сборнику статей американского стиховеда Дж. Бейли, «о литературном стихе во всех учебниках говорится: он бывает силлабическим, силлабо-тоническим и тоническим; и эти три вида стиха описываются более или менее внятно, так что учащийся может их опознать в читаемых стихотворениях. А о народном стихе говорится в лучшем случае, что о нем существуют разные мнения, и ученые еще не столковались, какое надежнее» [Бейли 2001: 9]. Тем не менее, представляется очевидным, что будущее лингвофольклористики (в области стихотворных жанров) не может быть представлено без обращения к лингвистике стиха.

Итак, проведенное исследование выявило, что между группами духовных стихов (эпическими, лиро-эпическими и лирическими) имеются как сходства, так и глубокие, кардинальные различия. По-разному складывается и судьба этих жанровых разновидностей в истории.

Прежде всего, синтаксическая структура всех внутржанровых разновидностей опирается на *тождественные* или *сходные* синтаксические формулы. Таковы, например, синтаксический параллелизм или разные виды эпических повторов, а также полные двусоставные предикативные единицы (обычно *NI – Vf*) и – на полипредикативном уровне – бессоюзная паратактическая связь. Однако в духовных стихах разного рода эти формулы служат для решения *нетождественных* идейно-эстетических и стилистических задач. Прежде всего, они выступают как конструктивные элементы разных, жанрово обусловленных, типов организации речи: монолога и диалога. Взаимодействие монологических и диалогических форм осуществляется в эпических, лиро-эпических и лирических стихах по-разному. Эпический текст – это текст монологический (здесь объективное повествование ведет рассказчик), диалогические же формы необходимы здесь для драматизации сюжета, для передачи всех особенностей взаимоотношений героев, их чувств,

мыслей, выраженных в субъектно-речевой организации. В стихах же лиро-эпических и, в особенности, в лирических монологах лирического «я» – это, в сущности, *диалог*, который ведется с сакральным Адресатом, т. е. диалогизированный монолог. Стихи этих двух типов по самой своей природе диалогичны, они построены не как драматическое действие, близкое по занимательности к новелле и повествующее о близких слушателю вещах, а как личное обращение к трансцендентному миру, выраженное в акте гиперкоммуникации. Лиро-эпические и лирические стихи – это не просто сочетание личного, лирического начала с объективированным эпическим повествованием в разных пропорциях (ощущаемых субъективно), а особый *тип текста*, реализованный в закономерных синтаксических моделях. Лиро-эпические и лирические стихи сближаются не со сказкой или былинной (как эпические), а с проповедью или молитвой (в зависимости от конкретной коммуникативной установки лирического субъекта).

В соответствии с этими разными нарративными типами (эпическое повествование и молитва-обращение к Богу) синтаксические единицы, выступающие их конструктивными элементами, наделяются разными семантическими свойствами. Например, в эпическом тексте формула *NI – Vf* необходима прежде всего для воссоздания событийного ряда, внешней стороны художественного действия со стороны внешнего наблюдателя; в тексте лиро-эпическом – для выражения внутреннего чувства, причем наблюдатель включен в процесс лирического переживания; в покаянной лирике – для выражения обобщенной мысли в информативном регистре вне отношения к конкретному, наблюдаемому действию; в стихах-славословиях – для репрезентации и художественной характеристики сакрального Адресата и для выражения мотива пения славы. Отметим, что в числе этих групп стихов существуют сложные, зачастую не поддающиеся строгому описанию переходные типы. Например, один и тот же стих может быть отнесен и к группе лирических, и к группе лиро-эпических: зачастую бывает трудно провести грань между лирическим *вкраплением* в эпический текст и самостоятельным, полноценным *лиро-эпическим стихом*, в котором внешнее фабульное действие лишь подчинено выражению того или иного чувства и имеет вспомогательное значение.

Разные поэтические функции закреплены и за односоставными предикативными структурами. Так, в стихах эпических они призваны внести индивидуальное (субъективное) лирическое начало в объективное монологическое повествование (например, структуры безличные и инфинитивные). В стихах же лиро-эпических и лирических наиболее частотные определенно-личные конструкции с главным членом – глаголом в форме 2-го лица повелительного наклонения служат для выражения диалогических отношений с сакральным Адресатом и с человечеством (как адресатом проповеди). Отметим, что в стихах эпических такие структуры востребованы только при воссоздании бытового диалога между персонажами (исключение – диалог стиха о Голубиной книге, в котором они выполняют сюжетобразующую функцию в составе информативных диалогических единств). В этой связи необходимо подчеркнуть также значимость *вокативов (обращений)* в разных типах духовных стихов. В стихах эпических они подвергаются аксиологизации и маркируют художественное пространство текста в соответствии с оппозицией «добро – зло», центральной для жанра. В стихах лиро-эпических и покаянных – наряду с выполнением аналогичной функции номинируют адресата (человека, Бога или самого лирического субъекта), к которому обращаются с просьбой, мольбой или призывом, в лирических стихах-кантах функция номинации Адресата совмещается с репрезентативной и оценочной.

Решению разных идейно-эстетических задач служат и способы *морфологического* выражения *подлежащего и сказуемого* в двусоставных схемах. Так, в стихах эпических в роли подлежащего обычны *нарицательные конкретные и собственные существительные*. Существительные нарицательные конкретные в эпическом нарративе являются единственным средством наглядного изображения окружающего мира; имена же собственные выполняют функцию аксиологизированных вербальных ярлыков, определяющих место героя или географического объекта в оппозиции «добро – зло». Однако во многих случаях фольклорный образ неоднозначен, амбивалентен, что отражает тенденцию к углублению психологического плана жанра (таковы, например, миряне, в душе которых борются противоположные стихии – *грех* и *стремление к праведности*). Что касается *личных местоимений* в роли подле-

жащего, то они по семантике близки к былинным анафорическим местоимениям, выполняющим функцию сугубо технических подлежащих в стихах – двусоставных предикативных центрах. Иная картина в стихах лиро-эпических и лирических. Здесь значительно возрастает и даже выдвигается на передний план поэтическая роль *личных местоимений* (я, мы): в лирическом тексте они необходимы для обобщения, художественной типизации, изображения *личных* мыслей и чувств лирического «я» как *всеобщих*. Кроме того, местоимение второго лица *вы* (*ты*) в диалогизированных текстах необходимо для создания молитвословного или гомилетического сообщения, редкого и даже невозможного в эпических стихах. *Имена же существительные* (нарицательные и собственные) по выполняемой функции от существительных эпических стихов в целом не отличаются.

На полипредикативном уровне формульная *бессоюзная структура с семантикой перечисления* в эпических стихах, связывая отдельные мотивы, сконцентрированные в действиях-предикатах двусоставных схем, передает фабульное движение в репродуктивном регистре, от прошлого к настоящему, от экспозиционных формул до финальных, прямо не связанных с действием и не привязанных к определенным сюжетам. В стихах лиро-эпических эта же синтаксическая формула служит опорой для усложненного монтажа регистровых блоков (прежде всего репродуктивного и информативного), что в целом соответствует синкретичной природе этой жанровой разновидности. Еще более обобщены мысли и чувства в лирических покаянных стихах, в которых в информативных регистрах при помощи бессоюзной связи с семантикой перечисления скреплены предикативные единицы, описывающие явления и феномены духовного мира человека *в настоящем времени*, вне ровной хронологической рамки «прошлое – настоящее – будущее». Аналогичную функцию эти структуры выполняют в лирических стихах-славословиях, в которых меняется только характер лирического сообщения (вместо минорной интонации покаянных стихов – интонация мажорная).

Не самыми частотными, но очень важными для жанра и разнообразными по типологии являются полипредикативные *гинотактические* (*подчинительные*) структуры. Благодаря им передача отношений между явлениями окружающего мира становится более

глубокой, точной и определенной (это отличает их от потенциально полисемантических бессоюзных структур). Иногда гипотактические конструкции становятся «формульными знаками» типических мест. Таковы, например, полипредикативные структуры *кто... тот*, конструирующие формульный композиционный блок «благо/наказание, получаемое человеком при условии соблюдения/несоблюдения и выполнения/невыполнения им определенных моральных правил, предписаний, заветов»: *«Кто очистит землю святу русскую, / Тот избавлен будет муки вечния»*.

Изученный материал позволяет также поставить проблему функционирования в языке фольклора синтаксических структур и текстообразующих моделей, которые либо отсутствуют в литературном языке, либо же имеют несколько иной грамматический статус. Мы назвали такие структуры *недифференцированными*, однако, возможно, точнее было бы определение «полисемантические» или «полифункциональные». К числу таких структур в условиях музыкально-стихового строя духовных стихов могут быть отнесены, например, межпредикативные элементы, совмещающие в себе признаки сочинительных союзов и омонимичных им средств распева или делимитации (*и, а, да*). В настоящей работе, отступающей от их традиционной грамматической характеристики, они названы не союзами, а недифференцированными мелодическими скрепами (или союзы-частицы, по терминологии других авторов). По выполняемой функции к недифференцированным мелодическим скрепам примыкают частицы-делимитаторы, маркирующие границы музыкальных фраз (*как, что, да что* и т. п.). Любые недифференцированные (полисемантические, полифункциональные) структуры в языке фольклорных жанров требуют самого тщательного изучения и классификации. Их номенклатура должна быть расширена.

Отдельного рассмотрения в ходе исследования потребовали инициальные и финальные композиционные сегменты всех жанровых разновидностей. Структура образующих их синтаксических формул также обусловлена требованиями жанровой поэтики и прагматики. Так, в эпических стихах, повествующих о событиях прошлого, в *инициальном блоке* органичны традиционные эпические формулы (тождественные или очень близкие былинным, сказочным и т. д.), воссоздающие сакральный хронотоп событий и описывающие поло-

жение дел в семье. Таковы, например, *экзистенциальные* формулы (*Жил-был*), *темпоративные* (*В четверг на шестой неделе*), *локативные* (*Во святом граде Ерусалиме*), *посессивные* (*Не было у них детища единого*) и др. В *финальной* же позиции употребительны формулы, эксплицирующие традиционный эпический мотив пения славы (*Мы славу поем*), дативные конструкции (*Молодым – на послушанье*, *Старым – для памяти*) и нечленимые, а также фразеологизированные структуры *Аминь*, *Аллилуйя* и т. д.

Совсем иное дело – стихи лиро-эпические и в особенности лирические. В целом, *глубинная диалогичность* этих жанровых разновидностей обуславливает выдвижение на передний план других синтаксических формул. Инициальные и финальные блоки, как наиболее сильные, семантически сконцентрированные текстовые сегменты, для выражения глубинной диалогичности особенно актуальны. В числе *инициальных* формул лиро-эпических духовных стихов мы выделили два типа: формулы первого типа эксплицируют эпическое начало данной жанровой разновидности, формулы второго типа – начало лирическое, реализующееся в диалоге с адресатом – Богом или человеком. К формулам первого типа относятся: *локативные* (*Во пустыни тружданин трудился*), *темпоративные* (*Во марте во месяце, во последних днях*), *формулы совместного действия* (*Спустится на землю Михайло-архангел с полками с херувимскими*) и – в единичном случае – *экзистенциальная формула* (*Жил-был старец во пустыне*). К формулам второго типа – *вокативная* (обращения к адресату: *Боже, человеце, Небесная Царица* и т. д.), а также односоставные определенно-личные структуры императивной модальности (*Услышь, Призри* и т. д.). *Финальные* формулы лиро-эпических стихов традиционны и несложны: *Аминь*, *Слава Тебе* и т. п. В *финальной* позиции также реализуется мотив *обращения* к сакральному Адресату: *Сохрани, Не отрини* и т. п.

В лирических покаянных стихах инициальные формулы призваны выразить интонацию скорби, рефлексии лирического «я» в диалогическом текстовом регистре. Для этого могут использоваться фразеологизированные синтагмы в форме риторических восклицаний типа *Горе мне!*, а также *вокативные* формулы в составе одно- или двусоставных предикативных единиц (*Попекись, душа моя, о своём ты спасении*). В *финальной* позиции выражен

мотив пения славы (*Слава Тебе, Боже*), а также используется формула *Аминь*, инвариантная в жанре. Аналогичны синтаксические инициальные и финальные формулы мажорных стихов. Разница заключается в ином эмоциональном наполнении синтаксических схем: здесь это интонация радости, прославления христианской жизни (*Слава, слава в вышних Богу!; Боже, дай подвиг скончати!*).

Отметим, что, поскольку лирические стихи во многом близки индивидуальному творчеству (литературе), степень формульности инициальной и финальной позиций в них меньше, чем в эпических стихах, пронизанных архаичной традицией, с ее формулами, мотивами, образами, сюжетными коллизиями. В некоторых случаях тексты имеют настолько индивидуальный облик, что о фольклорной формульности не приходится говорить. Это уже произведения, литературные по происхождению, но фольклорные по бытованию (Ср. начало и конец одного духовного стиха: «Ах ты, пташка и бедняжка, / Птичка милая моя, / Что так рано залетела / В эти дальние края?»; «Хотя добрых людей много, / Но чужие все кругом, / Все чужие, нет родного, / Нет сочувствия ни в ком» [АКНЦ. Кол. 28. № 62]). Степень их фольклоризации низка.

В предложенном исследовании мы много внимания уделили проблеме исторических изменений в синтаксисе жанра, выявлению причин этих изменений. В эволюции каждой из жанровых разновидностей имеются свои особенности. Эпические стихи забываются и исчезают из живого бытования, а их стихотворная форма уступает место прозаической. Соответственно, жанровый синтаксис становится более «обытовленным»; эпические повторы и межстиховая атрибуция (текстообразующие модели стихотворно-музыкального фольклора) исчезают из употребления, сам жанр духовного стиха приближается, скорее, к сказке. Изменения в жанровом синтаксисе носят, как правило, деструктивный характер. Примерно такая же картина в лиро-эпических стихах. Однако, судя по нашим материалам, здесь более устойчива стихотворная форма. Наиболее устойчива к историческим изменениям группа лирических духовных стихов, которая продуктивна и в настоящее время. Количество сюжетов не только не уменьшилось, но даже возросло, жанровый синтаксис стал сложнее и разнообразнее (появились нехарактерные для языка фольклора обособленные обороты, вводные конструкции и многочисленные гипотактические узлы).

В настоящей работе мы не нашли возможности уделить много места описанию лирических духовных стихов, хотя и отметили важнейшие, с нашей точки зрения, черты. Этот поджанр требует самого пристального внимания со стороны исследователей, специального изучения заслуживают многие отдельные сюжеты, представленные несколькими вариантами, а иногда и не имеющие зафиксированных к настоящему моменту вариантов. Представляется, что развитие новых художественных форм свидетельствует о процессе перехода жанра духовных стихов из области фольклора в область литературы. В данный исторический момент авторские духовные стихи еще подвергаются фольклоризации, однако есть некоторые основания предполагать, что в будущем фольклорное начало жанра будет вытеснено литературным.

Итак, синтаксический строй духовных стихов, с одной стороны, единообразен и включает многие формульные модели и структуры, типичные для языка музыкально-стихотворного фольклора, а с другой стороны, эти модели и структуры предназначены для решения разных поэтических задач, что обусловлено *родовой* спецификой каждой из внутрижанровых групп. Однако, несмотря на все различия (синтаксические, лексические, стилистические и другие) между разными группами духовных стихов, они, без сомнения, составляют отдельный, хотя, может быть, и не всегда цельный, жанр фольклора, со своими ценностями – этическими и эстетическими. На языке и стиле духовных стихов сказываются также их гетерохронность, гетерогенность и влияние книжной традиции, которая, впрочем, непрерывно пересекается и перекликается с устной. Но все разнообразие синтаксических и иных языковых средств функционирует в жанре для выражения главного: *религиозного сознания, христианской морали, духовно-нравственных ориентиров, представления о которых пропущены сквозь призму народного православия*. В духовных стихах выражены представления о добре и зле, грехе и праведности, жизни и смерти, земном деянии и посмертном воздаянии за него. По сравнению, например, с былинами, с их героическим пафосом, в духовных стихах воспеваются иные ценности. Покаянные слезы, борьба с искушениями, телесные и духовные искания и мучения – это, по духовным стихам, единственное условие обретения вечной жизни и покоя в горнем мире. В этом – важнейшее отличие духовных стихов от других фольклорных жанров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амроян 2005 – Амроян И.Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов). М., 2005.

2. Артеменко 1985 – Артеменко Е.Б. К вопросу о функциональном своеобразии конструкций с обращением в русской народной лирической песне // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Историко-диалектологические и сравнительные исследования. Воронеж, 1985. С. 16–22.

3. Артеменко 1988 – Артеменко Е.Б. Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж, 1988.

4. Артеменко 1998 – Артеменко Е.Б. К проблеме повествователя и его языковой репрезентации в фольклоре: на материале былинного эпоса // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 11. Воронеж, 1998. С. 186–195.

5. Артеменко 1977 – Артеменко Е.Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. Воронеж, 1977.

6. Арутюнова 1981 – Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1981. № 4. С. 356–367.

7. Бабаева 2001 – Бабаева К.Б. Однофункциональные предикаты, их типы и роль в прозе В. Набокова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2001.

8. Бахтина 1997 – Бахтина В.А. Хронотоп русского духовного стиха // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 1. М., 1997. С. 75–81.

9. Бахтина 2000 – Бахтина В.А. Духовные стихи в свете повторных записей // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения-99»). Петрозаводск, 2000. С. 16–24.

10. Бейли 2001 – Бейли Дж. Избранные статьи по русскому народному стиху. М., 2001.

11. Белова 2001 – Белова О.В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М., 2001.

12. Буслаев 1959 – Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

13. Буслаев 1861 (а) – Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. Русская народная поэзия. СПб., 1861.

14. Буслаев 1861 (б) – Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1861.

15. Буштян 1982 – Буштян Л.М. Общеязыковая коннотация собственного имени в художественном произведении // Русское языкознание. Киев, 1982. Вып. 4. С. 95–100.

16. Буштян 1989 – Буштян Л.М. Влияние русского поэтического текста на коннотацию собственного имени // Русское языкознание. Киев, 1989. Вып. 19. С. 135–139.

17. Валимова 1973 – Валимова Г.В. Сложное предложение и сочетание предложений // Вопросы синтаксиса современного русского литературного языка. Ростов-на-Дону, 1973. С. 90–98.

18. Вейль 2007 – Вейль Г. Симметрия. М., 2007.

19. Вейхман 1961 – Вейхман Г.А. К вопросу о синтаксических единствах (на материале современного английского языка) // Вопросы языкознания. № 2. 1961. С. 97–105.

20. Венгранович 1996 – Венгранович М.А. Предложения с однородными членами и их жанрово-стилистические функции в русской исторической песне XVII–XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996.

21. Веселовский 1940 – Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940.

22. Винокур 1953 – Винокур Т.Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.

23. Гаспаров, Скулачева 2004 – Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Статьи о лингвистике стиха. М., 2004.

24. Гвоздев 1955 – Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1955.

25. Герасимова 1978 – Герасимова Н.М. Формулы русской волшебной сказки // Советская этнография. № 5. 1978. С. 18–28.

26. Гинзбург 1974 – Гинзбург Л.Я. О лирике. Л., 1974.

27. Грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980.

28. Гура 1997 – Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

29. Гуревич 1984 – Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

30. Диброва 2001 – Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. Ч. 2. Морфология. Синтаксис / Под ред. Е.И. Дибровой. М., 2001.

31. Доброва 2004 – Доброва С.И. Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия. Воронеж, 2004.

32. Евгеньева 1951 – Евгеньева А.П. Сочетание «жили-были» в сказочном зачине // Памяти акад. Л.В. Щербы (1880–1944). Л., 1951. С. 165–174.
33. Зайцева 1992 – Зайцева А.И. Паронимическое наложение в поэтических формулах духовных стихов как результат взаимодействия двух речевых культур // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1992. С. 96–102.
34. Земская 1968 – Земская Е.А. Русская разговорная речь. М., 1968.
35. Земская 1973 – Русская разговорная речь / Под ред. Е.А. Земской. М., 1973.
36. Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 – Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
37. Иванов 1978 – Иванов В.В. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
38. Калашникова 1997 – Калашникова Е.А. К вопросу о формульности эпического текста // Рябининские чтения – 95. Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера: Сб. докладов. Петрозаводск, 1997. С. 226–230.
39. Калашникова 1998 – Калашникова Е.А. Синтаксический параллелизм как средство организации эпического текста (на материале былин киевского цикла и рун «Калевалы»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998.
40. Карпенко 1986 – Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. № 4. 1986. С. 34–40.
41. Ковтунова 1986 – Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
42. Колесов 1988 – Колесов В.В. Язык и стиль фольклорного плача и духовного стиха // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1988. С. 15–24.
43. Костюхин 2004 – Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору. М., 2004.
44. Криничная 1987 – Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.
45. Криничная 2004 – Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004.
46. Кузнецова 2010 – Кузнецова В.П. Старообрядческие духовные стихи Карелии // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвящённой 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 241–248.
47. Лаптева 2003 – Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 2003.

48. Левкиевская 2009 – Левкиевская Е.Е. Пространство // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 тт. Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 304–308.

49. Лихачев 1979 – Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1979.

50. Лорд 1994 – Лорд А.Б. Сказитель. М., 1994.

51. Лотман 1973 – Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. Т. VI. Тарту, 1973. С. 227–243.

52. Лотман 1992 – Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х тт. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 407–412.

53. Лухт 1977 – Лухт Л.И. Категории бытия и обладания (французско-румынские параллели) // Категории бытия и обладания в языке. М., 1977. С. 125–143.

54. Ляпидевская 1965 – Ляпидевская Н.С. К вопросу об изучении разговорно-диалогической речи // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. № 326. Современный русский язык: Синтаксис и морфология. М., 1965. С. 285–299.

55. Мальцев 1989 – Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (исследование по эстетике устно-поэтического канона). Л., 1989.

56. Медриш 1980 – Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Издательство Саратовского университета. Саратов, 1980.

57. Мелетинский 1968 – Мелетинский Е.М. Эда и ранние формы эпоса. М., 1968.

58. Мелетинский 1979 – Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. М., 1979.

59. Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал 1969 – Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 236. Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969. С. 86–135.

60. Михайлов 1987 – Михайлов В.Н. Специфика собственного имени в художественном тексте // Филологические науки. № 12. 1987. С. 78–82.

61. Михлина 1955 – Михлина М.Л. Из наблюдений над синтаксисом диалогической речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955.

62. Мухелишвили, Шрейдер 1997 – Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Автокоммуникация как необходимый компонент коммуникации // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1997. № 5. С. 1–10.

63. Мухина 2006 – Мухина Е.А. Динамика текста эпического духовного стиха (на материале сюжетов «Алексей человек Божий», «Два Лазаря», «Егорий Храбрый»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006.

64. Неклюдов 1972 – Неклюдов С.Ю. Время и пространство в былинке // Славянский фольклор. М., 1972. С. 18–45.

65. Неклюдов 1978 – Неклюдов С.Ю. О стилистической организации монгольской «Гесериады» // Памятники книжного эпоса: Стиль и типологические особенности. М., 1978. С. 49–67.

66. Немешайлова 1963 – Немешайлова А.В. Использование категории вида глагола в качестве средства выражения характера побуждения и его эмоциональных оттенков // Вопросы синтаксиса и стилистики русского литературного языка. Труды III–IV конференций кафедр русского языка педагогических институтов Поволжья. Куйбышев, 1963. С. 258–281.

67. Никитина 1981 – Никитина С.Е. Об общих признаках текстов заговоров и духовных стихов // Структура текста-81: Тезисы симпозиума. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1981. С. 92–93.

68. Никитина 1993 (а) – Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

69. Никитина 1993 (б) – Никитина С.Е. Духовные стихи в современной старообрядческой культуре: место, функции, семантика // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Международный съезд славистов (Братислава, сентябрь, 1993 г.). М., 1993. С. 247–259.

70. Никитина 1999 – Никитина С.Е. Духовные стихи // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 тт. Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 158–162.

71. Никитина 2005 – Никитина С.Е. Собственные имена в жанрах русского религиозного фольклора // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. С. 279–281.

72. Никитина 2006 – Никитина С.Е. К проблеме составления словарей языка фольклора // Первый всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов. Т. 2. М., 2006. С. 66–82.

73. Никитина 2009 – Никитина С.Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект). М.: Институт языкознания РАН, 2009.

74. Новиков 1971 – Новиков Ю.А. К вопросу об эволюции духовных стихов // Русский фольклор. Т. 12. Л., 1971. С. 208–220.

75. Новичкова 2001 – Новичкова Т.А. Эпос и миф. СПб., 2001.

76. Новоселова 2007 – Новоселова В.А. Десемантизированные частицы в языке былин // Язык и культура: Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию профессора Л.В. Савельевой. Петрозаводск, 2007. С. 91–96.

77. Оссовецкий 1979 – Оссовецкий И.А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи. М., 1979. С. 199–252.

78. Петров 2004 – Петров А.М. Диалог как способ построения текста «Голубиной книги» // Язык русского фольклора: Сб. научных трудов. Петрозаводск, 2004. С. 136–144.

79. Петров 2005 – Петров А.М. Синтаксический строй духовного стиха о Голубиной книге: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2005.

80. Петров 2008 – Петров А.М. «Не два зайчика сохотдились – сохотдилась Правда со Кривою...»: о способах поэтического представления абстрактных сущностей в народной культуре (по материалам русских духовных стихов) // Православие в Карелии: Материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов (16–17 октября 2007 г.). Петрозаводск, 2008. С. 266–276.

81. Петров 2011 – Петров А.М. Методология современной лингвофольклористики и некоторые проблемы изучения фольклорного текста // Методы и принципы современных гуманитарных исследований: Сборник научных работ аспирантов и молодых ученых. Петрозаводск, 2011. С. 4–12.

82. Петров 2012 – Петров А.М. О трех типах диалогизации монологического дискурса в русских лиро-эпических духовных стихах // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Литературоведение. Фольклористика». № 18(89). 2012. С. 52–70.

83. Платон 1998 – Платон. Диалоги / Сост. А.Ф. Лосев. М., 1998.

84. Поспелов Н.С. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. М., 1960.

85. Потебня 1968 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.

86. Прокопович 1982 – Прокопович Е.Н. Глагол в предложении: Семантика и стилистика видо-временных форм. М., 1982.

87. Пропп 1958 – Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958.

88. Пропп 1976 – Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976.

89. Пропп 2007 – Пропп В.Я. В свете фольклора. М., 2007.

90. Прохвятилова 1999 – Прохвятилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград, 1999.

91. Путилов 1966 – Путилов Б.Н. Искусство былинного певца (из текстологических наблюдений над былинами) // Принципы текстологического изучения фольклора. М. – Л., 1966. С. 220–259.

92. Путилов 1976 – Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.

93. Разумова 1991 – Разумова И.А. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. Петрозаводск, 1991.

94. Рожкова 2005 – Рожкова А.В. Синтаксические структуры оригинальной русской гимнографии в аспекте жанровой семантики и прагматики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2005.
95. Рыбаков 1987 – Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
96. Савельева 1988 – Савельева Л.В. Полицентризм как архаическая черта синтаксического строя устнопоэтических произведений // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1988. С. 39–50.
97. Савельева 2007 – Савельева Л.В. О финальных структурах «Онежских былин» в записях А.Ф. Гильфердинга // Лингвофольклористика на рубеже XX–XXI вв.: Итоги и перспективы. Петрозаводск, 2007. С. 42–54.
98. Санников 2008 – Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.
99. Святогор 1960 – Святогор И.П. О некоторых особенностях синтаксиса диалогической речи в современном русском языке. Калуга, 1960.
100. Селиверстова 1977 – Селиверстова О.Н. Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке // Категории бытия и обладания в языке. М., 1977. С. 5–67.
101. Сиротинина 1974 – Сиротинина О.Б. Конструкции с плеонастическим местоимением в разговорной речи // Синтаксис и норма. М., 1974. С. 204–219.
102. Скляревская 2000 – Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000.
103. Славянская мифология 2002 – Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 2002.
104. Соколов 2007 – Соколов Ю.М. Русский фольклор. М.: Издательство Московского университета, 2007.
105. Суйсарь 1997 – Село Суйсарь: История, быт, культура / Отв. ред. Т.В. Краснопольская, В.П. Орфинский. Петрозаводск, 1997.
106. Тарланов 1981 – Тарланов З.К. Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1981.
107. Тарланов 1992 – Тарланов З.К. Заметки о синтаксисе гимнов русских баптистов // Язык русского фольклора. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1992. С. 81–95.
108. Тарланов 1999 – Тарланов З.К. Русские пословицы: Синтаксис и поэтика. Петрозаводск, 1999.
109. Тарланов 2005 – Тарланов З.К. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск, 2005. С.
110. Тарланов 2008 – Тарланов З.К. Динамика в развитии и функционировании языка. Петрозаводск, 2008.
111. Толстая 2005 – Толстая С.М. Фольклор и этнолингвистика // Первый всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докладов. Т. 1. М., 2005. С. 118–132.

112. Узоры 1980 – Узоры симметрии. М., 1980.
113. Федотов 1991 – Федотов Г.П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.
114. Филиппов 2003 – Филиппов К.А. Лингвистика текста: Курс лекций. СПб., 2003.
115. Хлыбова 2004 – Хлыбова Т.В. Эстетика духовного стиха // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 6. М., 2004. С. 144–158.
116. Хроленко 1975 – Хроленко А.Т. «...И жар холодных числ...» // Русская речь. № 4. 1975. С. 38–42.
117. Хроленко 1981 – Хроленко А.Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж, 1981.
118. Хроленко 1988 – Хроленко А.Т. Из наблюдений над природой имени собственного в фольклорном тексте // Лексика русского языка и ее изучение. Рязань, 1988. С. 53–60.
119. Хроленко 1992 – Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж, 1992.
120. Чернов 1970 – Чернов В.И. К вопросу о происхождении словосочетания *жили-были* // Ученые записки Смоленского педагогического института. 1970. Вып. 24. С. 170–173.
121. Шапиро 1955 – Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации. М., 1955.
122. Шахматов 2001 – Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 2001.
123. Шведова 1956 – Шведова Н.Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // Вопросы языкознания. № 2. 1956. С. 67–82.
124. Шведова 2003 – Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 2003.
125. Штокмар 1952 – Штокмар М.П. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952.
126. Шубников, Копчик 1972 – Шубников А.В., Копчик В.А. Симметрия в науке и искусстве. М., 1972.
127. Щерба 1915 – Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. Т. 1. Пг., 1915.
128. Щерба 1957 – Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
129. Эйхенбаум 1927 – Эйхенбаум Б.М. О Генри и теория новеллы // Эйхенбаум Б.М. Литература: Теория. Критика. Полемика. Л., 1927. С. 166–209.
130. Язык русского фольклора 1977 – Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1977.
131. Якубинский 1923 – Якубинский Л.П. О диалогической речи // Русская речь. 1923. Вып. 1. С. 96–194.

ТЕКСТЫ-ИСТОЧНИКИ

АКНЦ – Архив Карельского научного центра РАН (Русские эпические песни: Каталог рукописного фонда научного архива КНЦ АН СССР / Сост. В.П. Кузнецова. Научный редактор Н.Ф. Онегина. Петрозаводск, 1990).

Бессонов – Бессонов П.А. Калеки переходные. М., 1861–1863.

Бучилина 1999 – Духовные стихи. Канты: Сб. духовных стихов Нижегородской области / Сост., вступ. статья, подготовка текстов, исследование и комментарии Е.А. Бучилиной. М., 1999.

Григорьев 1904 – Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым. Т. 1. М., 1904.

Истомин, Дютш 1894 – Истомин Ф.М., Дютш Г.О. Песни русского народа, собранные в губернии Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб., 1894.

Кирша Данилов 1958 – Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М. – Л., 1958.

Ляцкий 1912 – Ляцкий Е.А. Стихи духовные. Словеса золотые. СПб., 1912.

Марков 1901 – Марков А.В. Беломорские былины. М., 1901.

Поздеева 2007 – Кому повем печаль мою: Духовные стихи Верхоямья. Исследования и публикации / Под ред. И.В. Поздеевой. М., 2007.

Пухова, Мануковская, Чернобаева 2011 – Духовные стихи Воронежского края / Подг. текстов и составление Т.Ф. Пуховой, Т.В. Мануковской, А.А. Чернобаевой. Воронеж, 2011.

Селиванов 1991 – Стихи духовные / Сост. Ф.М. Селиванов. М., 1991.

Соколовы 2007 – Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых (1926-1928): По следам Рыбникова и Гильфердинга. Т. 1. Эпическая поэзия. М., 2007.

Солощенко, Прокошин 1991 – Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / Сост. Л.Ф. Солощенко, Ю.С. Прокошин. М., 1991.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ С ПАСПОРТИЗАЦИЕЙ

1. Эпические стихи

«Сон Богородицы»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 75. Л. 203–204. Зап. от Костиной Марии Ананьевны, 52 л., колхозницы, грамотной, в июне-июле 1935 г. в с. Калгалакша Кемского района И. Этиной.

2) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 96. Л. 252–254. Зап. от Ерловой Ульяны Самсоновны, 56 л., колхозницы, неграмотной, в 1935 г. в с. Калгалакша Кемского района И. Этиной.

3) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 105. Л. 271–272. Зап. от Костиной Харитины Ивановны, 76 л., неграмотной, в 1935 г. в с. Калгалакша Кемского района И. Этиной.

4) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 215. Л. 266–267. Зап. от Ивановой Анны Ивановны в 1935 г. в дер. Гридино Кемского района И. Этиной.

5) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 113. Л. 166. Зап. от ? в 1956 г. в Медвежьегорском районе студентами МГУ.

6) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 150. Л. 197. Зап. от Назарьевой Анастасии Александровны, 1896 г. рождения, в 1956 г. в Медвежьегорском районе студентами МГУ.

7) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 325. Л. 419–420. Зап. от Трофимовой Анастасии Андреевны 9–10 июля 1956 г. в дер. Воробьи Кижского погоста Медвежьегорского района студентами МГУ.

8) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 147. № 108. Л. 140–143. Зап. от Медведевой Марии Степановны, 64 л. (род. в дер. Паяницы), грамотной, в 1982 г. в Медвежьегорском районе Онегиной Н.Ф., Пакконен А.Т.

9) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 82. № 139. Л. 250–252. Зап. от Сахатаровой Марии Александровны, 61 г., в дер. Ярчево Пудожского района Сенькиной Т.И., Кузнецовой В.П.

10) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 82. № 139. Л. 251–252. Зап. от Сахатаровой М.А., 61 г., в дер. Ярчево Пудожского района Сенькиной Т.И., Кузнецовой В.П.

11) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 140. № 143. Л. 169–171. Зап. от Лазаревой Таисьи Алексеевны, 69 л., в 1978 г. в г. Пудоже Кузнецовой В.П.

12) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 140. № 144. Л. 172. Зап. от Лазаревой Таисьи Алексеевны, 69 л., в 1978 г. в г. Пудоже Кузнецовой В.П.

13) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 140. № 291. Л. 350–352. Зап. от Лазаревой Таисьи Алексеевны, 69 л., в 1978 г. в г. Пудожье Кузнецовой В.П.

14) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 1077. Л. 366–367. Зап. от Фёдоровых Фёдора Ивановича и Матрёны Ефимовны, 76 л. и 66 л., в 1956 г. в Беломорском районе студентами МГУ.

«Голубиная книга»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 15. № 13. Л. 60–61. Зап. от Конашко-ва Фёдора Андреевича в 1937 г. в Пудожском районе Ивановой М.А.

2) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 27. № 176. Л. 231–236. Зап. от ? в 1913 г. в с. Сорока Беломорского района И.М. Дуровым.

3) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 27. № 198. Л. 447–451. Зап. от ? в 1912 г. в Беломорском районе И.М. Дуровым.

4) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 40. № 61. Случайные поступления. Неизвестен ни исполнитель, ни собиратель, ни время, ни место, ни цель записи. Возможно, это не запись исполнения, а просто текст, переписанный из неизвестного источника. Нет начала (сохранился лист с серединой и окончанием стиха).

5) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 40. № 174. Случайные поступления. Это фрагмент начала «Голубиной книги».

6) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 131. № 286. Л. 134–135. Зап. от Мыхиной Фёклы Ивановны, 68 л., в августе 1972 г. в дер. Колежма Беломорского района Разумовой А.П. и Русаковой Е.И.

7) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 33. Л. 93–94. Зап. от Крошничной Анисьи Григорьевны, 1902 г. р., 28 июня 1981 г. в с. Колежма Беломорского района Разумовой А.П. и Разумовой И.А.

8) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 40. Л. 109–112. Зап. от Мыхиной Фёклы Ивановны, 1904 г. р., 29 июня 1981 г. в с. Колежма Беломорского района Разумовой А.П. и Разумовой И.А.

«Егорий и змей»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. № 46. Л. 95–98. Зап. от Филатовой Анисьи Фёдоровны в июле 1928 г. в дер. Лапино Беломорского района Астаховой А.М.

2) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 29. № 105. Л. 1096–1099. Зап. от Богдановой Натальи Михайловны 20 июля 1938 г. в с. Колежма Беломорского района Ленсу Е.Я. и Хайкиной Л.В.

3) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36. № 146. Л. 124–126. Зап. от Галашкиной Анны Васильевны, 61 г., в 1957 г. в ст. Шуерецкая Беломорского района Вавилиной С., Лукиной Л., Сухановой И.

4) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36 / 1. № 39. Л. 55–57. Зап. от Галашкиной Анны Васильевны, 61 г., в 1957 г. в с. Шуерецкое Кемского района Балашовым Д.

5) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36 / 1. № 476. Л. 75–76. Зап. от Логиновой Анастасии Петровны, 53 л., в 1957 г. в с. Шуерецкое Кемского района Балашовым Д.

6) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 726. Л. 33–37. Зап. от Воробьёвой Александры Дмитриевны, 85 л., в 1956 г. в Беломорском районе студентами МГУ.

7) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 934. Л. 95–98. Зап. от Митряковой Акулины Лазаревны в 1956 г. в Беломорском районе Ремезовой Е.А., Гацаком В.М., Гавриловой Л.Н.

8) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 131. № 272. Л. 107–108. Зап. от Пайкачёвой Марфы Ивановны, 77 л., в августе 1972 г. в д. Колежма Беломорского района Русаковой Е.И.

9) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 24. Л. 73–75. Зап. от Суслоновой Анфисы Ивановны, 91 г., 26 июня 1981 г. в с. Сумский посад Беломорского района Разумовой А.П., Разумовой И.А.

10) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 43. Л. 119–122. Зап. от Мыхиной Фёклы Ивановны, 1904 г. р., 29 июня 1981 г. в с. Колежма Беломорского района Разумовой А.П., Разумовой И.А.

11) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 50. Л. 141–143. Зап. от Синициной Зинаиды Кирилловны, 1911 г. р., 29 июня 1981 г. Разумовой А.П., Разумовой И.А.

12) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 60. Л. 159–160. Зап. от Крошнинной Анисьи Григорьевны, 1902 г. р., 30 июня 1981 г. в с. Колежма Беломорского района Разумовой А.П., Разумовой И.А.

13) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 89. № 37. Л. 84–90. Зап. от Мелеховой Ольги Михайловны, 56 л., 20 марта 1938 г. в д. Сопоха Кондопожского района Родиной Е.П.

14) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 107. № 50. Л. 52–54. Зап. от Ватчиевой Анастасии Васильевны, 50 л., 29 декабря 1937 г. в дер. Мартнаволоок Кондопожского района Родиной Е.П.

15) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 70. № 4. Л. 135–147. Зап. от Горшкова Петра Григорьевича, 63 л., в мае 1938 г. в д. Демидово Медвежьегорского района Космозерского с/с Родиной Е.П.

16) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 30. Л. 51–53. Зап. от Рогозиной Меланьи Павловны, 72 л., в 1956 г. в д. Моталово Медвежьегорского района студентами МГУ.

17) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 80. № 50. Л. 94–98. Зап. от Колчиной Анны Николаевны, 72 л., в 1957 г. в д. Демеховская Медвежьегорского района. Собиратель – Полищук Н.С.

18) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 147. № 109. Л. 144–146. Зап. от Медведевой Марии Степановны, 64 л., в 1982 г. в пос. Шуньга Медвежьегорского района Онегиной Н.Ф., Пакконен А.Т.

19) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 2. № 2. Л. 7–9. Зап. от Шпагиной Домны Андреевны, 78 л., в июле 1938 г в д. Заозерье Пудожского района Дмитриченко В.

20) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 15. № 12. Л. 57–60. Зап. от Конашкова Фёдора Андреевича, 1859 г. р., в 1937 г. в д. Семеново Пудожского района Ивановой Марией Антоновной.

21) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 17. № 95. Л. 7–8. Зап. от Портнягина Александра Андреевича, 78 л., в 1945 г. в д. Старое Сигово Пудожского района Беловановой А.В.

22) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 21. № 142. Л. 42–43. Зап. от Ремезовой Ксении Егоровны, 76 л., 3 июля 1961 г. в д. Алексеево Пудожского района. Собиратели – Пяллинен Н., Шарапова И.

23) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 23. № 388. Л. 194–195. Зап. от Шпагиной Дарьи Семёновны, 87 л., неграмотной, 15 июня 1969 г. в д. Заозерье Пудожского района Криничной Н.А., Сенькиной Т.

24) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 93. № 229. Л. 666–668. Зап. От Кокоуровой Марии Ивановны, 76 л., в 1976 г. в пос. Кривцы Пудожского района Кузнецовой В.П.

25) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 140. № 2. Л. 4–7. Зап. от Лазаревой Таисьи Алексеевны, 69л., в 1978 г. в г. Пудож Кузнецовой В.П.

26) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 140. № 278. Л. 325–328. Зап. От Лазаревой Таисьи Алексеевны, 1909 г. р., в декабре 1978 г. в г. Пудож Кузнецовой В.П.

«Мучения Егория»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 648. Л. 373. Зап. от Афониной Матрёны Николаевны, 72 л., в 1956 г. в дер. Воренжа Беломорского района Савушкиной Н.И., Быковской Л., Новиковым Ю., Костюхиным Е.

2) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 902. Л. 400. Зап. от Сидорова Семёна Фёдоровича, 76 л., в 1956 г. в дер. Коросозеро Беломорского района студентами МГУ.

3) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 31. Л. 89–90. Зап. от Крошшиной Анисьи Григорьевны, 1902 г. р., 28 июня 1981 г. в с. Колежма Беломорского района Разумовой А.П., Разумовой И.А.

4) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 42. Л. 117–119. Зап. от Мыхиной Фёклы Ивановны, 1904 г. р., 29 июня 1981 г. в с. Колежма Беломорского района Разумовой А.П., Разумовой И.А.

5) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 49. Л. 138–140. Зап. от Синицыной Зинаиды Кирилловны, 1911 г. р., 29 июня 1981 г. в с. Колежма Беломорского района Разумовой А.П., Разумовой И.А.

6) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 35. № 54. Л. 74–76. Зап. от Ефремовой Анастасии Ивановны, 63 л., в 1956 г. в д. Калгалакша Кемского района Величко Т. и Сухановой И.

7) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 51. № 275. Л. 474–476 (копия). Зап. от Ефремовой Анастасии Ивановны, 69 л., в 1964 г. в д. Калгалакша Кемского района Разумовой А.П., Митрофановой А.А.

8) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 89. № 35. Л. 76–79. Зап. от Мелеховой Ольги Михайловны, 56 л., в 1938 г. в д. Сопоха Кондопожского района Родиной Е.П.

9) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 59. № 353. Зап. от Афанасьевой Прасковьи Демидовны, 71 г., рыбачки, 20 августа 1959 г. в д. Чёрная Река Лоухского района. Собиратель – Полищук Н.С.

10) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 22. Л. 27–29. Зап. от Маклышевой Анастасии Ивановны, 72 л., неграмотной, в 1956 г. в Сенной губе Медвежьегорского района студентами МГУ.

11) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 112. Л. 165–166. Зап. от Васильевой Авдотьи Павловны, 63 л., в 1956 г. в д. Сычёво Медвежьегорского района Гавриловой Л., Гацаком В.М., Савушкиной Н.

12) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 134. Л. 184. Зап. от ? в 1956 г. в Сенной губе Медвежьегорского района.

13) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 340. Л. 436–440. Зап. от Потёмкиной Ольги Васильевны 10 июля 1956 г. в д. Серёдка Медвежьегорского района студентами МГУ.

14) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 424. Л. 96–98. Зап. от Июдина Михаила Ивановича, 64 л., грамотного, в 1956 г. в д. Волкостров Медвежьегорского района Костюхиным Е., Новиковым Ю.

15) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 439. Л. 124–125. Зап. от Шелониковой Аксиньи Тимофеевны, 1876 г. р., неграмотной, в 1956 г. в Сенной губе Медвежьегорского района Новиковым Ю., Костюхиным Е.

16) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 80. № 96. Л. 212–213. Зап. от Исаевой Веры Ивановны в 1957 г. в д. Кривоноговская Медвежьегорского района. Собиратель – Полищук Н.С.

17) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 147. № 110. Л. 146–148. Зап. от Медведевой Марии Степановны, 64 л., грамотной, в 1982 г. в пос. Шуньга Медвежьегорского района Онегиной Н.Ф., Пакконен А.Т.

18) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 8. № 163. Л. 19–21. Зап. от Тихоновой Авдотьи Степановны, 40 л., неграмотной, 7 июля 1940 г. в Пудожском районе. Собиратели – Агулянский Ю., Марголис Б.

19) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 8. № 228. Л. 5–6. Зап. от Батыревой Татьяны Петровны, 57 л., неграмотной, 21 июля 1940 г. в Пудожском районе. Собиратель – Марголис Б.

20) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 21. № 66. Л. 4–5. Зап. от Фофановой Офимьи Ивановны, 64 л., неграмотной, 3 июля 1961 г. в д. Климово Пудожского района Григорьевой Г., Лялиной Л., Пашковой А.

21) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 21. № 212. Л. 28–29. Зап. от Козиной Офимьи Ивановны, 77 л., неграмотной, в июле 1961 г. в д. Алексеево Пудожского района Григорьевой Г.

22) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 22. № 10. Л. 29. Зап. от Амозовой Варвары Никитичны в 1960 г. в д. Алексеево Пудожского района.

23) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 23. № 19. Л. 67–68. Зап. от Фофановой Серафимы Степановны, 70 л., в 1969 г. в г. Пудож Разумовой А.П., Сенькиной Т.И.

24) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 156. № 57. Л. 68. Зап. от Ярышевой Пелагеи Тимофеевны, 1901 г. р., в 1975 г. в д. Римское Пудожского района Самсоновой Л., Хомкиной В.

25) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 970. Л. 171. Зап. от Ерёмкиной Аксины Михайловны, 70 л., неграмотной, в 1956 г. в д. Петровский Ям Сегежского района Астафьевой Л., Дубровиной К.

26) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 37. № 12. Л. 13–15. Зап. от Киршиной Домны Затеевны, 60 л., в 1958 г. в д. Кузрека Терского района Мурманской области Вавилиной С., Сухановой И.

27) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 44. № 3. Л. 23–25. зап. от Березиной Дарьи Затеевны, 67 л., в 1957 г. в с. Умба Терского района Мурманской области Балашовым Д.

28) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 44. № 247. Л. 229–230. Зап. от Чуриловой Анастасии Дорофеевны, 67 л., в 1957 г. в с. Варзуга Терского района Мурманской области Балашовым Д.

29) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 44. № 248. Л. 230а–231. Зап. от Кузнецовой Агафьи Макаровны, 70 л., в 1957 г. в с. Варзуга Терского района Мурманской области Балашовым Д.

«Алексей, человек Божий»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 28. № 125. Л. 246–248 (копия). Зап. от Прокопьевой Аполинарии Ивановны 9 июня 1935 г. в с. Сухое Сорокского района Прокопьевым М.А.

2) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 34. № 49. Л. 4–5. См. предыдущий вариант.

3) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 33. № 74. Л. 63. Зап. от Пашиной Надежды Васильевны, 65 лет, домашней хозяйки, в июле 1947 г. в с. Сумский посад Беломорского района Трошевой Л.

4) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36. № 162. Л. 134–136. Зап. от Богдановой Ольги Семеновны, 67 л., в июле 1957 г. на ст. Шуерецкой Кемского района Вавилиной С., Сухановой И., Лукиной Л.

5) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36 / 1. № 50. Л. 84–93. Зап. от Каллиевой Екатерины Михайловны, 71 г., в 1957 г. в с. Шуерецкое Кемского района Балашовым Д.

6) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 646. Л. 366–371. Зап. от Афониной Матрёны Николаевны, 72 л., в 1956 г. в д. Воренжа Беломорского района Савушкиной Н.И., Быковской Л., Новиковым Ю., Костюхиным Е.

7) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 901. Л. 398–399. Зап. от Сидорова Семёна Фёдоровича, 76 л., в 1956 г. в Беломорском районе студентами МГУ.

8) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 127. № 51. Л. 41–44. Зап. от Каллиевой Екатерины Михайловны, 80 л., в с. Шуерецкое Беломорского района Разумовой А.П., Сенькиной Т.И.

9) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 130. № 13. Л. 61–62. Зап. от Суслоновой Анфисы Ивановны, 80 л., в июле 1971 г. в с. Сумский Посад Беломорского района Разумовой А.П., Коски Т.А.

10) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 25. Л. 76–78. Зап. от Суслоновой Анфисы Ивановны, 91 г., 26 июня 1981 г. в с. Сумский Посад Беломорского района Разумовой А.П., Разумовой И.А.

11) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 32. Л. 90–92. Зап. от Крошнина Анисьи Григорьевны, 1902 г. р., 28 июня 1981 г. в с. Колежма Беломорского района Разумовой А.П., Разумовой И.А.

12) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 47. Л. 132–136. Зап. от Мыхиной Фёклы Ивановны, 1904 г. р., 29 июня 1981 г. в с. Колежма Беломорского района Разумовой А.П., Разумовой И.А.

13) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 51. № 276. Л. 268–269. Зап. от Ефремовой Анастасии Ивановны, 69 л., в 1964 г. в д. Калгалакша Кемского района Разумовой А.П. и Митрофановой А.А.

14) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 73а. Л. 149–151 (копия). Зап. от Ефремовой в июне-июле 1935 г. в д. Калгалакша Кемского района Этиной И.

15) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 78. Л. 157–161 (копия). Зап. от Ерловой Ульяны Серафимовны, 19 л., в июне-июле 1935 г. в д. Калгалакша Кемского района Этиной И.

16) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 142. Л. 289–291 (копия). Зап. от Коноваловой Екатерины Ивановны, 67 л., неграмотной, в июне-июле 1935 г. в д. Гридино Кемского района Этиной И.

17) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 86. № 17. Л. 58–60. Зап. от Акимовой Елены Яковлевны, 61 г., 19 июля 1937 г. в д. Малое Вороново Кондопожского района Мячкиным И.К.

18) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 141. Л. 190. Зап. от Назарьевой Анастасии Александровны, 1896 г. р. в 1956 г. в Медвежьегорском районе студентами МГУ.

19) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 369. Л. 21–22. Зап. от Прохоровой Матрены Андреевны, 56 л., в 1956 г. в Медвежьегорском районе студентами МГУ.

20) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 80. № 47–49. Зап. в 1957 г. в Медвежьегорском районе. Это разрозненные фрагменты разных вариантов. Запись интересна появлением мотива беременности от поедания рыбы – белуги.

21) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 80. № 98. Л. 213–214. Зап. в 1957 г. в Медвежьегорском районе.

22) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 160. № 107. Л. 111–112. Зап. от Кармановой Анастасии Васильевны, 73 л., грамотной, в 1983 г. в Медвежьегорском районе Онегиной Н., Пакконен А.

23) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 8. № 146. Л. 48. Зап. от Мастаковой Ольги Петровны в 1940 г. в Пудожском районе Большаковой О. и Дмитриченко В. В этом варианте Алексей назван Добрыней.

24) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 8. № 298. Л. 25–28. Зап. от Сахаровой Пелагеи Никитичны, 80 л., неграмотной, в 1940 г. в д. Ярчево Каршевского с/с Пудожского района Бутиновым Н.А.

25) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 12. № 11. Л. 105–109 (копия). Зап. от Пашковой Анны Михайловны, 1866 г. р., в марте 1937 г. в д. Семёново Пудожского района Антиповой А.Н.

26) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 15. № 11. Л. 53–57. Зап. от Конашкова Фёдора Андреевича в 1937 г. в д. Семёново Пудожского района. Собиратель не указан.

27) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 21. № 138. Л. 38–39. Зап. от Ремезовой Ксении Егоровны, 76 л., неграмотной, в 1961 г. в Пудожском районе. Собиратели – Пяллинен Н., Шарапова И.

28) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 23. № 21. Л. 70–72. Зап. от Фофановой Серафимы Степановны, 70 л., в июне 1969 г. в г. Пудож Разумовой А.П., Сенькиной Т.И.

29) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 98. № 63. Л. 296–299. Зап. от Ремезова Ивана Никитича в мае-июле 1976 г. в Пудожском районе Сенькиной Т.И., Курец Т.С.

30) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 156. № 53. Л. 57–60. Зап. от Ярышевой Пелагеи Тимофеевны, 74 л., в июле 1975 г. в Пудожском районе студентами Петрозаводского государственного университета. Руководитель экспедиции – Сенькина Т.И.

31) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 971. Л. 171–172. Зап. от Ерёминной Аксиньи Михайловны, 70 л., неграмотной, в 1956 г. в д. Петровский Ям Сегежского района Астафьевой Л., Дубровиной К.

32) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 40. № 164. Л. ? Нумерация и паспорт отсутствуют. Случайные поступления.

«Два Лазаря»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36 / 1. № 47. Л. 74. Зап. от Логиновой Анастасии Петровны, 53 л., в 1957 г. в с. Шуерецкое Кемского района Балашовым Д.

2) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 643. Л. 362–363. Зап. от Афониной Матрёны Николаевны, 72 л., в 1956 г. в д. Воренжа Беломорского района Савушкиной Н.И., Быковской Л., Новиковым Ю., Костюхиным Е.

3) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 936. Л. 101–103. Зап. от Митряковой Акулины Лазаревны в 1956 г. в Беломорском районе Ремезовой Е.А., Гацаком В.М., Гавриловой Л.Н.

4) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 126. № 85. Л. 101–102. Зап. от Сотниковой Анастасии Григорьевны, 69 л., в 1968 г. в д. Нюхча Беломорского района Разумовой А.П., Лавонен Н.А.

5) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 45. № 48. Л. 53–54. Зап. от Миккоевой Павлы Васильевны, 65 л., в декабре 1963 г. в д. Поньгома Кемского района Разумовой А.П., Митрофановой А.А.

6) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 144. Л. 177–178. Зап. от Коноваловой Екатерины Ивановны, 67 л., неграмотной, в 1935 г. в д. Гридино Кемского района Этиной И.

7) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 72. № 44. Л. 130–132. Зап. от Самылина Матвея Егоровича в 1938 г. в Медвежьегорском районе А.Н. Антиповой.

8) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 24. Л. 41–43. Зап. от Маклышевой Анастасии Ивановны, 72 л., неграмотной, в 1956 г. в пос. Сенная Губа Заонежского района студентами МГУ.

9) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 326. Л. 421–422. Зап. от Трофимовой Анастасии Андреевны 9–10 июля 1956 г. в д. Воробьи Кижского погоста. Собиратели: Филатов А., Смирнов Ю., Зузанек Ю.

10) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 423. Л. 93–96 (копия). Зап. от Июдина Михаила Ивановича, 64 л., грамотного, в июле 1956 г. в д. Волкостров Заонежского района Костюхиным Е., Новиковым Ю.

11) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 80. № 33. Л. 58–59. Зап. от ? в 1957 г. в д. Вырозеро Медвежьегорского района. Собиратель – Полищук Н.С.

12) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 147. № 106. Л. 135–139. Зап. от Медведевой Марии Степановны, 64 л., грамотной, в 1982 г. в пос. Шуньга Медвежьегорского района Онегиной Н.Ф., Пакконен А.Т.

13) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 6. № 125. Л. 96–99. Зап. от ? в 1938–1939 гг. в Пудожском районе Беловановой Е.А.

14) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 8. № 100. Л. 64–66. Зап. от Тимониной Авдотьи Никитичны, 64 л., неграмотной, 21 июля 1940 г. в Пудожском районе Большаковой О.Г.

15) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 21. № 112. Л. 5–6. Зап. от Хотинной Анастасии Яковлевны, 74 л., 3 июля 1961 г. в д. Кильпога Пудожского района. Собиратели – Пяллинен Н., Шарапова И.

16) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 21. № 140. Л. 40–41. Зап. от Ремезовой Ксении Егоровны, 76 л., неграмотной, 3 июля 1961 г. в д. Алексеево Пудожского района. Собиратели – Пяллинен Н., Шарапова И.

17) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 21. № 192. Л. 74. Зап. от Михеевой Варвары Алексеевны, 74 л., грамотной, 7 июля 1961 г. в д. Авдеево Пудожского района Григорьевой Г., Шараповой И.

18) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 22. № 10а. Л. 30–31 (копия). Зап. от Амозовой Варвары Никитичны и Фофановой в 1960 г. д. Алексеево Пудожского района.

19) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 23. № 18. Л. 65–67. Зап. от Фофановой Серафимы Степановны, 70 л., в июне 1969 г. в г. Пудож Разумовой А.П., Сенькиной Т.И.

20) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 23. № 199. Л. 127–129. Зап. от Савинковой Пелагеи Михайловны, 67 л., в июне 1969 г. в д. Кашино Пудожского района Разумовой А.П., Сенькиной Т.И., Коски Т.А.

21) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 138. № 277. Л. 58–60. Зап. от Сёмкиной Пелагеи Михайловны, 1905 г. р., в июле 1978 г. в д. Кашино Пудожского района. Собиратели – Руденок Л., Новичкова Л., Кузнецова Т. (студенты Петрозаводского государственного университета).

22) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 37. № 115. Л. 131–133. Зап. от Конёвой Евдокии Дмитриевны, 60 л., в 1958 г. в Мурманской области. Собиратель – Полищук Н.С.

23) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 38. № 66. Л. 147–149. Зап. от Конёвой Евдокии Дмитриевны в 1961 г. в Мурманской области Балашовым Д.М.

24) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 38. № 231. Л. 31–32. Зап. от Богдановой Серафимы Прокофьевны, 55 л., в 1961 г. в с. Кузомень Мурманской области Рогозиной А., Курочкиной О.

«Аника-воин»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 40. № 5. Л. 1–2. Сообщ. Шкалиным А.А. Рыбникову П.

2) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 2. № 7. Л. 20–22. Зап. от Егоровой Степаниды Яковлевны, 47 л., грамотной, в августе 1938 г. в д. Малая Пога Пудожского района Дмитриченко В.

3) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 8. № 245. Л. 34–35. Зап. от Егоровой Степаниды Яковлевны, 48 лет, колхозницы, грамотной, в июле 1940 г. в д. Малая Пога Пудожского района Агулянским Ю.

4) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 6. № 49. Л. 35–36. Зап. от Конашковой Ульяны Игнатьевны в августе 1938 г. в Пудожском районе Беловановой Е.А. Контаминация с былиной об Илье Муромце.

«Борис и Глеб»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 27. № 189. Л. 14–17. Зап. от ? в 1912 г. в Беломорском районе И. Дуровым.

«Жена милосердная»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 366. Л. 19. Зап. от Прохоровой Матрёны Андреевны, 56 л., в 1956 г. в д. Кургеницы Медвежьегорского района студентами МГУ.

2) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 147. № 105. Л. 133–135. Зап. от Медведовой Марии Степановны, 64 л., в 1982 г. в пос. Шуньга Медвежьегорского района Онегиной Н.Ф., Пакконен А.Т.

3) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 160. № 149. Л. 157–158. Зап. от Медведовой Марии Степановны, 65 л., грамотной, в 1983 г. в пос. Шуньга Медвежьегорского района Онегиной Н.Ф., Пакконен А.Т.

«Вознесение Христа»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 644. Л. 363–364. Зап. от Афоной Матрёны Николаевны, 72 л., неграмотной, в 1956 г. в д. Воренжа Беломорского района Савушкиной Н.И., Быковской Л., Новиковым Ю., Костюхиным Е.

2) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 727. Л. 37. Зап. от Воробьёвой Александры Дмитриевны, 85 л., в 1956 г. в д. Воренжа Беломорского района Костюхиным Е., Савушкиной Н.

3) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 1076. Л. 365–366. Зап. от Фёдоровых Фёдора Ивановича и Матрёны Ефимовны, 76 и 66 л., в 1956 г. в Беломорском районе студентами МГУ.

4) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 126. № 27. Л. 27–28. Зап. от Поповой Праксисы Ефимовны, 72 л., в апреле 1968 г. в д. Нюхча Беломорского района Разумовой А.П., Лавонен Н.А.

5) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 126. № 68. Л. 70–71. Зап. От Кармановой Августы Андреевны, 73 л., грамотной, в апреле 1968 г. в д. Нюхча Беломорского района Разумовой А.П., Лавонен Н.А.

6) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 130. № 28. Л. 97–98. Зап. от Пайкачёвой Марфы Ивановны, 76 л., в июле 1971 г. в д. Колежма Беломорского района Разумовой А.П. и Коски Т.А.

7) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 23. Л. 72–73. Зап. от Суслоновой Анфисы Ивановны, 91 г., 26 июня 1981 г. в с. Сумский Посад Беломорского района Разумовой А.П., Разумовой И.А.

8) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 38. Л. 103–105. Зап. от Крошниной Анисьи Григорьевны, 1902 г. р., 28 июня 1981 г. в с. Колежма Беломорского района Разумовой А.П., Разумовой И.А.

9) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 41. Л. 113–116. Зап. от Мыхиной Фёклы Ивановны, 1904 г. р., 29 июня 1981 г. в с. Колежма Беломорского района Разумовой А.П., Разумовой И.А.

10) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 70. Л. 177–178. Зап. от Палховской Марии Степановны, 1903 г. р., 2 июля 1981 г. в с. Колежма Беломорского района Разумовой А.П., Разумовой И.А.

11) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 73. Л. 97–98. Зап. от ? в 1935 г. в Кемском районе Этиной И.

12) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 154. Л. 184–185. Зап. от Коноваловой Екатерины Ивановны, 67 л., неграмотной, в 1935 г. в д. Гридино Кемского района Этиной И.

13) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 63. Л. 98–99. Зап. от Федькиной Татьяны Игнатъевны, 71 г., неграмотной, в 1956 г. в пос. Сенная Губа Медвежьегорского района студентами МГУ.

14) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 436. Л. 119–120. Зап. от Шелониковой Аксиньи Тимофеевны, 1876 г. р., в 1956 г. в пос. Сенная Губа Медвежьегорского района Новиковым Ю., Костюхиным Е.

15) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 15. № 35. Л. 126–127. Зап. от Конашкова Фёдора Андреевича в 1937 г. в д. Семёново Пудожского района Ивановой М.А.

«Варвара-великомученица»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 21. № 213. Л. 29–30. Зап. от Козиной Офимьи Ивановны, 77 л., неграмотной, в июле 1961 г. в д. Алексеево Пудожского района Григорьевой Г.

«Воскресение Христово» (околофольклорный текст)

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 28. № 59. Л. 91–92. Зап. от ? в 1935 г. в Беломорском районе Дуровой Верой Петровной. Текст литературного происхождения. Написан четырехстопным хореем («Спит Сион и дремлет злоба, / Спит во гробе царь царей, / Запечатан камень гроба, / Всюду стража у дверей» и т. д.).

«Затворница XX столетия» (околофольклорный текст)

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 28. № 61. Л. 102–104. Зап. от ? в 1935 г. в Беломорском районе Воробьёвым А.М., Дуровой В.П. Литературный текст. Написан четырехстопным хореем («На последний век двадцатый / В Москве-городе жила, / Та затворница спасалась, / Дева чудная была» и т. д.).

«О потопе Ноевом»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 27. № 188. Л. 260–263. Зап. от ? в 1912 г. в Беломорском районе Дуровым И.

«О преподобном Трифоне»

1) АКНЦ. Ф. 1. оп. 1. Кол. 56. № 244. Л. 351. Зап. от Редкиной Капитолины Евдокеевны, 56 л., неграмотной, в июне-июле 1935 г. в д. Калгалакша Кемского района Этиной И.

«Моление в Гефсиманском саду»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 28. № 60. Л. 92. Зап. от ? в 1935 г. в Беломорском районе Дуровой В.П.

«О старце» («Ехал старец из пустыни»...)

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 35. № 100. Л. 128. Зап. от Ефремовой Риммы Васильевны, 35 л., в 1956 г. в пос. Калгалакша Кемского района Сухановой И., Величко Т.

«Сорок калик со каликою»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 13. № 7. Л. 51–74. Зап. от Ремезова Никиты Антоновича, 1877 г. р., в 1938 г. в д. Алексеево Пудожского района Родиной Е.

2) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 21. № 137. Л. 36–37. Зап. от Ремезовой Ксении Егоровны, 76 л., неграмотной, 3 июля 1961 г. в Пудожском районе. Собиратели – Пяллинен Н., Шарапова И.

«Варлаам и Иоасаф»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 38. № 70. Л. 152–153. Зап. от Коневой Евдокии Дмитриевны в 1961 г. в Терском районе Мурманской области Балашовым Д.М.

«Старица и старец»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. № 12. Л. 35–36. Зап. от Ростовцевой Натальи Алексеевны, 69 л., 5 июля 1932 г. в Сумском Посаде Беломорского района Астаховой А.М.

2) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 94. № 92. Л. 31–32. Зап. от Сотниковой Анастасии Григорьевны, 77 л., 5 июля 1976 г. в д. Нюхча Беломорского района студентами Петрозаводского государственного университета.

«Жил юный отшельник...»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 28. № 56а. Л. 83–88. Зап. от ? в 1935 г. в Беломорском районе Воробьёвым А.М., Дуровой В.П.

2) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 37. № 60. Л. 60–62. Зап. от Заборщикова Савина Павловича, 80 л., в 1958 г. в д. Варзуга Терского берега Мурманской области Лукиной Л.

3) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 43. № 163. Л. 324–325. Зап. от Мошниковой Авдотьи Анисимовны в январе 1963 г. в п. Лесной Терского района Мурманской области Тупицыной А.С.

2. Лиро-эпические стихи

«Архангел Михаил»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36 / 1. № 46. Л. 72–73. Зап. от Логиновой Анастасии Петровны, 53 л., в 1957 г. в с. Шуерецкое Кемского района Карельской ССР Балашовым Д.

2) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 145. № 35. Л. 96–97. Зап. от Крошониной Анисьи Григорьевны, 1902 г. р., 28 июня 1981 г. в с. Колежма Беломорского района Разумовой А.П., Разумовой И.А.

3) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 65. Л. 90. Зап. от ? в 1935 г. в Кемском районе Этиной И.

4) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 95. Л. 251–252. Зап. от ? в 1935 г. в Кемском районе Этиной И.

5) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 147. Л. 181. Зап. от ? в 1935 г. в Беломорском районе Этиной И.

6) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 15. № 35б. Л. 128. Зап. от Конашкова Фёдора Андреевича в 1937 г. в д. Семёново Пудожского района Ивановой М.А.

7) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 21. № 141. Л. 42. Зап. от Ремезовой Ксении Егоровны, 76 л., неграмотной, 3 июля 1961 г. в д. Алексево Пудожского района. Собиратели – Пяллинен Н., Шарапова И.

8) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 1009а. Л. 224. Зап. от Аникина Ивана Григорьевича, 53 л., в 1956 г. в Сегежском районе студентами МГУ.

9) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 74. Л. 195–197. Зап. от Силавестровой Агриппины Ивановны, 28 л., в 1935 г. в д. Калгалакша Кемского района Этиной И.

«Пятница и пустынный»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 731. Л. 44. Зап. от Поповой Анны Васильевны, 58 л., неграмотной, в 1956 г. в д. Лапино Беломорского района студентами МГУ.

2) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 79. № 751. Л. 78–79. Зап. от Лепетухиной Татьяны Васильевны, 68 л., в 1956 г. в д. Лапино Беломорского района Костюхиным Е., Савушкиной Н.

3) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 130. № 99. Л. 180. Зап. от Пайкачёвой Марфы Ивановны, 76 л., в июле 1971 г. в с. Колежма Беломорского района Разумовой А.П., Коски Т.А.

4) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 245. Л. 352. Зап. от Степанковой Натальи Кирилловны, 36 л., в июне-июле 1935 г. в д. Калгалакша Кемского района Этиной И.

5) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 160. № 118. Л. 126. Зап. от Ганьковой Марии Ивановны, грамотной, в 1983 г. в Медвежьегорском районе Онегиной Н.Ф., Пакконен А.Т.

6) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 6. № 124. Л. 95. Зап. от ? в 1938–1939 гг. в Пудожском районе Беловановой Е.А.

7) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 15. № 35а. Л. 127–128. Зап. от Конашкова Фёдора Андреевича в 1937 г. в д. Семеново Пудожского района Ивановой М.А.

8) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 141. № 176. Л. 327. Зап. от Попковой Матрёны Фроловны в 1979 г. в д. Бураково Пудожского района Черняевой Н.Г., Кузнецовой В.П.

«Страсти Господни»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. № 45. Л. 93. Зап. от Филатовой Анисьи Фёдоровны в 1932 г. в д. Лапино Беломорского района Астаховой А.М.

2) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 27. № 191. Л. 268–273. Зап. от ? в 1912 г. в Беломорском районе Дуровым И.М.

«Умоляла мать родная...»

1) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. № 10. Л. 32. Зап. от Кузнецовой Устины Максимовны, 60 л., 7 июля 1932 г. в Беломорском районе Астаховой А.М.

2) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 27. № 182. Л. 245–246. Зап. от ? в 1911 г. в с. Сорока Беломорского района Дуровым И.М.

3) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 27. № 193. Л. 276–278. См. предыдущий вариант.

4) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 28. № 124. Л. 37–38. Зап. от Прокопьевой Аполинарии Ивановны 9 июня 1935 г. в с. Сухое Беломорского района Прокопьевым М.А.

5) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 33. № 48. Л. 51. Зап. от Поповой Ольги Владимировны, 58 л., грамотной, в июле 1947 г. в с. Сумпосад Беломорского района Трошевой Л.

6) АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 34. № 48. Л. 3–4. См. вариант № 4.